

Д. Айзенберг, У. Дан, Э. Ландау

МОССАД

Деннис Айзенберг
Ури Дан
Эли Ландау

МОССАД

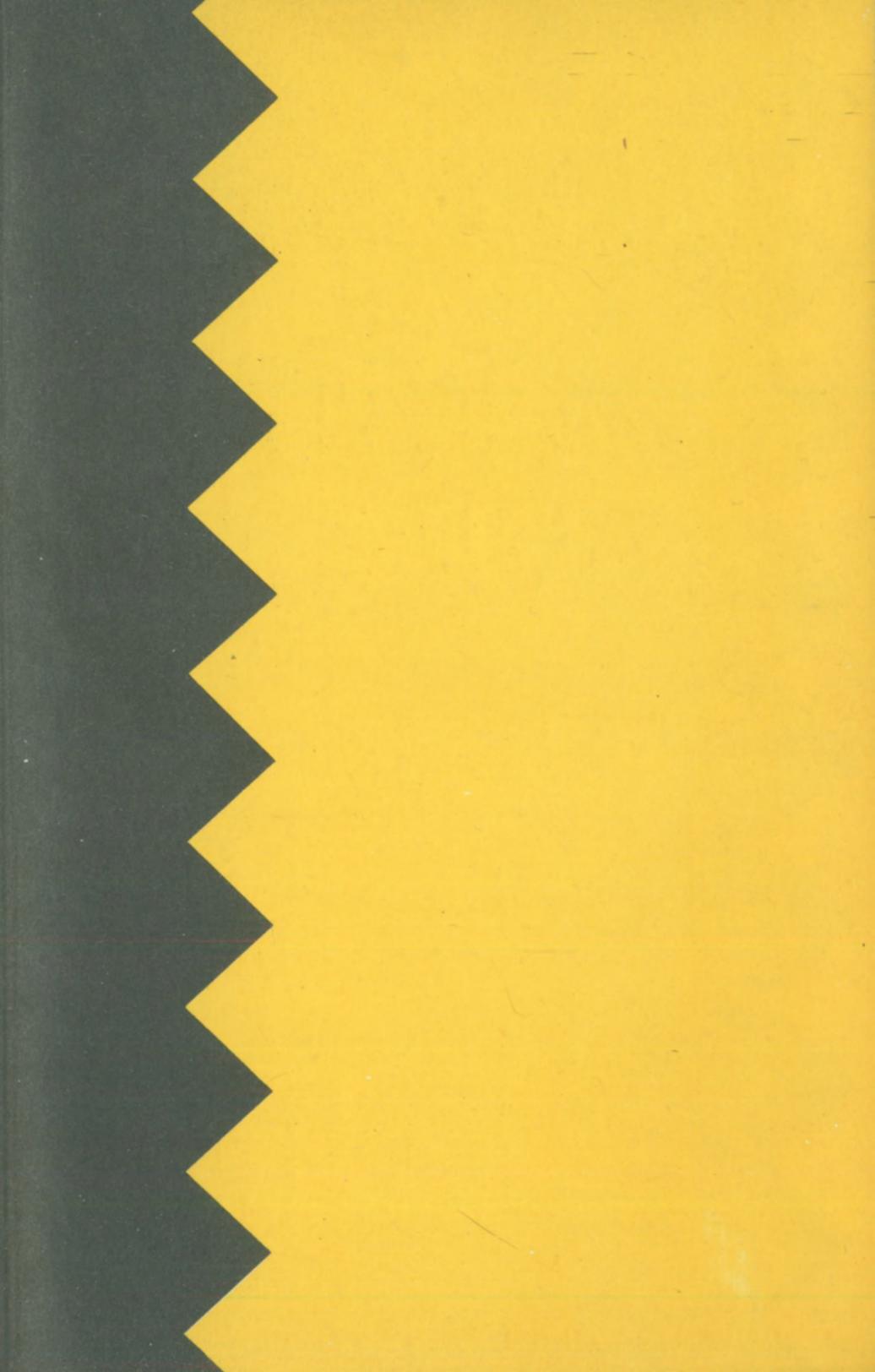
MOSSAD

The

**СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ**

Dennis Eisenberg
Uri Dan
Eli Landau

С Е К Р Е Т Н Ы Е   М И С С И И

Dennis Eisenberg,
Uri Dan,
Eli Landau

MOSSAD

Israel's Secret Intelligence Service
INSIDE STORIES

PADDINGTON PRESS LTD

Деннис Айзенберг,
Ури Дан,
Эли Ландау

МОССАД

Секретная разведывательная
служба Израиля

Москва
"Международные отношения" — МП "Улисс"
1993

ББК 63.3(5И)

А36

В книге использованы архивные фотодокументы

Айзенберг Д., Дан У., Ландау Э.

**А36 Моссад. Секретная разведывательная служба
Израиля/Пер. с англ. Ю. Н. Сергеева — М.:
Междунар. отношения; МП «Улисс», 1993. —
272 с. — (Секретные миссии)**

ISBN 5-7133-0566-X

В книге рассказывается о деятельности одной из известнейших разведывательных служб мира — израильской разведки Моссад. Книга состоит из двенадцати глав-новелл, в которых описываются самые успешные операции, проведенные этой организацией. Авторы рассказывают о реальных событиях, приводят достоверные факты, используют нигде ранее не публиковавшиеся материалы.

Книга публикуется в серии «Секретные миссии». Для широкого круга читателей.

А 0503030000—043
003(01)—93 **Без объявл.**

ББК 63.3(5И)

- © Подготовка к изданию и перевод на русский язык МП «Улисс», 1993
- © Оформление изд-ва «Международные отношения», 1993

ISBN 5-7133-0566-X

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	6
ОТ АВТОРОВ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Два Исера	12
Похищение Эйхмана	23
Иосселе	36
ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА	55
Угон советского «МиГа»	56
Эли Коген — великий шпион	70
Вольфганг Лотц	140
Противостояние	166
Падение Исера Харела	175
ПРЕОДОЛЕВАЯ ЭМБАРГО	186
Ракетные катера из Шербура	187
Альфред Фраункнехт и бумажные самолеты	209
ШПИОНАЖ ПРОТИВ ИЗРАИЛЯ	227
Израиль Беэр — друг Бен-Гуриона	228
Шпион из «саркофага»	240
Невидимые шпионы	253
«Михдал», или Война Судного дня	258
ЭПИЛОГ	269

От издательства

Все события, изложенные в книге, происходили на самом деле. Изменены только имена и фамилии сотрудников Моссад, а также в некоторых случаях детали их биографий. Сделано это по очень простой причине: чтобы не нанести вреда тем сотрудникам израильской разведки, которые еще продолжают свою работу. Однако эти изменения ни в коей мере не привели к искажению сути событий, и в главном все описано так, как было в действительности.

От авторов

Эта книга не была бы написана без помощи многих людей, предоставивших нам материалы, нигде ранее не публиковавшиеся. Мы не можем назвать их имена, но очень признательны всем за оказанное доверие.

Деннис Айзенберг
Ури Дан
Эли Ландау

Введение

И станут свободными малые народы, и да поможет им в этом разведка.

Это высказывание принадлежит еврейскому ученому немецкого происхождения Чарлзу Протеусу Стеймецу. За социалистические убеждения и политическую деятельность германские власти вынудили его покинуть страну. Он уехал в Соединенные Штаты, где сделал блестящую карьеру в области энергетики. И по сей день жива память о его выдающихся достижениях в этой сфере. Однако настоящую известность Стеймецу принесло процитированное высказывание, с поразительной точностью сбывшееся после образования Государства Израиль*.

Военная сила Израиля заключается не в мощи оружия, а прежде всего в точном и всестороннем знании деятельности его врагов. Объяснение этому можно найти, взглянув на карту ближневосточного региона.

Со всех сторон Израиль окружен враждебными ему государствами. Сразу же после провозглашения его независимости пять стран: Сирия, Египет, Ирак, Иордания и Ливан — выступили против самого права еврейского государства на существование. Вместе с Ливией и Южным Йеменом, занимающими крайне антиизраильские позиции, они превосходят Израиль по территории более чем в 50 раз, а по численности населения — в 20 раз**. Они получали оружие и советников от поддерживающих их могущественных государств.

Несмотря на некоторое улучшение в настоящее время отношений между Израилем и арабскими странами, последние по-прежнему являются источником постоянной угрозы его существованию.

Но враги Израиля используют не только воору́жен-

---

* Государство Израиль существует с 1948 г. (Здесь и далее, если не оговорено иного, примечания переводчика.)

** По данным на 1967 г. (Прим. авт.)

ные силы. Поэтому действиям террористов против мирных жителей, как это было во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году* или в случае с заложниками в аэропорту Энтеббе**, должна противостоять не только армия.

Основатели Израиля не могли предвидеть все те опасности, которые ожидали страну. Тем не менее с первых дней существования еврейского государства, даже в неспокойное время Войны за независимость, они признавали необходимость создания сильной разведывательной службы.

Так как Государство Израиль маленькое, нужно было создать небольшую по числу занятых в ней сотрудников и финансовым затратам службу. Она должна была действовать в условиях строгой секретности, быть подотчетной премьер-министру страны, пользоваться всенародной поддержкой, работать под строгим контролем и, самое главное, соответствовать требованиям, предъявляемым к лучшим разведкам мира. От этого зависело само существование Израиля.

Именно этими принципами руководствовался премьер-министр страны Давид Бен-Гурион*** при организации собственной разведывательной службы в первые дни после получения Израилем независимости. Перестроив структуру управления спецслужбами, он создал пять основных разведывательных организаций.

Одной из них была ШАИ — разведывательное подразделение «Хаганы» — подпольной армии, сформированной еврейскими поселенцами в Палестине в 1920 году. После того как «Хагана» вошла в состав израильских вооруженных сил, ШАИ осталась в своем первоначальном виде, продолжая заниматься сбором и обработкой разведывательной информации.

Второй по значению спецслужбой Израиля стала «Шин-Бет», которая занималась обеспечением внутренней безопасности. Третья — «Алия бет» — была образована во время действия английского мандата, чтобы способствовать нелегальной иммиграции евреев. После

---

* Во время Олимпийских игр 1972 г. арабские террористы убили несколько членов олимпийской сборной Израиля.

** Имеется в виду захват в июне 1976 г. террористами французского самолета со 105 пассажирами на борту. Самолет приземлился в Уганде, где был захвачен сотрудниками спецслужб Израиля.

*** Давид Бен-Гурион (1886—1973) — премьер-министр и министр обороны Израиля в 1948—1953, 1955—1963 гг.

провозглашения еврейского государства «Алия бет» стала помогать евреям выезжать из враждебных арабских государств.

Для установления контактов с разведками других стран в составе министерства иностранных дел Израиля возникла четвертая организация*. Пятая спецслужба занималась исключительно вопросами обеспечения взаимодействия с полицией**.

Именно эти пять организаций и составили ядро современного разведывательного сообщества Израиля***. Как и само существование еврейского государства, деятельность сообщества была сопряжена со множеством трудностей. Из-за отсутствия четкого разграничения функций между государственными органами каждая спецслужба работала как ей заблагорассудится. Соперничество и вражда раздирали разведывательные организации на части.

В 1951 году Бен-Гурион предпринял попытку преодолеть возникшие трудности путем реорганизации и объединения спецслужб. «Алия бет» и полиция сохранили свои функции, «Шин-Бет» по-прежнему отвечала за обеспечение внутренней безопасности. Остальные функции были разделены между двумя основными организациями. Одной из них стало подразделение военной разведки АМАН. Эта спецслужба должна была заниматься сбором и обработкой информации исключительно в интересах вооруженных сил и при тесном взаимодействии с ними.

На другую основную организацию разведывательного сообщества возложили более широкие и разнообразные, по сравнению с другими разведками Израиля, обязанности. Эта спецслужба получила название Моссад (сокращенный вариант от полного наименования Институт разведки и специальных задач). Его главными задачами стали сбор и обработка информации по всем вопросам, представляющим интерес для Государства Израиль.

При создании Моссад Бен-Гурион настоял на том, чтобы в его полное название вошли слова «специальных задач». Знарок разведки, он понимал, что Моссад должен будет выполнять самые необычные задания, не входя-

---

* Имеется в виду отдел исследований, переформированный в 1973 г. в Центр исследований и политического планирования.

** Особый отдел следственного управления полиции.

*** Общепринятый на Западе термин, обозначающий все государственные организации, занимающиеся разведкой.

щие в компетенцию других правительственных служб, военных или гражданских. Бен-Гурион знал, что Моссад станет сильнейшим оружием Израиля в борьбе за свое существование.

Сегодня, спустя тридцать лет со дня своего образования, Моссад, по оценкам журнала «Тайм», стоит в одном ряду с тремя другими лучшими разведками мира — КГБ, ЦРУ, английской МИ-6.

За свою короткую историю Моссад успел испытать и радость побед, и горечь неудач. По иронии судьбы, именно неудачи всегда становятся известными. В 1972 году спецкоманда Моссад, получившая задание ликвидировать группу террористов, причастных к убийству израильских спортсменов во время мюнхенской Олимпиады, провалила эту операцию. Сотрудники разведки Израиля убили невиновного и из-за собственной беспечности попали в руки полиции. Эта неудавшаяся акция привлекла внимание широкой общественности и мгновенно «прославила» Моссад.

Конечно, Моссад делает все возможное, чтобы впредь избежать такой «славы». И большинство операций этой организации являются шедеврами разведывательного искусства. Руководители Моссад убеждены, что все проводимые им акции должны оставаться неизвестными. Как отмечал руководитель Моссад Исер Харел, эта организация не стремится делать героев из обыкновенных мужчин и женщин, просто на работу в разведку принимаются только «глубоко любящие свою родину и преданные ей люди». И единственной целью спецслужбы является обеспечение безопасности Государства Израиль.

Два Исера

За три года до образования Моссад произошло событие, значительно повлиявшее на всю дальнейшую судьбу организации. 1 июля 1948 г. на окраине небольшой деревушки Бейт-Еэц, расположенной на шоссе Тель-Авив — Иерусалим, собрались немногочисленные ее жители, главным образом старики и дети. Они с изумлением наблюдали разыгравшуюся на их глазах странную сцену.

На усеянном камнями поле под четырехсотлетним оливковым деревом стоял скованный наручниками человек. Было ясно, что он еврей. Напротив него нестройной шеренгой стояли шесть вооруженных людей. Один с английской винтовкой, другой с чешским автоматом, еще двое держали в руках чуть ли не музейные экспонаты — ружья, сделанные в Германии, наверное, до первой мировой войны. Некоторые солдаты были одеты в заплатанную военную форму, другие — в спортивную одежду, а на ком-то были так называемые «лыжные куртки русской армии». Это пестрое сборище вояк состояло из членов недавно созданной организации ЦАХАЛ* — армии обороны Израиля. Но их внешний вид нисколько не удивлял жителей деревни Бейт-Еэц.

После принятия 14 мая 1948 г. Декларации об образовании Израиля началась ожесточенная война между еврейским государством, с одной стороны, и Иорданией, Сирией, Ираком, Египтом и Ливаном — с другой. Вскоре под лозунгом «Смерть евреям!» к ним присоединились палестинцы.

* ЦАХАЛ официально создана 31 мая 1948 г. на базе объединения подпольных военных организаций евреев в Палестине («Хагана», ПАЛМАХ, ЛЕХИ, «Иргун цван лейми»).

11 июня воюющие стороны заключили соглашение о прекращении огня, но на самом деле оно ничего не изменило. Войска арабских стран перегруппировались для новых атак. Израиль под руководством Бен-Гуриона также готовился к военным действиям. Оружие, военное снаряжение и люди (многие в недавнем прошлом узники фашистских концлагерей) прибывали в страну. Многочисленные подпольные военные организации, несмотря на возражения некоторых их членов, были слиты в единую армию.

На холмах, через которые проходила дорога из Тель-Авива в Иерусалим, военные действия велись без передышки. После жестоких боев под напором войск короля Иордании Абдуллы пал древнейший город Иерусалим.

Осажденным защитникам части города, остававшейся еще в руках израильской армии, из Тель-Авива был направлен импровизированный конвой из боевых машин с продовольствием и оружием. Войска арабов, закрепившиеся на господствующих над дорогой высотах, обрушивали на колонну беспощадный огонь всякий раз, как она пыталась прорваться к Иерусалиму.

Стремясь обойти арабов с флангов, группа израильских солдат вступила в бой с вооруженными крестьянами, и звуки стрельбы были слышны повсюду.

А в это время среди развалин Бейт-Еэца воинское подразделение израильтян готовилось расстрелять одного из своих соотечественников. Приказ о расстреле изменника коменданту местности отдал прибывший незадолго до этого старший офицер израильской армии. Отобрали шесть человек. Двое из них отказались сразу и были заменены другими.

Солдаты стояли на каменистой земле напротив осужденного капитана Меира Тобианского. По толпе крестьян прошел ропот: «Смотрите, как они расправляются с евреями-предателями!» Солдатам было нелегко: предатель или нет Тобианский, для них он прежде всего был евреем. Много лет он храбро воевал в армии «Хаганы». Но команда взяла на изготовку, и теперь все его заслуги ровным счетом ничего не значили. Среди евреев и арабов воцарилось молчание.

Раздались выстрелы, и безжизненное тело Тобианского упало на землю. Кровь сочилась через рубашку на бесплодную землю Бейт-Еэца. Спустя некоторое вре-

мя солдаты оттащили труп по склону холма подальше от деревни и тайно закопали. После этого они вернулись к своим обычным занятиям.

Когда о казни Тобианского доложили Исеру Беери, он пометил в своем дневнике: «Дело сделано». Беери и был тем самым старшим офицером израильской армии, который отдал приказ о его расстреле.

Беери (настоящая фамилия — Бернцвейг) родился в Польше в 1901 году. В возрасте двадцати лет он прибыл в Палестину в числе первых иммигрантов. Проработав некоторое время в Хайфе, он пытался заняться собственным бизнесом, но через год обанкротился. Разочарованный Беери возвратился в Польшу, однако вскоре вновь приехал в Палестину.

С 1938 года Беери участвует в подпольном движении. Он был хорошим служакой. К моменту провозглашения независимости Израиля Беери имел звание подполковника и возглавлял ШАИ — разведывательную службу «Хаганы». Занимаясь вопросами обеспечения безопасности, он зарекомендовал себя блестящим офицером.

Война за независимость принесла Беери и его организации массу проблем. Ему нужно было вербовать все новых и новых агентов, чтобы добывать информацию о замыслах и передвижениях войск противника. Беери почти не спал и работал на пределе своих возможностей.

Положение осложнялось тем, что в системе обеспечения обороны Иерусалима появилась брешь. Расположившаяся на холмах вокруг города иорданская артиллерия постоянно обстреливала военные объекты израильской армии. Даже когда под покровом ночи израильские войска меняли свои позиции, на следующий день иорданская артиллерия обрушивала на них огонь с той же точностью.

Сомнений не было: среди евреев находился шпион, который передавал информацию командованию вражеской армии.

Бен-Гурион вызвал начальника разведки. Кратко обрисовав Беери ситуацию, он возмущенно добавил: «Чем вы занимаетесь? Немедленно найти этого шпиона!»

Пресечь утечку важной секретной информации стало задачей номер один даже после соглашения о прекращении огня. Было совершенно ясно, что боевые действия возобновятся, как только обе стороны восстановят силы.

В конце концов подозрение пало на Меира Тобианского. До вступления в «Хагану» он служил в англий-

ской армии. Было известно, что он частенько пьянствует с британскими офицерами. Через них он мог легко передавать секретную информацию иорданскому руководству.

30 июня Беери получил донос на Тобианского — скудную информацию, основанную на обычных фронтовых сводках. Беери приказал арестовать Тобианского. Рано утром сотрудники службы безопасности арестовали Меира у него дома. Жене он сказал, что скоро вернется. Было очевидно, что он не подозревал о причинах своего ареста.

Немедленно был созван специальный военный трибунал. В течение нескольких часов Тобианского допрашивали. Подсудимый признал, что действительно поддерживал отношения с английскими офицерами, многих из которых считал своими друзьями. Однако при этом он категорически отрицал шпионаж в пользу англичан и тот факт, что передавал через своих британских приятелей информацию о военных объектах «Хаганы» иорданцам.

Военный трибунал категорически отверг все доводы Тобианского в свою защиту, и через несколько часов его безжизненное тело лежало на поле около деревни Бейт-Еэц.

Жена Тобианского Лена немедленно сообщила в полицию об исчезновении мужа. Там, конечно, не знали о его местонахождении. Безрезультатно закончились все попытки обнаружить Тобианского у его друзей.

Вскоре в газетах было опубликовано официальное сообщение, в котором говорилось, что Тобианский был расстрелян за передачу секретной информации противнику. Лена Тобианская, абсолютно уверенная в невиновности своего мужа, обращалась во все инстанции за помощью, с тем чтобы смыть пятно позора с его имени. Все сочувствовали, но помочь не могли. Наконец она написала лично Бен-Гуриону.

Премьер-министр был очень загружен, работал день и ночь, но даже в этих чрезвычайных условиях не мог оставить без ответа просьбу вдовы исправить эту «чудовищную несправедливость».

Как позднее говорил один из помощников Бен-Гуриона, премьер-министр сразу почувствовал: дело здесь нечисто.

Бен-Гурион сам написал Лене Тобианской письмо, в котором обещал, что лично разберется во всем.

«Я не могу утверждать, виновен или не виновен ваш муж, — писал он. — Но, возможно, была допущена несправедливость». Будет проведено официальное расследование, продолжал он, а до его окончания вдова Тобианского и его сын будут под опекой государства.

Расследование закончилось арестом Исера Беери, который отдал Тобианского под трибунал.

На судебном процессе в августе 1948 года Беери упорно отрицал все обвинения в превышении служебных обязанностей. «Я назначил трех судей для суда над Тобианским, — говорил он. — Я выступил в качестве обвинителя. Судьи рассмотрели доказательства и согласились с моим требованием смертной казни. Мы знали, что Тобианский был алкоголиком и жил явно не по средствам. Тяжесть его вины была такова, что приговор был приведен в исполнение немедленно. Как вы помните, это был решающий период войны. Войны не на жизнь, а на смерть. Я просто выполнял свой долг».

Суду стало известно, что Тобианский просил о помиловании в тот момент, когда все уже было готово для приведения приговора в исполнение. «Я прослужил в «Хагане» двадцать два года. Разрешите мне хотя бы написать письмо сыну», — попросил он. Его просьба была отклонена.

Судьи по делу Исера Беери пришли к выводу, что военно-полевой суд над Тобианским был незаконным. Тобианскому даже не предоставили элементарного права на защиту. Приговор не утверждался ни одной высшей инстанцией, и на него не была подана апелляция.

Одновременно суд признал, что данный случай произошел в чрезвычайно трудный для истории Израиля период. И Тобианский и Беери пали жертвами шпиономании. Кроме того, отсутствовали какие-либо нормативные акты. В Израиле в то время не было ни законов, ни прецедента, которые можно было использовать при рассмотрении дела о государственной измене.

Исер Беери не был злодеем. Его преданность и патриотизм не подвергались сомнению. Не было найдено никаких доказательств его вины. Отдавая приказ о казни Тобианского, он не сомневался в его виновности.

Однако в любом случае, постановил суд, справед-

ливость должна торжествовать*. Беери признали виновным и приговорили к тюремному заключению на дневное время суток. Он избежал необходимости проводить ночи в тюрьме, что по израильским обычаям считалось позором.

Но для такого человека, как Исер Беери, этот приговор был хуже смерти. Несмотря на то что президент Израиля Хаим Вейцман** помиловал его***, Беери чувствовал себя обесчещенным в глазах своих сограждан. Он был вынужден уйти со службы и в 1958 году умер от инфаркта.

Казнь Меира Тобианского повлияла на дальнейшую судьбу Моссад. Приведя к падению Исера Беери, она способствовала возвышению другого человека, который со временем стал руководить не только Моссад, но и всеми разведывательными службами Израиля. Этот выдающийся человек сделал для Моссад больше, чем кто-либо другой. Звали его Исер Харел.

Исер Харел**** прибыл в Палестину из Латвии в 1930 году. Его семья, попавшая в Латвию из Витебска, уехала в Палестину на два года раньше. Когда семнадцатилетним юношей Харел перебирался к своей семье в Палестину, уже тогда проявились его способности к подпольной работе: Исер сумел пронести револьвер через английскую таможню, отличавшуюся особо строгим досмотром. Таможенники никогда бы не заподозрили в этом безобидном лопухом пареньке полутора метра ростом контрабандиста.

По прибытии Исер устроился на работу в кибуц***** неподалеку от Херцлия, расположенного на морском побережье в нескольких милях от Тель-Авива. Он так усердно трудился на апельсиновой плантации, что заработал себе кличку «Стаханович» по аналогии с русским шахтером Алексеем Стахановым, чье имя стало сино-

---

* Тобианский был реабилитирован посмертно, восстановлен в звании капитана, похоронен с воинскими почестями на воинском кладбище. Его семье была назначена пожизненная пенсия.

** Хаим Вейцман (1874—1952) — президент Израиля в 1948—1952 гг.

*** С формулировкой «в знак признания заслуг перед Израилем».

**** Настоящая фамилия Гальперин.

***** Кибуц — производственное кооперативное объединение, формально с полным обобществлением всех средств производства и коммунальной организацией быта.

нимом высокой производительности труда*. Исер быстро освоил иврит, но так и не смог избавиться от русского акцента. Среди жителей кибуца он был известен как серьезный и даже суровый человек.

Жена Исера Ривка, уроженка Польши (с ней Исер познакомился в кибуце), напротив, была веселой и энергичной женщиной. Она любила петь, танцевать и ездить на лошади. Они прожили в кибуце почти тринадцать лет, поначалу поселившись в палатке, разбитой среди песчаных дюн. В 1943 году из-за разногласий с жителями кибуца чета Харел была вынуждена покинуть его. Они переехали в Тель-Авив, где построили дом.

Вскоре Исер вступил в «Хагану» — еврейскую подпольную армию, которая в то время боролась против банд арабов. Через несколько месяцев он перешел на службу в разведку.

Исер хорошо справлялся со своими служебными обязанностями и быстро продвигался по службе. Вскоре он уже возглавлял группу разведчиков, а после окончания второй мировой войны стал командовать подразделением ШАИ в районе Тель-Авива. Этот пост он занимал в течение нескольких лет.

Именно в это время Исер Харел получил прозвище «Исер-маленький». Формально основанием для такого прозвища явился его рост. Но главной причиной стало все-таки то, что его необходимо было отличать от другого Исера, Исера Беери. Эти два человека были хорошо известны в одних и тех же кругах, и их одинаковые имена создавали путаницу и осложнения в отношениях военных и разведчиков.

Исер-маленький отлично служил в период между второй мировой войной и Войной за независимость Израиля. Харел боготворил Бен-Гуриона и был беспредельно предан ему. И, естественно, он надеялся, что после падения Исера Беери в декабре 1948 года его назначат на должность руководителя ШАИ.

Однако этот пост достался уроженцу Польши Хаиму Герцогу**. Исер-маленький был вынужден согла-

---

* За любовь к руководству Исера прозвали также «Наполеоном» и «Исером Грозным».

** Хаим Герцог (1918) — глава «Шин-Бет» (1947—1948 гг.); начальник военной разведки Израиля (1948—1950, 1959—1962 гг.); постоянный представитель Израиля при ООН (1975—1978 гг.); президент Израиля с 1983 г.

ситься на пост руководителя второй по значимости израильской спецслужбы — «Шин-Бет», которая занималась обеспечением внутренней безопасности.

Исер с большим усердием приступил к новой работе. Но он был слишком горд, самонадеян, амбициозен, чтобы удовлетвориться этой должностью. Почти одновременно с затеянной Бен-Гурионом реорганизацией спецслужб Израиля Исер-маленький начал предпринимать шаги для установления своего контроля над ними.

Несмотря на всевозможные препятствия, его усилия увенчались успехом. Не прошло и года, как он сумел убедить главу Моссад уйти в отставку, а еще через пять месяцев занял его пост. Спустя некоторое время Харел установил контроль над «Алия бет» и стал председателем комитета по делам спецслужб, который занимался координацией деятельности различных разведывательных организаций Израиля.

Теперь Исер был действительно главой спецслужб Израиля. Более десяти лет он фактически единолично руководил всеми разведывательными операциями. Ответственный только перед Бен-Гурионом, он являлся человеком номер два в Израиле.

Исер был буквально одержим манией секретности, с тех пор как возглавил подразделение ШАИ в районе Тель-Авива. После второй мировой войны он собрал огромный архив, содержащий всевозможную информацию по обеспечению безопасности, сведения о нацистских преступниках и другие материалы, которые, по его мнению, могли когда-либо пригодиться.

Опасаясь, что англичане захватят архив, Исер снял в Тель-Авиве небольшую квартиру и оборудовал в ней потайную комнату, где в течение многих месяцев хранил свои бесценные документы. Несколько раз англичане пытались обнаружить его тайник, но безуспешно.

Однако этого было недостаточно для Исера.

Объезжая окрестности Тель-Авива, он заметил строящийся многоквартирный дом. Это навело его на одну мысль. Выйдя из машины, он подошел к мастеру и осторожно расспросил его о рабочих. Поговорив с некоторыми из них, Исер выбрал одного, которому, по его мнению, можно было доверять, и попросил оказать ему маленькую услугу.

Ему нужна была комната, расположенная в центре здания, для хранения архивных документов. О тайнике

не должны были знать ни архитектор, ни другие строители. Рабочий сделал ему такую комнату. Именно здесь Исер хранил архив вплоть до того времени, когда англичане покинули страну и он смог найти подходящее помещение в Яффе.

О любви Харела к конспирации складывались легенды. Ходил даже анекдот, как однажды Исер, наняв в Тель-Авиве такси, на вопрос таксиста, куда ехать, ответил, что это секрет.

В течение многих лет соседи Харела не знали, чем он занимается. Догадываясь, что Исер каким-то образом связан с военным ведомством, они не могли и подумать о том, что он работает в разведке и занимает высокую должность. Однажды, когда владелец магазина случайно увидел Харела в форме подполковника, он в недоумении воскликнул: «Как такой тихий маленький человек может занимать столь важный пост?»

А вообще соседи жалели этого низкорослого лысого человека, которого иногда видели в магазине, где он покупал что-либо для своей жены, получившей прозвище «Амазонка». Окружающие считали, что дома ему живется несладко. Кстати, известно, что только два человека могли командовать им — Бен-Гурион и Ривка.

Но на работе маленький Исер преображался. Сотрудники уважали и боялись его. По свидетельству одного из них, когда Харел смотрел на собеседника, тот чувствовал себя в роли подсудимого. Другой добавлял: «Казалось, что холодный взгляд его голубых глаз словно острый нож вскрывал ваши самые сокровенные мысли. Разговаривая с людьми, он смотрел прямо в глаза и никогда не отводил взгляда. Чем больше Харел смотрел на вас, тем суровее он казался. В разговоре с ним вы всегда чувствовали себя виноватым. Достаточно было малейшей оплошности, и вы могли потерять доверие Харела, даже если для этого не было никаких оснований».

Исер был прирожденным шпионом. В течение более десяти лет, когда он возглавлял спецслужбы Израиля, при его непосредственном участии была создана сильная разведывательная организация. Не ограничиваясь кабинетной работой, Харел часто руководил операциями прямо на месте, откровенно наслаждаясь тем, что делает.

Снова и снова интуиция подсказывала ему правиль-

ное решение, несмотря на то что логика событий уводила в другую сторону. Его коллеги подозревали, что у Исера есть нечто вроде внутренней антенны, которая никогда не подводила его, особенно в критические моменты. Он хорошо разбирался в людях и быстро продвигал по службе тех, кто обладал способностями и решительностью.

Харел всегда держался в стороне, предпочитал действовать в одиночку. За все годы совместной жизни даже его жена не осмеливалась говорить с ним о работе. Только однажды, не имея об Исере никаких сведений в течение долгого времени, Ривка спросила премьер-министра Израиля Бен-Гуриона: «Скажите, что с моим мужем? Где он?» Но Бен-Гурион не мог ответить на этот вопрос: он не имел ни малейшего представления о том, где находится шеф его разведки.

Однако у Ривки были свои маленькие хитрости, которые позволяли быть в курсе дел мужа. Когда в их доме происходило важное совещание, она старалась почаще навещаться со свежим кофе и бутербродами в комнату, где оно происходило. «Ешьте, ешьте. Голодные, наверное?» — ворчливо говорила она, одновременно стараясь уловить обрывки разговоров, из которых делала свои выводы.

Исер не любил легкомыслие в любой, даже безобидной форме. Он искренне считал, что ношение галстуков — признак декадентства, и отказывался иметь даже один. Но когда Исер поехал на встречу с главами правительств европейских стран, один из подчиненных купил ему галстук и научил завязывать его.

Единственной уступкой обществу со стороны Исера были еженедельные собрания у него дома. Каждый четверг крупные бизнесмены, генералы, министры и те, о роде занятий которых нельзя было сказать ничего определенного, собирались на кофе и булочки с маком.

Как-то одного из членов его семьи спросили, приходят ли близкие друзья Харела на эти встречи. Он недоуменно ответил: «Друзья? Он знает каждого, и они знают его, но я не думаю, что у него есть настоящие друзья. Он никому не доверяет, даже нам».

Исер пользовался славой кристально честного человека, не замешанного в каких-либо скандалах. Преданный семьянин, он вел почти пуританский образ жизни. Когда он узнал, что его лучший сотрудник под благовидным предлогом пробыл с любовницей на морс-

ком курорте в течение недели, Исер немедленно уволил его. Он презирал материальные блага. И это было большим плюсом для Израиля, поскольку Харел распоряжался средствами Моссад и не отчитывался ни перед кем, даже перед правительством. Вплоть до настоящего времени он проживает в обычном современном доме с небольшим аккуратным садиком. Сам образ жизни скромного простого человека говорит о его честности.

Исер пользовался безграничным доверием своих сотрудников, в особенности тех, кто выполнял опасные задания за границей. Харел считал для себя обязательным интересоваться личной жизнью своих подчиненных и помогать им, если нужно. Никто и никогда не мог вести себя с Исером запанибрата. У него начисто отсутствовало чувство юмора. Самое большое, что он мог позволить себе по части юмора, это сказать: «Из всех людей моих голубых глаз не боятся только собаки и дети».

Его манера общения с коллегами и подчиненными была непредсказуемой. Один сотрудник, совершивший ошибку по легкомыслию, был подвергнут Исером страшному разному. Ошибка сотрудника поставила правительство Израиля в неловкое положение перед общественностью, но Харел не уволил его. Выйдя из кабинета начальника израильской разведки бледный и трясущийся, он сказал: «Если бы Исер остался в России, он стал бы теперь главой КГБ, а этого монстра Берию проглотил бы на завтрак и не поперхнулся».

Исер был жестким начальником, но платил сторицей за верную службу и никогда не оставлял в беде своих сотрудников. Даже если кто-либо из его людей попадался, он предпринимал все усилия, чтобы освободить его. Исер никогда не соглашался с традиционной точкой зрения, что разведчик, сидящий в тюрьме, уже не разведчик.

Руководители служб безопасности иностранных государств глубоко уважали Исера-маленького за его высокий профессионализм. Он получал громадное наслаждение от своей работы. Его любимыми увлечениями были опера и детективные романы Агаты Кристи. Шпионские романы, за небольшим исключением, вызывали у него только чувство презрения.

Таким был человек, который создал Моссад и сделал эту организацию такой, какой она существует и ныне.

Похищение Эйхмана

В один из осенних дней 1957 года Исер Харел засиделся допоздна в своем кабинете. Он изучал одно из тех досье, материалы для которого собирал сразу после второй мировой войны и которые так тщательно прятал от англичан. Это было досье Адольфа Эйхмана.

Временами Исеру приходилось заставлять себя читать досье, ибо описание преступлений Эйхмана вызывало у него приступы тошноты.

Назначенный в 1934 году экспертом по вопросам сионизма в Главное имперское управление безопасности фашистской Германии, Эйхман сыграл ключевую роль в осуществлении так называемого плана «окончательного решения еврейского вопроса». Именно он отстаивал идею «насильственной эмиграции» как метода концентрации еврейского населения Европы в местах, где можно было легко осуществлять над ним контроль. Для выполнения своей программы он предложил учредить специальный орган. В ходе войны Эйхман все чаще стал брать на себя чисто административные функции по реализации «окончательного решения». Кстати говоря, он добивался исполнения своих приказов с убийственной тщательностью и поразительным энтузиазмом.

Эйхман испытывал нескрываемую гордость за четко спланированные им операции. Во время Нюрнбергского процесса были представлены неопровержимые доказательства его участия в уничтожении евреев. По инициативе Эйхмана Освенцим превратился в крупнейший центр массового истребления людей. В этом лагере было убито около двух миллионов евреев.

Действия Эйхмана в Венгрии, где в марте 1944 года он руководил мероприятиями по реализации «окончательного решения», отличались невероятной жесто-

костью. Всего за четыре месяца, разделив страну на шесть специальных зон и введя туда войска, он сумел осуществить депортацию 650 тысяч венгерских евреев. 437 тысяч евреев были отправлены в Освенцим. Позже, когда Германия стала терпеть поражение на фронте, ее руководители пытались получить необходимые им стратегические материалы в обмен на жизнь евреев. Но даже во время переговоров Эйхман не прекращал своей деятельности.

После войны многие нацисты, занимавшие руководящие посты в Германии, были арестованы и предстали перед военным трибуналом в Нюрнберге. С теми из них, кто избежал суда, расправлялись при помощи самосуда.

Еще до окончания войны в Еврейской бригаде, воевавшей в составе английской армии, была организована специальная часть, перед которой стояла задача поиска нацистов. Эта часть получила название «Ханокмин» («каратели») по аналогии с библейскими карающими ангелами.

На основе свидетельств бывших узников фашистских концлагерей, члены этой организации составили списки нацистских преступников. По всей Европе была раскинута агентурная сеть «Ханокмин». Помощь ей оказывало командование оккупационных войск: французских, английских и др. Члены организации обнаружили и захватили сотни нацистов, в большинстве своем сотрудников СС, которые участвовали в создании концлагерей и работали в них.

Вначале «Ханокмин» ограничивалась тем, что передавала преступников военным властям союзников. Однако в условиях неразберихи военного времени нацистам нередко удавалось избежать наказания. Так, в 1944 году в Венгрии были захвачены и переданы советским оккупационным войскам двое высокопоставленных нацистов. Однако, к ужасу людей, которые их захватили, представитель советского командования заявил, что для подтверждения причастности задержанных к преступной деятельности нужны более весомые доказательства, чем свидетельства узников концлагерей. По его приказу немцев освободили. Не скрывая радости, оба немца вышли на улицу, но им недолго удалось наслаждаться свободой: бойцы из группы «Ханокмин» тут же расстреляли их из автоматов.

После этого случая тактика «Ханокмин» изменилась.

Они не просто находили нацистских преступников, но немедленно их уничтожали. Как только становилось известно о местонахождении очередного нациста, один из членов «Ханокмин» являлся к нему в форме английского офицера и вежливо приглашал в комендатуру для выяснения каких-либо обстоятельств. Его проводжали в ближайшие лес или поле, где преступнику зачитывали обвинение, выносили приговор и тут же приводили его в исполнение. Только за первый послевоенный год таким образом было уничтожено более тысячи человек.

Адольфу Эйхману удалось избежать и скамьи подсудимых, и расправы «Ханокмин». Он был далеко не глупый человек и, кроме того, знал кое-что о работе разведки. Казалось, ему удалось скрыть все следы. Но лишь до осени 1957 года.

Исер Харел получил информацию от прокурора земли Гессен (Германия) Ф. Бауэра о том, что Эйхман проживает в Аргентине. Вот почему Исер всю ночь изучал досье нациста. К утру он был уверен — этот человек должен предстать перед судом.

Поимка крупного преступника, проживающего, вероятно всего, под вымышленным именем и имеющего влиятельных друзей, в том числе и в аргентинском правительстве, будет одной из самых сложных задач, с которыми он когда-либо сталкивался. Допустим, Эйхман захвачен. Что с ним делать дальше? Легче всего уничтожить — так поступала и «Ханокмин». Но Исер-маленький не хотел просто убивать его. Он собирался доставить Эйхмана в Израиль и судить его перед теми, кого он так старался уничтожить.

Несомненно, это усложняло задачу, но другого варианта не было. Возможно, помня о Меире Тобианском — офицере, чья смерть стала позором Исера Бери, Харел хотел, чтобы здесь все было законно. Такому преступнику, как Эйхман, нельзя позволить умереть просто так. Предстояла очень ответственная операция, которая независимо от результата повлекла бы за собой серьезные последствия.

Исер тщательно проанализировал все детали операции и, только убедившись в ее успехе, пошел с докладом к премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону. Они никогда не обсуждали деловые вопросы по телефону.

На этот раз их разговор был краток. Войдя в каби-

нет Бен-Гуриона, Исер сообщил, что располагает данными о местонахождении Эйхмана.

— Прошу разрешения привезти его в Израиль.

— Действуй! — все, что сказал премьер-министр.

С этого момента операция стала задачей номер один для Исера Харела.

Информация об Эйхмане поступила к Ф. Бауэру от одного слепого еврея, проживающего в Буэнос-Айресе, Л. Хермана. Его дочь встречалась с молодым человеком, которого звали Николас Эйхман. Он оказался одним из сыновей Адольфа Эйхмана. Это позволило установить адрес семьи Эйхмана — Буэнос-Айрес, Оливос, улица Чакабуко, 4261.

В начале 1958 года за домом Эйхмана установили наблюдение. Но, видимо, была допущена неосторожность. А может быть, чутье человека, привыкшего скрываться, помогло тому обнаружить слежку. Короче говоря, Эйхман и его семья исчезли. След их был потерян.

В марте того же года по личному указанию Исера в Буэнос-Айрес приехал опытный офицер Эфраим Элром. Элром не являлся сотрудником разведки. Он служил в полиции. Родом из Польши, он долгое время прожил в Германии. По приезде в Палестину Эфраим работал в английской полиции, а после получения Израилем независимости стал старшим офицером израильской полиции. Выбор Исера пал на этого человека не случайно: у Элрома был прекрасный послужной список и к тому же его легко можно было принять за немца. Была еще одна серьезная причина — почти вся его семья погибла в немецком концлагере.

В Буэнос-Айресе Элром встретился с Л. Херманом, слепым судьей, дочь которого была знакомой Николаса Эйхмана. Как выяснилось, подозрения у Хермана появились, когда он услышал, как Николас хвастается заслугами своего отца перед фашистской Германией.

Очень осторожно стали проверять, о том ли Эйхмане идет речь. Необходимо было исключить возможность возникновения у этого человека даже малейшего подозрения о слежке. Но хуже всего было даже не потерять настоящего Эйхмана, а захватить невиновного человека.

Агентов, занимавшихся розыском, снабдили информацией, содержащей мельчайшие детали, по которым можно было идентифицировать преступника с абсолют-

ной точностью: физические данные, тембр голоса и даже день свадьбы. В деле, однако, отсутствовали фотографии Эйхмана военного времени, заблаговременно им уничтоженные. Пришлось довольствоваться его старыми снимками.

Сотрудники Моссад постоянно проверяли поступающие сведения, отсеивали достоверные сведения от ложных версий, которых было предостаточно. По одной из них, Эйхман якобы проживал в Кувейте, выдавая себя за сотрудника нефтяной компании.

Шло время. В израильском руководстве уже стали поговаривать о том, что впустую тратятся и без того скудные средства Моссад. Такой маленькой организации, как Моссад, было крайне сложно охотиться за Эйхманом и одновременно следить за политической обстановкой в Сирии, Египте и других странах арабского мира.

Однако поиск нацистского преступника продолжался. В декабре 1959 года сотрудники Моссад наконец отыскали Эйхмана, скрывавшегося под именем Рикардо Клемента — разорившегося владельца прачечной. Установив слежку за сыном Эйхмана, агенты обнаружили дом на улице Гарибальди, в котором проживала его семья. Они стали круглосуточно наблюдать за домом, фотографируя его со всех сторон. Они скрупулезно изучали привычки лысеющего мужчины в очках. Все указывало на то, что это был Эйхман, но нужно было несомненное доказательство.

Такая возможность представилась лишь 21 марта 1960 г. Вечером этого дня Рикардо Клемент, как обычно, вышел из автобуса и медленно направился к своему дому. В руках он держал букет цветов, который преподнес встречавшей его женщине. Младший сын хозяина, обычно неряшливо одетый, был в праздничном костюме и аккуратно причесан. Спустя некоторое время из дома донесся шум веселья: там явно отмечали какое-то событие, но какое? Обратившись к досье Эйхмана, сотрудники разведки установили, что в этот день Эйхманы должны были справлять свою «серебряную» свадьбу. Последние сомнения исчезли: Рикардо Клемент не кто иной, как Адольф Эйхман.

Итак, Эйхман найден. Исер решил вылететь в Аргентину, чтобы принять участие в его захвате. Позже Харел признался: «Эта была самая сложная и тонкая операция, которую когда-либо проводил Моссад. Я

чувствовал, что обязан взять ее выполнение под личную ответственность». Один из его сотрудников объяснил это немного иначе: «Он просто не мог не быть там».

С приездом Харела подготовка к операции ускорилась. Под его руководством был разработан план вывоза Эйхмана из Аргентины по фальшивым документам. Были проработаны мельчайшие детали. Последние коррективы вносились на основе сведений, получаемых от сотрудников наружного наблюдения, которые следили теперь за каждым шагом Эйхмана.

Исер Харел лично отбирал членов оперативной группы из числа лучших сотрудников разведки. Все они и раньше принимали участие в подобных операциях вместе со своим шефом. Все они не раз рисковали своей жизнью. Учитывая, что операция будет чрезвычайно опасной, по настоянию Харела в группу захвата отбирались только добровольцы. Руководителем группы стал бывший солдат войск специального назначения, который принимал участие в боевых действиях с двенадцати лет. С его помощью освободили группу евреев из лагеря для интернированных нелегальных иммигрантов. Он был в числе тех, кто взорвал английскую радарную станцию на горе Кармель, считавшуюся неприступной. После ранения, полученного во время операции против арабских мародеров, он стал разведчиком и перешел на службу к Исеру.

Остальные члены группы испытали на себе все ужасы фашистского террора. На их глазах близких уводили в концлагеря, откуда они уже не возвращались. У некоторых не осталось в живых никого из родственников.

Одного из них звали Шалом Дани*, что означает «поддельщик документов». Он вырос в гетто. После оккупации Венгрии, где он родился, он прошел через несколько концлагерей. В одном из них — Берген-Бельзене — в газовой камере погиб его отец. После окончания войны Дани оказался в английском лагере, куда попал после того, как корабль с еврейскими иммигрантами, направлявшийся в Палестину, был захвачен британскими ВМС. Исер поручил Дани изготовить фальшивые документы для членов группы и Эйхмана, с тем чтобы его исчезновение из Аргентины осталось незамеченным.

У другого человека, отобранного Исером, нацисты

* Имя и фамилия вымышленные.

убили сестру вместе с тремя детьми. Узнав об этом, он поклялся отомстить убийцам. Именно он был назначен Харелом ответственным за захват Эйхмана. «Доверьте мне, и я сделаю все как надо», — сказал он со слезами на глазах. В группу был также включен бывший член организации «Ханокмин», имевший опыт уничтожения нацистов в Италии. Он сожалел только о том, что в ходе операции должен был осуществлять вспомогательные функции.

Всего в операции участвовало более тридцати человек: двенадцать составили группу захвата, остальные — группу поддержки. Все было рассчитано, исключены любые случайности. Чтобы избежать осложнений при выезде из Аргентины, в одной из европейских столиц было создано небольшое туристическое агентство. С учетом возможности провала и нежелательных политических последствий акции было сделано все, чтобы скрыть сам факт прибытия группы захвата из Израиля. Маловероятно, что правительство Аргентины не выразило бы протеста против вмешательства иностранного государства в ее дела. Но у Исера не было выбора. Если даже поставить в известность аргентинское правительство, нет гарантии, что удастся арестовать Эйхмана. В Латинской Америке значительным влиянием пользовались политические силы, симпатизирующие нацистам. К тому же здесь сложилась традиция предоставления убежища иммигрантам из Европы, независимо от того, кто они — политики, грабители или нацистские преступники.

Непосредственная подготовка к операции началась в конце апреля. Сотрудники Моссад прибывали в Аргентину в разное время, из разных стран и даже из разных городов. Они размещались на конспиративных квартирах, которые служили опорными пунктами в предстоящей операции. Был арендован парк машин, чтобы агенты могли постоянно менять их, тем самым нейтрализуя возможное наблюдение.

Эйхмана собирались вывезти на самолете израильской компании «Эл Ал», который должен был специальным рейсом доставить официальную делегацию Израиля* на празднование 150-летней годовщины незави-

* Возглавлял делегацию представитель Израиля в ООН Аба Эбан, ничего не подозревавший об операции. В течение многих лет Эбан был категорически против публикации книги Харела «Дом на улице Гарибальди» (Лондон, 1975). Она вышла в свет через 15 лет после описываемых событий.

симости Аргентины. Благодаря счастливому стечению обстоятельств Исеру удалось взять под свой контроль отлет этого самолета в Израиль. В качестве запасного варианта предусматривалась доставка Эйхмана морским путем на специальном корабле, что заняло бы по крайней мере два месяца.

К 11 мая все приготовления были закончены. Было решено захватить Эйхмана в этот день, когда он вернется с работы, и доставить на одну из конспиративных квартир израильской разведки.

Это был классический образец операции по захвату. В 19 часов 34 минуты на улице Гарибальди припарковались две машины. Из одной машины вышли двое мужчин, подняли капот и стали усердно копать в моторе. Третий человек прятался на заднем сиденье. Водитель второй машины, стоявшей метрах в десяти от первой, «безуспешно» пытался завести мотор.

Обычно Эйхман возвращался домой на автобусе, который останавливался у его дома в 19.40. В этот день автобус прибыл точно по расписанию, однако Эйхман на нем не приехал. Положение осложнялось. Решено было ждать, но и на следующем автобусе Эйхман не приехал и на третьем тоже. Может быть, он что-то заподозрил? Оставаться на месте становилось опасным: можно было вызвать подозрение и поставить под угрозу всю операцию. Однако было уже слишком поздно, чтобы просто уйти. Прошло еще несколько минут...

Наконец показался еще один автобус. Всего один человек вышел из него и медленно направился в сторону разведчиков. Это был Эйхман. Как только он подошел к условленному месту, его ослепили фары автомобиля. В следующее мгновение два человека схватили его и, прежде чем он успел издать хотя бы один звук, затолкали на заднее сиденье машины. Эйхмана связали, засунули кляп в рот и натянули на голову мешок. Сотрудник Моссад предупредил: «Одно движение — и ты труп». Машина рванулась с места.

Через час Эйхман был на конспиративной квартире, надежно привязанный к кровати. Сотрудники Моссад решили проверить номер Эйхмана, вытатуированный у него на теле, как у всякого члена СС. Однако на этом месте был лишь небольшой шрам. Эйхман сказал, что в американском пересылочном лагере ему удалось избавиться от татуировки. Пункт за пунктом израильцы проверяли данные досье. К их удивлению,

Эйхман охотно помогал им в этом безо всякого принуждения. Теперь перед ними сидел не надменный офицер СС, который распоряжался сотнями человеческих жизней, а маленький испуганный человечек, готовый подобоострастно исполнить любое желание своих хозяев. На все вопросы он давал подробные ответы: «Номер моей членской карточки в национал-социалистической партии был 889895. Мои номера в СС — 45326 и 63752. Меня зовут Адольф Эйхман».

С трудом верилось, что этот обычный с виду человек повинен в гибели сотен тысяч людей. По отзывам наблюдавших за Эйхманом в то время сотрудников Моссад, он вызывал только чувство отвращения. Самым ужасным для них был момент, когда на прекрасном иврите он стал читать одну из еврейских молитв «Ш'ма Израиль»*: «Услышь, о Израиль, Всевышний наш Бог...»

«Меня учил ивриту один раввин», — объяснил пленник.

На конспиративной квартире под круглосуточным наблюдением Эйхмана продержали неделю. Свет в его комнате не выключался, единственное окно было плотно зашторено черными занавесками. В течение всего времени сотрудники Моссад, выполняя приказ Исера, вели допрос преступника, стараясь найти все новые и новые подтверждения того, что перед ними именно Эйхман.

Временами их пленник впадал в панику, когда ему казалось, что его должны расстрелять на месте. Боясь отравления, он отказывался от пищи и настаивал на том, чтобы ее пробовал кто-то еще.

Для израильтян это тоже была непростая неделя. Присутствие Эйхмана вызывало воспоминания о друзьях и родственниках, уничтоженных нацистами. Даже самые стойкие из группы захвата не выдерживали долго в этом доме и вынуждены были время от времени совершать пешие прогулки. Когда Исер замечал, как его люди переживают эту ситуацию, он отправлял их «осматривать достопримечательности» Буэнос-Айреса. Бывало, что люди, привыкшие смотреть в глаза смерти, плакали. Сотрудница Моссад, ответственная за приготовление пищи для Эйхмана, призналась потом, что с трудом подавляла желание подсыпать ему яда. Не-

---

* Молитва «Ш'ма Израиль» («Слушай, Израиль») является основой богослужения в иудаизме.

смотря ни на что, дисциплина была на высоте. Не случайно Исер самолично отбирал людей в группу захвата.

Когда Харел увидел Эйхмана, а это случилось только на четвертый день после захвата, пленник не вызвал у него никаких эмоций. «Я только подумал, какой он неприметный». Исер уже полностью переключился на планирование второй стадии операции — «вывоз». Рейс самолета «Эл Ал» был назначен на 20 мая, через девять дней после похищения Эйхмана. Дата вылета не подлежала изменению, чтобы не привлечь внимания аргентинских властей. Исер Харел рассчитывал, что семья Эйхмана не сразу обратится в полицию, поскольку заявив о его исчезновении, им придется открыть настоящее имя Рикардо Клемента. А попади известие об этом в газеты, Эйхман немедленно будет казнен.

Как и предполагал Харел, семья Эйхмана действовала осторожно. Поначалу они обзвонили все больницы, но не стали связываться с полицией. Вместо этого они обратились за помощью к друзьям. Исер предвидел и это. Он рассчитывал, что нацистские друзья Эйхмана, находившиеся в таком же положении, вряд ли захотят помочь ему. И оказался прав. Большинство из них сразу же скрылись, покинули Аргентину, рассеялись по всему континенту. Ведь они решили, что за ними также начата охота, и знали, кто охотник. Позднее Николас Эйхман подтвердил: «Друзья отца по нацистской партии немедленно исчезли. Многие нашли убежище в Уругвае, и мы больше ничего о них не слышали».

Другой высокопоставленный нацист, Йозеф Менгеле, обнаруженный агентами Моссад, тоже моментально скрылся. И было отчего. Его «медицинские» эксперименты над заключенными очень хорошо известны: этот садист проводил операции над женщинами и детьми без какой-либо анестезии. Именно он сортировал заключенных, прибывавших в Освенцим, на тех, кого убивали сразу, кого отправляли работать, а кого использовали как подопытных кроликов.

Операция по вывозу Эйхмана была заранее тщательно подготовлена. Сотрудник Моссад*, якобы попавший в автомобильную аварию, был помещен в госпи-

---

* Это был Рафаэль Арнон.

таль. Его ежедневно навещал «родственник» (врач, служащий в Моссад), который инструктировал «потерпевшего», как симулировать медленное выздоровление. Наконце утром 20 мая пациент почувствовал себя настолько хорошо, что его можно было выписывать. При выписке ему выдали медицинское заключение и разрешили (что было письменно подтверждено) возвратиться на самолете в Израиль. Как только «больной» покинул больницу, в его документы были внесены необходимые изменения и наклеена фотография Эйхмана. К этому времени нацист стал настолько сговорчив, что сам подписал документ, в котором подтверждал готовность выехать в Израиль и предстать там перед судом: «Это заявление сделано мною безо всякого к тому принуждения. Я хочу обрести внутренний покой. Меня поставили в известность, что я имею право на юридическую помощь».

Уже будучи в Израиле, он так объяснил свой арест: «Мой захват был удачной охотой и осуществлен безукоризненно с профессиональной точки зрения. Моим похитителям приходилось сдерживать себя, чтобы не допустить расправы надо мной. Я позволяю себе судить об этом, так как кое-что смыслю в полицейских делах».

Самым сложным делом для Исера Харела был вывоз Эйхмана из страны, связанный с прохождением паспортного и таможенного контроля, а также проверкой службой безопасности аэропорта.

Весь день Харел сидел в кафе для персонала аэропорта, где за одним из столиков он устроил свой командный пункт. Сновавшие мимо него солдаты, полицейские, служащие аэропорта были бы удивлены, узнав, что этот маленький человек, сидящий в кафе с раннего утра до позднего вечера, занимается тем, что отдает приказы и выслушивает донесения десятков своих сотрудников. Рядом с ним, под носом у властей, Шалом Дани выправлял необходимые Исера документы.

В день вылета Эйхмана привели в порядок и одели в форму служащего компании «Эл Ал». Специальной иглой врач сделал ему укол, притупляющий чувства, и Эйхман плохо воспринимал, что происходит вокруг, но мог идти, поддерживаемый с двух сторон. Пленник настолько вошел в роль, что даже напомнил сотрудникам Моссад о том, что нужно надеть на него пиджак, когда они забыли это сделать. «Будет подозрительно,

если на вас будут надеты пиджаки, а на мне — нет», — проинструктировал их Эйхман.

Наконец эскорт из трех машин направился к служебному входу здания аэропорта. Как только первая машина поравнялась с контрольно-пропускным пунктом, сидевшие в ней сотрудники Моссад, изображая из себя изрядно подвыпивших гуляк, стали нарочито громко смеяться и петь песни. Шофер машины с озабоченным видом поведал охраннику, что, проведя всю ночь в увеселительных заведениях Буэнос-Айреса, его друзья чуть не забыли о сегодняшнем вылете. Некоторые «летчики» откровенно дремали в машинах. Охрана пошутила: «В таком виде они едва ли смогут управлять самолетом». «Это запасной экипаж. Будут отсыпаться всю дорогу», — сказал на это шофер. С улыбками охранники пропустили машины, а один из них, кивнув в сторону спящих «летчиков», заметил: «Этим ребятам Буэнос-Айрес наверняка пришелся по вкусу». Поддерживаемый с двух сторон Эйхман стал подниматься по трапу самолета. И тут кто-то услужливо направил на эту троицу мощный прожектор, освещая ей путь. Эйхмана втолкнули в самолет и усадили в салоне первого класса. Вокруг разместились «члены экипажа» и тут же «уснули». Командир корабля приказал потушить свет в салоне. Последним появился Исер Харел. Все было готово к отлету.

Внезапно группа людей внушительного вида в форме выскочила из терминала и бросилась бежать к самолету. Исер и его люди замерли. Но, что бы это ни значило, им уже ничто не могло помешать: самолет вырулил на взлетную полосу и через минуту стал набирать высоту. На часах было пять минут первого. Атмосфера немного разрядилась. Настоящему экипажу сообщили, какой пассажир у них на борту.

Врач обследовал Эйхмана, чтобы убедиться, что укол не навредил ему. Все шло по плану. Все настроились на 22-часовой полет. Но это был еще не конец. Завершался лишь первый акт драмы.

Механик самолета был родом из Польши. Ему было только одиннадцать лет, когда немецкий солдат сбросил его с лестницы. Позже ему не раз приходилось скрываться от облав, чтобы не попасть в Треблинку. Все же однажды его схватили и отправили в лагерь, где были убиты отец и шестилетний брат. Он видел, как их уводили на смерть. Порой смерть подходила к нему

совсем близко, но каждый раз ему везло. Однажды его заставили смотреть, как надсмотрщики выкалывали глаза заключенным, виновным в краже еды. Только чудом он остался в живых.

Когда механик узнал, что загадочный пассажир — Эйхман, он потерял контроль над собой. Его удалось успокоить, только посадив напротив Эйхмана. Он смотрел на нациста, и слезы текли у него из глаз. Спустя некоторое время он тихо встал и ушел.

Спустя почти сутки самолет приземлился в аэропорту Лидда в Израиле. Исер Харел сразу отправился к Бен-Гуриону. Первый раз за все время их знакомства Исер позволил себе немного пошутить: «Я привез вам маленький подарок». Бен-Гурион несколько минут молчал. Он знал, что Харел охотился за Эйхманом, но не представлял, что все произойдет так быстро: Исера не было двадцать три дня.

Когда он возвратился домой, его жена Ривка поинтересовалась, где он пропадал. «Да, так», — ответил Исер. Но она узнала об этом уже на следующий день, когда в кнессете (парламенте) с краткой речью выступил Бен-Гурион:

«Я должен сообщить вам, что некоторое время тому назад секретной службой Израиля захвачен один из главных нацистских преступников Адольф Эйхман, который наряду с руководителями фашистской Германии несет ответственность за уничтожение шести миллионов евреев в Европе, за то, что они сами называли «окончательное решение еврейского вопроса». Адольф Эйхман арестован и находится в Израиле, в скором времени он предстанет перед судом...»*.

Голос Бен-Гуриона дрожал. После того как он закончил свою речь, все члены кнессета повернулись в сторону гостевой ложи. В глубине ее сидел Исер Харел. Говорить о том, кто организовал похищение Эйхмана, не было нужды. Но даже в момент своего величайшего триумфа Исер старался держаться в тени. Он хранил молчание.

С тех пор никто не называл его «Исер-маленький».

---

* Суд над Эйхманом начался 11 апреля 1961 г., в ходе которого он был признан виновным в преступлениях против человечества и приговорен к смертной казни. 31 мая он был повешен. Кроме Тобианского, Эйхман был единственным приговоренным к смертной казни в Израиле.

Иосселе

Был конец февраля 1962 года. Прошло почти два года после захватывающей операции по поимке Эйхмана и доставке его в Израиль. Исер Харел выступал с докладом перед руководящим составом израильской разведки. Сейчас Исер ставил перед ними новую задачу. В заключение он сказал: «Несмотря на то что это задание выходит за пределы ваших прямых служебных обязанностей, отнеситесь к нему с особым вниманием, ибо этот случай имеет сложную социальную и религиозную подоплеку. На карту поставлены престиж и авторитет правительства Израйля. И наконец, он касается человеческих судеб».

На этом речь была закончена. В зале воцарилась тишина. Молча сотрудники Исера стали покидать зал заседаний штаб-квартиры Моссад. Они были растеряны, но их нельзя было осуждать за это. Конечно, сотрудники Моссад должны быть готовы к любым опасностям и трудностям, но задача, поставленная перед ними на этот раз, не была похожа ни на одну другую. Лучшим из лучших израильских разведчиков было поручено найти десятилетнего мальчика.

Его звали Иосиф (Иосселе) Шумахер. Сам того не подозревая, он оказался в центре культурной и политической борьбы, которая имела огромное значение для всего Государства Израиль.

Иосселе родился в марте 1953 года в Израиле. Его родителями были Артур и Ида Шумахер. Отец Иды — Нахман Штарк — был старым, глубоко религиозным человеком. Когда-то он жил в Сибири, сосланный туда русским правительством. Там он лишился трех пальцев на ноге и глаза. Один из его сыновей был убит анти-семитами, и власти оставили это убийство безнаказан-

ным. Его ненависть к русским была так же сильна, как и его вера.

Именно Нахман убедил своих оставшихся сыновей и дочь уехать после второй мировой войны в Палестину. Однако вскоре Ида и Артур обнаружили, что жизнь на «земле обетованной» довольно сурова. Израиль все еще терпел лишения после войны. Работы, еды и денег не хватало. Не сумев устроиться по своей специальности портного, Артур Шумахер пошел на фабрику. Ида стала работать в фотостудии. Они очень мало зарабатывали и после рождения дочери были вынуждены отправить ее жить в деревню к евреям-хасидам*.

В 1953 году у них родился второй ребенок — мальчик. Его назвали Иосифом, но известен он стал как Иосселе. Родители отправили сына к старикам в район Меа-Шеарим Иерусалима, где проживали евреи, входящие в ортодоксальные религиозные секты.

Нахман Штарк принадлежал к секте «Наторей Карта»**. Секта, объединявшая фанатичных ортодоксов, отказывалась признавать Государство Израиль. Молодые члены секты не служили в армии. Штарк очень любил своего внука и старался воспитать Иосселе в своей ортодоксальной вере.

Ида и Артур Шумахеры в то время больше беспокоились о хлебе насущном. Однажды, когда они в очередной раз посещали Иосселе, Ида сказала, что, возможно, уедет с мужем в Соединенные Штаты. По ее словам, в Израиле очень трудно прожить.

Нахман Штарк был потрясен. «Иосселе никогда не уедет из Израиля», — поклялся он.

Наконец после пяти лет борьбы за существование положение семьи Шумахер стало улучшаться. Они купили квартиру недалеко от Тель-Авива и собирались забрать детей. Ида привезла из деревни Зену, а затем поехала в Иерусалим за Иосселе.

Но у Нахмана Штарка были свои виды на внука. Ему не нравился образ жизни, который вели Ида и

---

* Хасидизм (от древнееврейского «хасид» — «благочестивый») — религиозно-мистическое течение в иудаизме, возникшее в начале XVIII века среди населения Волыни, Подолии и Галиции. Для хасидов характерны крайний мистицизм, религиозная экзальтация, почитание праведников. Наиболее активные почитатели хасидизма проживают в Государстве Израиль.

** В переводе с иврита «стражи города». С древних времен эта секта охраняла крепостные стены Иерусалима.

Артур: они уделяли мало времени отправлению религиозных обрядов. Нахман не мог забыть страшные слова Иды: уехать из «земли обетованной». После долгих уговоров он убедил дочь, что для мальчика будет лучше еще ненадолго остаться в Иерусалиме. Некоторое время Иосселе жил с бабушкой и дедушкой. Наконец Ида вновь приехала к отцу и со слезами на глазах стала умолять: «Пожалуйста, папа, отдайте мне ребенка».

Старый Штарк смягчился и с печалью в голосе обещал вернуть Иосселе в следующий выходной. Он хотел провести с этим умным мальчиком, которого так горячо любил, еще несколько дней. Холодным декабрьским днем 1959 года счастливая Ида поцеловала на прощание сына и села в автобус, направлявшийся в Тель-Авив. Всю дорогу она с умилением думала, как будет хорошо, когда вся семья, наконец, соберется вместе.

Однако сына она вновь увидела только через три года.

Нахман Штарк хотел воспитать внука истинным евреем. И если для этого нужно было отобрать его у матери, то он готов был пойти на это. Мальчику лучше жить с раввинами в «Наторей Карта», решил он.

Когда Ида вновь приехала за сыном в Иерусалим, тот просто исчез. Нахман отказался даже сказать, где находится Иосселе. После недели бесплодных препирательств с отцом она обратилась в полицию. Полицейские посетили Нахмана Штрака, но старик отказался что-либо сообщить. «Спасти одну душу — значит спасти весь мир. Я не скажу вам, где мальчик».

Верховный суд Израиля приговорил Штарка к тюремному заключению до тех пор, пока он не скажет, где находится его внук. Однако для старого упрямого еврея пребывание в тюрьме не было тяжелым наказанием, поскольку он восемь лет провел в Сибири. К тому же тюремные власти, хоть и не оправдывали его поступок, но относились к его религиозным воззрениям с уважением и обращались с ним скорее как с почетным гостем, чем с преступником.

Верховный суд, однако, квалифицировал исчезновение Иосселе как тяжкое преступление. Но судебные власти больше ничего не могли сделать для родителей мальчика. Члены «Наторей Карта», поддерживаемые другими религиозными сектами, заняли непримиримую позицию. Полиция в течение нескольких недель проче-

сывала синагоги и школы по всему Израилю. Они искали везде и всюду. Обращались к кому только можно.

Но все было напрасно. Ни одной зацепки.

Тем временем Ида поведала свою историю журналистам, и скандальная история выплеснулась на страницы газет. Насмешливые карикатуры осуждали бесплодные попытки властей найти мальчика. Всякий раз, когда какой-нибудь полицейский выписывал штраф за стоянку в неполюженном месте, ему с насмешкой заявляли: «Вместо того чтобы меня штрафовать, искали бы лучше Иосселе».

На зданиях полицейских участков мелом писали три слова, которые очень возмущали работников правоохранительных органов «Где находится Иосселе?»

Месяцы упорной работы полиции Израиля не принесли никаких результатов. Казалось, что мальчика уже нет в живых.

Весной 1960 года дело Иосселе приобрело серьезное политическое звучание. Почти с самого основания израильского государства между ортодоксальными евреями и теми израильянами, которые выступали за превращение Израиля в современное светское государство, возникли серьезные разногласия. Последние хотели избавиться от бремени устаревших законов, которые они считали неприемлемыми в современной жизни. Случай с Иосселе всколыхнул и еще резче обозначил эти разногласия. Одним из первых, кто вмешался в спор, был раввин Шломо Лоуренц, член партии «Агудат Исраэль», религиозной партии, но менее ортодоксальной, чем «Наторей Карта». Руководство партии боялось, что если Иосселе не будет найден, в стране начнется гражданская война.

Раввин Лоуренц разъезжал по стране, встречался с лидерами «Наторей Карта», пытаясь оказать на них давление. Другие религиозные деятели последовали его примеру. Они увещевали, спорили, угрожали. Все было безрезультатно.

Группа духовных лиц посетила раввина Амрама Блау и его брата Моше, которые являлись лидерами «Наторей Карта». Раввины просили братьев быть благоразумными и отдать мальчика. Но ответ был один: «Мы ничего не знаем».

Представители властей, полицейские чины и политики, приходившие к ним, получали аналогичный ответ.

Стало очевидным, что «Наторей Карта» не отступит. Это был один из тех примеров стойкости духа, когда евреи предпочитали быть сожженными, нежели отказаться от своих религиозных взглядов. Они скорее умрут, чем выдадут Иосселе.

Усилия полицейских найти мальчика не увенчались успехом.

Власти тюрьмы, где содержался Нахман Штарк, понимали, что дальше держать его в заключении бесполезно. Весь его облик выражал презрение; он остался несломленным; он не собирался ни в чем признаваться.

В апреле 1961 года после короткого пребывания в тюремной больнице Штарк был отпущен «по состоянию здоровья». В глазах своих сторонников старик стал мучеником. Стены домов в кварталах, где проживали религиозные фанатики, были испещрены надписями, выражавшими ненависть их обитателей: «Правительство Израиля — это фашистское правительство».

А военное руководство страны больше всего было обеспокоено близостью квартала, где находилась секта «Наторей Карта», к иорданской части Иерусалима. В случае войны между Израилем и Иорданией целый квартал города будет захвачен без труда. Это было слабое звено в обороне Израиля.

Прошло полтора года после пропажи Иосселе. Приближались всеобщие выборы. Загадка исчезновения мальчика стала вопросом государственной важности, от решения которого зависело, останется ли партия МАПАЙ*, возглавляемая Бен-Гурионом, у власти. Премьер-министр рассчитывал на образование коалиции с небольшими партиями, включая и некоторые религиозные группировки, с тем чтобы остаться у власти. Но их поддержка будет зависеть прежде всего от того, как решится вопрос об Иосселе. Сложилась непростая ситуация.

В конце концов партия МАПАЙ выиграла выборы, но коалиция, возглавляемая Бен-Гурионом, была не-

---

* МАПАЙ — Рабочая партия Израиля; возникла в 1930 г. Одна из крупнейших сионистских партий, игравших ведущую политическую роль в государстве. С 1948 по 1977 г. эта партия возглавляла все правительства Израиля. В 1968 г. МАПАЙ и «Ахдут гаавода» слились в Партию труда Израиля (МАИ).

прочной. Существенные разногласия по вопросам, возникшим после исчезновения Иосселе — «Кого можно считать евреем?» и «Что такое еврейское государство?», — грозили расколоть страну на противоборствующие лагерь.

Молодые люди, выступавшие за превращение Израиля в светское государство, нападали на детей из секты «Наторей Карта», направлявшихся к святыням в синагоги или к Западной стене («Стене плача»)*. В ответ фанатики из религиозных организаций забрасывали камнями автомобили, которые в нарушение Субботы ездили по улицам в ночь с пятницы на субботу. Тысячи людей подписали петиции протеста против «Наторей Карта». Возник общественный комитет за спасение Иосселе. В своей квартире безутешная Ида Шумахер оплакивала сына.

В конце февраля 1962 года Бен-Гурион пришел к выводу, что необходимо принимать решительные меры. Он попросил Харела зайти к нему. Войдя в кабинет Бен-Гуриона, Исер обычно сразу садился напротив него. Они никогда не обменивались рукопожатиями, не делились сплетнями, не интересовались здоровьем друг друга. Даже когда возникали проблемы чрезвычайной важности, решения принимались в течение нескольких минут.

Бен-Гурион глянул на Исера и спросил:

— Где Иосселе?

— Не знаю.

— Ты можешь его найти?

И не ожидая ответа на второй вопрос, премьер-министр снова углубился в бумаги. Исер тихо удалился. Он получил приказ.

Исер очень хорошо понимал всю ответственность возложенной на него задачи. В этот вечер он сказал жене: «Знаешь, о чем я думаю? Мы должны спасти престиж страны». Исер редко был откровенен с Ривкой. Он даже не сказал, что имеет в виду, ей оставалось только догадываться.

Исер получил материалы дела Иосселе, собранные полицией за два года безрезультатных поисков. Он изучил дело от корки до корки и пришел к выводу,

---

* «Стена плача» — остатки стены предполагаемого древнего иудейского храма; традиционное место паломничества иудеев, является также западной частью мусульманского религиозного комплекса.

что полиция за все это время не узнала ничего нового о местонахождении мальчика.

Задача предстояла трудная, и наверняка она не вызовет восторга среди сотрудников Исера. Они обучались искусству разведки и контрразведки, умению добывать информацию в экстремальных условиях и, если это необходимо, убивать. Иногда методы, которые они использовали, были весьма сомнительны с точки зрения морали (как, впрочем, и у других иностранных спецслужб), но разведчики оправдывали это необходимостью бороться с врагами Израиля.

Но неужели этот мальчик был врагом Израиля? Угрожали ли государству религиозные фанатики, защищавшие его? Даже не очень верующие сотрудники Моссад с уважением относились к тем своим коллегам, кто фанатично отправлял религиозные обряды. Вполне возможно, эти люди чувствовали себя оскорбленными, получив такое задание. Они привыкли иметь дело с нацистами, сотрудниками КГБ, такими же «жесткими» людьми, как и они сами. На этот раз нужно было работать среди мирных евреев, своих братьев, чтобы найти десятилетнего мальчика.

Исер знал, что его ребятам это дело не по душе. Но он знал и то, что, если им прикажут, они будут искать Иосселе так же тщательно, как они искали Эйхмана.

Исер и его ближайшие помощники определили стратегию поисков, и через несколько дней после получения приказа от Бен-Гуриона его люди были уже в работе. Прежде всего они «обшарили» весь Израиль, не пропуская ни одной религиозной школы, ни одной синагоги.

Лучшие сотрудники Моссад, переодетые в традиционные религиозные одежды, отправились на поиски к Западной стене и смешались там с толпами молящихся людей. Правда, там они столкнулись с непредвиденной проблемой: неверующие, они представления не имели о том, как совершаются молитвы. Увидев это, истинно верующие люди стали осыпать их бранью. Смущенные и растерянные агенты Моссад вынуждены были уйти.

Несмотря на такого рода неудачи, Исеру очень скоро стало ясно, что мальчика в Израиле нет. План действий был немедленно изменен. Теперь сотрудники Исера развернули поиски по всей Европе. Некоторые

забрались даже в Гонконг, Японию, Южную Африку и Латинскую Америку. Повсюду они применяли те же методы слежки, что и при поимке шпионов и террористов. В еврейских центрах, таких как Голден-грин в Лондоне, Бленци в Париже, квартал Вильямсбург в Бруклине, они ходили по улицам, обследовали школы, наводили справки, делали все, что только возможно, и даже больше того.

Однажды три разведчика провели целый день, наблюдая через бинокль за религиозной школой недалеко от Парижа. Они тщательно разглядывали каждого ученика в надежде найти Иосселе. Когда закончились занятия, сотрудники Моссад решили, что того, кого они ищут, здесь нет, и уже были готовы уехать. Но у машины спустило колесо. До ближайшего телефона или гаража было далеко. Стало холодать. В это время дверь школы открылась и оттуда вышел раввин. Приблизившись к машине, он вежливо спросил: «Я вижу, у вас проблема с колесом. Могу я чем-нибудь помочь?»

Оробевшие агенты проследовали за раввином в школу. Они даже не предполагали, что когда-нибудь придется просить помощи у того, кто был объектом их наблюдения. Больше всего разведчики беспокоились о том, чтобы французская полиция не взяла их на подозрение. Они ведь были здесь чужаками, да еще с фальшивыми документами. Более того, их паспорта были даже не израильские. Один из них позднее признался, что чувствовал себя последним негодяем.

Ничего не подозревавший раввин угостил их кофе и послал в ближайший гараж за помощью. Когда сотрудники Моссад покидали гостеприимного хозяина, тот пригласил их заглянуть к нему еще.

В это время другой разведчик, признанный специалист по убийствам, наблюдал за школой из небольшого лесочка напротив. Позже он писал: «Я чувствовал себя в идиотском положении, находясь в одной компании с совами и мышами. Чем я занимаюсь? Выслеживаю террориста? Нет, всего лишь маленького мальчика!»

В другой раз один сотрудник Моссад «внедрился» в группу евреев-хасидов, направлявшуюся из Швейцарии в Иерусалим, под древними стенами которого они собирались похоронить своего соотечественника. Однако сравнительно быстро незадачливый разведчик был разоблачен.

В Лондоне группа из десяти сотрудников Моссад явилась в синагогу на утреннюю субботнюю службу. Их также разоблачили как мошенников и с позором выдворили. Прихожане следовали за ними по улице, осыпая оскорблениями. Когда ситуация стала угрожающей, раввину пришлось вызвать полицию. Полицейские не сразу смогли найти общий язык с толпой бородатых мужчин в ермолках, неистово орущих, что мошенники, спекулируя на религиозных чувствах, стараются пролезть в их общину. Наконец десять израильских агентов с приклеенными бородами были арестованы. Потребовалось вмешательство Скотленд-Ярда, чтобы освободить их из тюрьмы.

Были случаи, когда в своих стараниях достичь цели агенты Моссад доходили до абсурда или даже жестокости. Один известный раввин-ортодокс, проживавший в Лондоне, получил приглашение от богатой парижской семьи приехать и совершить обряд обрезания. Ему оплатили билет в первом классе самолета и обещали хорошие деньги.

Раввин, поблагодарив за честь, согласился только на возмещение путевых расходов. Ничего не подозревая, он сел в самолет, летевший в Париж. Группа религиозных евреев встретила его в аэропорту и пригласила «на чашечку кофе» в одно «маленькое приятное кафе», чтобы отдохнуть перед совершением обряда. Новые знакомые привезли его на площадь Пигаль, известную своими злочными местами. В кафе к испуганному раввину подошли две особы в коротких юбочках и декольтированных блузках. Одна тут же уселась к нему на колени, а другая обняла за шею. Сотрудники Моссад моментально засняли эту сцену на фотокамеры и продемонстрировали фотографию незадачливому раввину. Ему было заявлено: «Если не укажете место, где спрятали Иоселе, мы отошлем эту фотографию в Лондон и покажем ее вашим прихожанам».

В ужасе раввин стал кричать: «Я ничего не знаю! Я ничего не знаю!» В конце концов он убедил сотрудников Моссад в том, что действительно ничего не знает. Когда обозленные агенты попытались скрыться, бедный раввин бежал за ними и кричал: «А как же обрезание? Вы же приглашали меня для этого!» Он вернулся в Лондон первым же самолетом, но с тех пор потерял к Моссад всякое почтение.

Прошло еще несколько месяцев бесплодных поисков. Боевой дух израильских разведчиков падал. Они прекрасно знали, какая огромная сумма денег из бюджета Моссад расходуется на поиски Иосселе.

Но Исер Харел не собирался бросать начатое дело. Он не мог прийти к Бен-Гуриону с пустыми руками. К счастью, через пять месяцев наступил перелом.

Харел был убежден: мальчик находится за пределами Израиля. Исер обратился к начальнику отдела военной цензуры, который имел право перлюстрировать всю поступающую в страну и исходящую корреспонденцию. Особое внимание он попросил обратить на переписку между религиозными учреждениями, находящимися в Израиле и за его пределами.

Спустя некоторое время одному из военных цензоров попало в руки письмо солдата, писавшего своей матери в Брюссель из военного лагеря в пустыне Негев. В середине письма был вопрос, на первый взгляд безобидный, но совершенно не связанный с содержанием: «Как поживает малыш?»

Когда Исеру показали это письмо, он сразу почувствовал, что находится на верном пути. Показав копию письма одному из своих помощников, Харел сказал: «Мальчик у этой женщины. Надо поехать к ней и решить, наконец, эту проблему».

Шеф разведки приступил к разработке плана операции по возвращению Иосселе в Израиль. Тем временем группа из двенадцати человек выехала в Брюссель, чтобы установить точное местонахождение женщины. К этому времени она переехала во Францию. Нашли ее без труда на юге страны в городе Экс-ле-Бен. Там израильские разведчики установили за ней наблюдение.

Однажды утром женщина пошла на почту и заказала телефонный разговор с Англией. Имя ее абонента звучало, как и ее собственное. Все это зафиксировал разведчик, стоявший позади нее под видом человека, собирающегося заказывать разговор с Парижем. Два других сотрудника уже сидели в кабинках, соседних с той, из которой она собиралась говорить, чтобы слово в слово записать ее разговор.

Когда женщина закончила, она покинула здание почты и села в машину. Дама оказалась к тому же лихим шофером, и разведчикам с большим трудом удавалось незаметно следовать за ней. Наконец к вечеру

женщина достигла предместья Парижа. Однако при выезде из длинного туннеля она внезапно исчезла из поля зрения израильских агентов. Неизвестно, заметила ли дама своих преследователей, но она исчезла бесследно.

В это время в Лондоне два других агента Моссад нанесли визит раввину, которому женщина звонила из Франции. Он не только ничего им не сказал, но угрозил вышвырнуть из дома и позвать полицию. И опять им пришлось уйти ни с чем.

Исер Харел поспешил в Париж, чтобы самому контролировать ситуацию. В самолете он еще раз внимательно просмотрел досье этой женщины. Ее звали Мадлен Фрей. Она родилась в аристократической французской семье, училась в Сорбонне и Тулузском университете. В молодости Мадлен была красавицей и всегда очень дорого и модно одевалась. Она вела бурную светскую жизнь, у нее была масса поклонников.

Так продолжалось до второй мировой войны. Во время войны Фрей воевала с французскими «маки». Там она боролась бок о бок с евреями, завоевав репутацию храброй женщины. Мадлен предпочитала участвовать в самых рискованных акциях по освобождению еврейских детей, находившихся в гетто, спасая их от отправки в немецкие концлагеря. За свои подвиги во время войны она была награждена медалью Французского Сопротивления.

После войны она вышла замуж за католика и родила сына, которого называли Клод. Вскоре с Мадлен Фрей случилось нечто странное: она решила перейти в иудаизм. Она развелась с мужем и при помощи молодого раввина, который был ее любовником, стала иудейкой. Ее сын уехал в Израиль, куда в скором времени собиралась и сама Мадлен.

По мере того как Исер изучал досье Мадлен Фрей, он все больше и больше тревожился об успехе операции. Харел понимал, что он и его сотрудники ступили на опасный путь. Их методы были порой жестокими и не всегда честными. Вот и сейчас они посягали на святой принцип международного права, согласно которому каждое государство обязано уважать суверенитет другого государства.

Оправдание этому можно было найти при поимке

нацистских преступников, которые несли ответственность за гибель многих людей, но сотрудники Моссад искали всего лишь маленького мальчика...

Тем не менее Харел энергично взялся за дело. Он твердо решил найти Иосселе, и интуиция подсказывала ему, что мальчик находится в Париже. По приезде Исер остановился в небольшом, скромном отеле. Остаток дня и большую часть ночи он провел за изучением материалов дела.

Однажды, когда рано утром Исер вернулся в отель, портье понимающе подмигнул ему: «Как развлеклись, месье? Вы можете приводить подружку сюда». Исер придерживался пуританских взглядов, и слова портье сильно смутили его. Он немедленно переехал в посольство Израиля на улице Ваграм.

Посол Израиля был только рад принять такого высокого гостя и распорядился, чтобы для Харела приготовили лучшую комнату в его собственном доме. К неудовольствию посла, Исер настоял на том, чтобы его поселили в небольшой комнате в посольстве. Примеру своего шефа последовали его сотрудники, которые поселились в самых дешевых номерах отелей.

Теперь группа сотрудников Моссад в Париже насчитывала уже больше сорока человек. Все свое время они посвящали поиску Мадлен Фрей. После того как агенты потеряли ее в туннеле, они так и не смогли напасть на ее след.

Но как-то раз один из сотрудников Моссад, в чьи обязанности входило изучение всех парижских газет, заметил объявление о продаже виллы, которое дала Мадлен Фрей. Вилла находилась недалеко от Парижа. Не прошло и нескольких часов после публикации объявления в газете, как Мадлен позвонили два немца, интересовавшиеся ее виллой. Они просили разрешения осмотреть ее. Довольная тем, что покупатели нашлись так быстро, Мадлен с готовностью согласилась. Они встретились по дороге, и Фрей отвезла их на виллу на своей машине.

Войдя в дом и плотно прикрыв за собой дверь, «немцы» тут же представились. Это были сотрудники Исера. В бешенстве от того, что ее так ловко провели, Фрей с криками о помощи бросилась с кулаками на мнимых покупателей. Они быстро привели ее в чувство. Извинившись, они предупредили женщину, что на время она становится их пленницей.

— Ничего плохого мы вам не сделаем. И пальцем вас не тронем. Сядьте, пожалуйста, и успокойтесь. В конце концов, вы у себя дома. Мы же цивилизованные люди. Однако учтите: пока мы не получим от вас нужную информацию, вы отсюда не выйдете.

Агенты позвонили своему шефу, и Исер немедленно послал им в помощь одного из самых опытных сотрудников, который по праву считался в Моссад лучшим специалистом по ведению допросов. Даже друзья называли его «великий инквизитор». Именно он допрашивал Адольфа Эйхмана, когда его захватили. Внешне неприметный, с монотонным голосом, он за все время работы в разведке «расколочил» многих.

Теперь перед ним сидела Мадлен Фрей. В течение многих часов он допрашивал француженку, глядя ей прямо в глаза, используя все средства, имеющиеся в его арсенале, снова и снова возвращаясь к одному и тому же вопросу. За все время Фрей не сделала ни одной ошибки, не дала ни одного неправильного ответа. Не признала она и то, что каким-либо образом связана с делом Иосселе.

На четвертый день «великий инквизитор» готов был уступить. «Я уверен, что мы ошиблись, — сказал он. — Она абсолютно невиновна и ничего не знает о мальчике».

И он, и офицеры, находившиеся в доме, очень беспокоились о том, что держат совершенно невинную женщину запертой в ее собственном доме. Если к тому же об этом узнает французская полиция, то все может закончиться большим скандалом.

Харел приехал в дом Мадлен Фрей. Он решил не полагаться на мнение своих сотрудников, а выяснить все сам, встретившись с ней лицом к лицу. Мадлен держалась так же непоколебимо, как и прежде. Для нее Исер ничем не отличался от остальных. Он допрашивал ее в течение нескольких часов, снова и снова проверял ее алиби. Мадлен упорно повторяла все сказанное ею ранее.

Исер всегда был абсолютно уверен в том, что, если он захочет, он вынудит признание у кого угодно. Но Мадлен ловко парировала его доводы. Потерпев полное поражение впервые за всю свою жизнь, Харел встал и вышел из комнаты. Он впустую потратил время на допрос Фрей. Его сотрудники, убежденные в ее невинности, уговаривали его оставить женщину в покое.

Но Исер не сомневался: Мадлен говорит неправду. Она знает, где находится Иосселе, и именно она вывезла его из Израиля. Но как это доказать? Он еще раз стал тщательно просматривать документы Фрей, в том числе и ее паспорт. Харел внимательно изучал его, медленно переворачивая страницы. Вдруг он замер. Затем, позвав одного из своих сотрудников, Харел попросил принести фотографию Иосселе. Получив ее, он поднес фотографию к глазам и стал рассматривать, сравнивая с фотографией девочки в паспорте Фрей.

Вскоре он собрал своих разведчиков.

— Вы видите дочь этой женщины? Я и не знал, что у нее есть дочь. Посмотрите внимательно на фотографию. Представьте, что у нее нет этих белых локонов. Взгляните на ее лицо. А вот лицо Иосселе. Что вы на это скажете?

Сотрудники Харела застыли в изумлении. На обеих фотографиях был запечатлен один и тот же ребенок.

Исер встал. «Она — женщина, — сказал он. — Так что работайте». С этими словами он повернулся и вышел из комнаты. Скоро он уже был на пути в Париж.

Когда разведчики показали Мадлен обе фотографии, она побледнела. Фрей поняла, что тайна раскрыта, но по-прежнему стояла на своем. «Делайте что хотите, — сказала она. — Но вы никогда не найдете Иосселе. Вы можете убить меня, но никогда не найдете его».

Сотрудники Моссад, уже беспокоившиеся за свою репутацию в глазах шефа, понимали, что должны добиться результатов во что бы то ни стало. Теперь они вынуждены были приступить к реализации плана, разработанного на случай непредвиденных обстоятельств.

В помещении с Мадлен остался только один человек. Он раскрыл ее досье и начал читать вслух. Он читал все, что было известно о Фрей. Подробности, касающиеся ее любовных походов во время студенческой разгульной жизни в Париже, которые она уже успела забыть.

Закончив чтение, он отложил досье.

— Вы сами видите, у нас достаточно фактов, компрометирующих вас, конечно, это ваше личное дело. Но вашим друзьям из «Наторей Карта» вряд ли это понравится. Они будут очень удивлены, получив такую информацию. А вы прекрасно знаете, как они относятся к этому. Они ведь и раньше сомневались, принимать ли бывшую католичку в свои ряды. Они прокля-

нут вас на веки вечные. Ведь это вы вывезли Иосселе из Иерусалима, перекрасив ему волосы. Скажите только, где он находится, и мы уничтожим эти бумаги.

Мадлен молчала несколько секунд. Потом в гнев выкрикнула:

— Как вам не стыдно! Это грязный шантаж!

— Я знаю, — сказал допрашивающий ее офицер. — Но судьба моей страны зависит от того, найдем ли мы мальчика. На улицах Иерусалима евреи дерутся против евреев. Кроме того, я еще хочу кое-что напомнить вам. Вы мать, и вы поймете, что я имею в виду. У этого мальчика тоже есть мать. Она любит своего сына так же сильно, как и вы своего. Но из-за вас она не видела его почти три года. Подумайте о своем сыне, прежде чем называть меня грязным шантажистом.

Мадлен Фрей была буквально убита. Сотрудник Моссад нашел ее самое уязвимое место. Вскоре она уже подробно рассказывала о том, как было организовано и осуществлено похищение Иосселе.

Ее друзья из «Наторей Карта» попросили Мадлен вывезти мальчика из Иерусалима. Она сама разработала план операции. Сначала она прибыла в Хайфу как обычная туристка. Еще на пароходе она сблизилась с семьей иммигрантов — супружеской парой и их восьмилетней дочерью. Спускаясь с палубы парохода по прибытии в Израиль, Фрей как бы невзначай взяла девочку за руку. Так они и вошли в помещение контрольного пункта израильской таможни. Сотрудник иммиграционной службы Израиля решил, что француженка прибыла вместе с дочерью, и отметил это в регистрационном журнале. В паспорте Мадлен имя ее сына Клод было исправлено на «Клаудин». Поэтому, когда они вылетали в Цюрих, ни у кого не возникло подозрений относительно «мадам Фрей и ее дочери».

Этой дочерью и был Иосселе. Ему перекрасили волосы и одели как девочку. Все это была игра, в которую он играл со своей новой «тетей».

План был рискованный, даже слишком, но тем не менее он удался. Некоторое время Иосселе проживал в одной религиозной школе в Швейцарии. Потом, когда Моссад начал за ним охоту, Мадлен и «Клаудин» через Брюссель переехали во Францию. Но когда сотрудники израильской разведки стали вести тщательные поиски среди еврейской общины в Париже, Мадлен

поняла, что мальчика могут найти. Поэтому она отвезла его в Нью-Йорк, где поручила хлопотам одной хасидской семьи. «Сейчас он у них, — спокойно сказала она. — Я дам вам адрес».

Сентябрь 1962 года. Прошло два года и девять месяцев с тех пор, как исчез Иосселе.

Министру юстиции США Роберту Кеннеди позвонили из штаб-квартиры Моссад. Звонил Исер Харел. Говорил он с сильным акцентом, поэтому был краток и сразу перешел к делу.

— Мои люди летят в Нью-Йорк. Они приедут, чтобы забрать Иосселе. Мы будем признательны, если вы окажете содействие.

Р. Кеннеди услышал щелчок в телефонной трубке: разговор был окончен. Несколько секунд он стоял ошеломленный. Он знал и уважал Исера Харела, но зачем его агенты летят в Нью-Йорк? Кто уполномочил их выполнять здесь какую-либо миссию? Наконец, кто или что этот Иосселе?

Кеннеди немедленно связался с американским послом в Тель-Авиве, который сразу же отправился на встречу с Бен-Гурионом в Иерусалим. Министр юстиции связался также с израильским послом в Вашингтоне Абе Харманом. Харман знал об Иосселе, но даже он не мог предположить, что задумал Исер Харел. Больше всего посол беспокоился о том, что операция Харела осуществляется в нарушение норм международного права. Харман послал в Израиль предупреждение о возможных последствиях.

Проницательный Бен-Гурион не собирался обсуждать с кем-либо детали операции. Американского посла встретил адъютант премьер-министра полковник Хаим Бен-Давид. Он был вежлив, предупредителен и пообещал при первой же возможности проинформировать Бен-Гуриона, который, к сожалению, в тот момент находился «на заседании кабинета министров». Встреча была назначена на следующий день.

Между тем Харела невозможно было нигде найти. Всем, кто спрашивал Исера, его секретарь отвечал, что «связь с ним потеряна».

А в Вашингтоне Кеннеди изучал доклад о деле Иосселе. Позднее он признался одному из служащих ЦРУ, что был крайне удивлен, прочитав его. Моссад

посылает своих сотрудников за десятилетним мальчиком. Какова же его, Кеннеди, роль в этом деле? Сам Кеннеди склонялся к тому, чтобы не поднимать шума и дать возможность израильским разведчикам сделать свое дело. Исер Харел не стал бы посылать сюда своих людей, если бы на это не было серьезной причины. К тому же израильтяне всегда охотно шли на сотрудничество с американскими правоохранительными органами и разведкой. И в конце концов, если сотрудники Моссад уже летят в США, то не сбивать же их самолет?

С другой стороны, у Кеннеди были свои политические интересы. В скором времени в США предстоят выборы в конгресс и губернаторов штатов, и споры вокруг этого дела могут привести к потере кандидатами от Демократической партии части голосов еврейской общины, на поддержку которой всегда рассчитывали демократы. А если кто-нибудь пострадает в этой операции... или Иосселе не окажется по указанному адресу? Что тогда?

Кеннеди еще раз позвонил, чтобы удостовериться, действительно ли Иосселе находится по указанному адресу. Да, ответили ему, мальчик там.

Роберт принял решение. Он заявит протест по поводу своевольных действий Исера Харела, но в очень мягкой форме. Одновременно сотрудникам ФБР будет отдан приказ оказывать Моссад всяческое содействие.

В тот же день поздно вечером самолет компании «Эл Ал» приземлился в аэропорту Идлвайлд недалеко от Нью-Йорка. На поле аэродрома стоял кортеж автомобилей: самолет встречали агенты ФБР. Несколько человек отделились от пассажиров, сходящих с трапа, и направились к поджидающим их машинам. Израильтянам был оказан теплый прием.

Спустя час несколько автомобилей остановилось около небольшого многоквартирного дома № 126 на Пенн-стрит в квартале Вильямсбург Бруклина. Их встречала еще одна группа переодетых полицейских. Сотрудники Моссад и ФБР вошли в дом и поднялись по лестнице на этаж, где находилась квартира четы Гертнер. Они постучали в дверь. Миссис Гертнер, смущенная и немного испуганная при виде большой группы людей, пригласила их войти.

В это время в квартире молился хозяин дома. Рядом с ним, держа молитвенник, стоял десятилетний

мальчик в ермолке. Один из сотрудников Моссад сказал на иврите: «Собирайся, Иосселе. Мы едем домой».

Ида Шумахер прилетела из Тель-Авива в Нью-Йорк, чтобы удостовериться лично, что найденный мальчик действительно ее сын. Для этого ей не нужно было отыскивать родимые пятна. Ида обняла сына, а он прошептал, что очень тосковал по ней.

Спустя два дня Иосселе стоял, щурясь от слепящего солнца, на поле аэродрома Лод недалеко от Тель-Авива. Толпы людей, которые пришли встретить мать и сына, разразились криками приветствия, как только они показались на трапе самолета.

А в отдалении стояла машина, в которой сидел невысокий, ничем не примечательный человек с голубыми глазами. Исер Харел не мог отказать себе в удовольствии увидеть результаты своей работы.

Более сорока сотрудников Моссад в течение восьми месяцев постоянно занимались этим делом. Сотни других привлекались время от времени. Большая часть бюджета Моссад на 1962 год была потрачена на поиски мальчика.

Еще некоторое время Исер наблюдал торжественную встречу Иосселе, а затем поехал к Бен-Гуриону. Он уже докладывал своему шефу о том, что мальчик найден. Сейчас же он приехал в резиденцию премьер-министра, чтобы сказать: «Иосселе здесь».

Сразу не последовало никакой реакции. Был момент, когда Исер подумал, что, может, впервые за то время, которое они знакомы, Бен-Гурион задаст один или два вопроса о том, как была осуществлена операция. Может быть, поздравит...

Бен-Гурион ничего не сказал, хотя Исер мог поклясться, что его глаза блеснули, когда он спросил: «А что с этой женщиной?»

Эту женщину зовут теперь Руфь Бен-Давид. После того как дело Иосселе было завершено, руководство Моссад предложило ей работу в разведке. Они отлично понимали, что лишь человек со способностями первого-классного шпиона мог так долго водить их за нос. Однако Руфь отвергла это предложение.

Она переехала в Иерусалим и вышла замуж за человека старше ее на двадцать семь лет. Это был раввин

Амрам Блау, руководитель «Наторей Карта», жена которого умерла за два года до этого.

Сегодня его уже нет в живых, а Руфь Бен-Давид — бабушка его пятидесяти внуков. Они часто навещают ее в маленьком каменном домике, где она живет одна. Как и на других домах в квартале Меа-Шеарим, на ее доме написано: «Я — еврейка, а не сионистка».

Даже среди членов этой общины, отличающихся особой религиозностью, вдова раввина выделяется своей фанатичной приверженностью вере. Она постоянно одета только в черное и ходит только с покрытой головой. Даже в жаркую погоду она не выходит из дома без толстых черных чулок. Большую часть времени Руфь проводит в молитвах, педантично соблюдая самые незначительные требования принятой ею религии.

Среди тех, кто посещает ее дом, бывает и крепкий молодой человек, который иногда (когда находится на службе в армии) приходит в военной форме и с автоматом. Иоселе больше не носит ни черную одежду, ни пейсы, как еврей-ортодоксы. Но Руфь рада ему, когда бы он ни пришел. Возможно, встречаясь, они вспоминают свой «побег» в Европу и то, как обводили вокруг пальца лучших сотрудников Моссад.

Шестидневная война

Утром 5 июня 1967 г. на Ближнем Востоке разразилась война. Вооруженные силы Израиля нанесли превентивный бомбовый удар по военным объектам в Египте, а затем в Сирии, Ираке и Иордании. Через шесть дней война закончилась. За это время армия Израиля захватила тысячи военнопленных из состава египетских войск, размещенных на Синайском полуострове. Было уничтожено большое число воинских частей. Подразделения израильской армии продвинулись на несколько миль вперед к Дамаску и захватили у Иордании старую часть Иерусалима.

Мир был поражен быстротой, с которой Израиль победил своих многочисленных и превосходящих в военном отношении противников. Никто не мог и подумать, что к этой короткой войне Израиль готовился в течение многих лет. С большой тщательностью, в условиях абсолютной секретности руководство израильского государства собирало самую разную информацию о военном потенциале своих противников. Поэтому, когда началась война, Израиль сумел компенсировать свое отставание в военной области за счет превосходства в разведке.

Большой вклад в дело добывания информации о противниках внес Моссад. В следующих трех историях раскрывается только незначительная часть подвигов, совершенных сотрудниками Моссад — бойцами невидимого фронта, которые помогли Израилю одержать победу в шестидневной войне еще до того, как заговорили пушки.

Угон советского «МиГа»

В августе 1966 года газеты всего мира опубликовали сенсационную историю об иракском летчике, который на своем самолете «МиГ-21» (самой современной модели из того, что имел в своем распоряжении СССР) приземлился на аэродроме в Израиле. Подобно другим новостям такого рода, эта история несколько дней не сходила с полос многочисленных изданий, но вскоре многие забыли о ней.

Среди тех, кто помнил о происшедшем, были военные чины из США, Франции, Англии и других западных стран. Они просили израильские власти разрешить взглянуть на самолет, который впервые оказался на территории дружественной им страны.

Не забыли о случившемся и русские, которые были буквально в бешенстве. Это был тяжелый удар по престижу руководителей советских спецслужб, заверявших свое правительство, что каждый самолет «МиГ-21», находящийся на вооружении иностранных государств, надежно охраняется сотрудниками КГБ. Это было также крупной военной неудачей. Командование советских ВВС опасалось, что через несколько месяцев мощь их тактической авиации будет серьезно подорвана: западные страны узнают о секретах истребителя.

Советское руководство предприняло ряд демаршей. Правительству Израиля пригрозили принять ответные меры, в случае если самолет не будет немедленно возвращен. Однако израильтяне благополучно вышли из этого положения. Они заявили, что самолет приземлился неожиданно для них. Этот случай удивил, озадачил и буквально сбил их с толку. И они постараются выяснить истинную причину всего происшедшего. В настоящий момент израильское правительство «рассматривает» требование русских вернуть самолет.

Чтобы смягчить гнев русских, израильтяне отказали всем, в том числе и американцам, в просьбе осмотреть самолет.

Такая «политика умиротворения» вызвала резкую критику со стороны военных чинов и разведки. Споры по этому вопросу продолжались несколько месяцев.

Еще больший скандал разразился в Багдаде, когда стало известно, что дезертировавший летчик Мунир Редфа был не «потерявшим душевное равновесие неопытным курсантом», как заявило иракское радио, а одним из лучших военных пилотов страны. Прежде чем попасть в привилегированную группу военной иерархии Ирака, он был тщательно проверен как иракской, так и советской службами безопасности.

Мунир первым среди иракских летчиков был отобран для обучения в ВВС Соединенных Штатов. Затем его послали в СССР учиться летать на новейших самолетах. И только после этого ему доверили «МиГ-21». Он завоевал репутацию одного из лучших и опытных летчиков Ирака и получил должность заместителя командира авиаэскадрильи.

Пока правительства СССР и Ирака тщетно пытались вернуть самолет, советские военные советники и чины армии Ирака старались выяснить, как Мунир Редфа подготовил и осуществил свой побег.

В некоторых израильских средствах массовой информации высказывалось предположение, что Мунир заблудился и был вынужден сесть на территории Израиля. Позднее появилось сообщение о том, что иракский летчик написал письмо руководству Израиля о своем желании покинуть родину.

Иракцы и их советники совершенно справедливо отвергли эти домыслы. Поступок пилота был не случайностью, а, как установили впоследствии, хорошо спланированной, прекрасно организованной операцией, выполненной на высоком профессиональном уровне.

Однако прошли годы, прежде чем советские разведчики смогли из отдельных деталей воссоздать полную картину происшедшего. С самого начала они были уверены лишь в одном: за всем этим стоял Моссад. И оказались правы.

С момента появления русских самолетов на Ближнем Востоке в начале 60-х годов Моссад и военная

разведка поставили перед собой задачу заполучить этот новейший лайнер в распоряжение Израиля. Израильское военное командование всегда поощряло своих сотрудников за предоставление полной информации о всех типах оружия, которое находилось на вооружении противника и могло быть использовано против Израиля. Одним из первых, кто стал придавать этому большое значение, был генерал Дан Толковский, создатель и командующий ВВС Израиля в начале 50-х годов. Он любил повторять: «Основной принцип ведения войны: чтобы победить, нужно знать оружие, которым воюет противник».

Толковский не забывал повторять это правило руководителям Моссад и военной разведки. Он постоянно требовал от них сведений, относящихся к военной сфере. Его принципы остаются актуальными и по сей день.

Для Израиля добытая разведкой информация имела жизненно важное значение. Израильское правительство использовало эту информацию и для «секретного товарообмена» с Соединенными Штатами: военное снаряжение американцы соглашались поставлять Израилю только в обмен на полученные по шпионским каналам данные и образцы вооружений. На американской территории размещались две эскадрильи полностью оснащенных боевых русских самолетов. Эти подразделения, получившие кодовое название «Топ ган», служили для имитации настоящих боевых действий. Большая часть оружия для подразделений «Топ ган» поступала из Израиля. Когда премьер-министр Менахем Бегин*, выступая в 1977 году по американскому телевидению, сказал, что его страна играет важную роль в обеспечении безопасности США, он подразумевал это тайное сотрудничество. Когда его попросили уточнить, он уклонился от прямого ответа, но руководство Пентагона прекрасно знало, что имел в виду Бегин.

Ко времени описываемых событий в Израиле была разработана секретная программа, направленная на приобретение новейшего вооружения противника, которая получила название «Стратегия в области создания электронной защиты».

* Менахем Бегин (1913—1992) — премьер-министр Израиля в 1977—1983 г. Лауреат Нобелевской премии мира (1978 г.) за подписание мирного договора между Египтом и Израилем.

Когда генерал Толковский формулировал свои принципы, он, конечно, не имел в виду такое название, но цели он ставил те же.

В начале 50-х годов, в частности, для него важно было заполучить советский военный самолет «МиГ-17», лучший истребитель того времени. Он приказал руководству военной разведки добыть этот самолет любым способом.

Получив такой приказ от высшего военного командования, разведка вооруженных сил Израиля бросила все свои силы на его выполнение. Это задание было нелегким. Как можно захватить самолет, который так строго охраняется?

Было предложено множество вариантов: подкупить летчика; выкрасть самолет при его отгрузке в порту Египта; внедрить агента на одну из авиабаз; заманить самолет в воздушное пространство Израиля, а потом сбить или заставить сесть на израильском аэродроме.

В конце концов помог случай. Когда во время Суэцкой кампании 1956 года израильские войска вторглись на Синайский полуостров, на одном покинутом военном аэродроме они обнаружили разыскиваемый советский самолет: экипаж бросил его при отступлении в целостности и сохранности.

Однако через пять лет военное командование отдало новый приказ. Советский Союз начал поставлять Египту, Сирии и Ираку истребители «МиГ-21». Прежде всего израильтяне хотели знать, с чем столкнутся их летчики в случае новой войны на Ближнем Востоке.

Новый командующий израильской авиацией Эзер Вейцман*, как и его предшественник, постоянно торопил военных разведчиков.

Разведывательные службы испробовали всевозможные средства, имевшиеся в их распоряжении: подкуп, кража самолета с баз, расположенных в арабских странах, внедрение агента на авиабазу и т. д., однако ни одно из них не привело к желаемому результату.

Чем больше сотрудники разведки думали над этой проблемой, тем больше убеждались, что наилучшим выходом из создавшегося положения было бы скло-

---

* Эзер Вейцман (1924) в 1958—1966 гг. — командующий ВВС, 1966—1969 гг. — начальник военной разведки, в 1977—1980 гг. — министр обороны; впоследствии занимал ряд постов в правительстве.

нить на свою сторону пилота и убедить его посадить самолет на аэродроме в Израиле. Такая уверенность основывалась на одном простом факте: военная разведка располагала подробной информацией о всех пилотах в Сирии, Египте и Ираке.

Не секрет, что высшее военное командование многих стран затрачивает огромные усилия на то, чтобы следить за самолетами противника. Арабы, американцы, израильтяне, русские — этим занимаются все. Лингвисты и специалисты в других областях изучают информацию, передаваемую летчиками. Каждое слово пилотов, будь то сообщение о возвращении домой или переговоры с другими летчиками, записывается на пленку. Таким образом формируется специальное досье на каждого летчика. В результате специалисты не только различают пилотов по голосам, но и анализируют особенности их поведения и даже черты характера.

Оперативные сотрудники разведки собирают *свою* информацию о летчиках: о военной карьере, семейной жизни, окружении, слабостях и пороках, стараясь при этом дать собственную оценку каждому пилоту.

В создании подобных досье израильские спецслужбы имеют преимущество перед другими разведками, так как многие евреи, называющие себя израильтянами, родились и выросли в арабских странах: Сирии, Ираке, Египте и др. Они выглядят и говорят как арабы, знают местные диалекты. Получив специальную подготовку, эти люди могут очень быстро и точно установить всю подноготную летчиков, которые летают в составе ВВС арабских стран.

Израильские спецслужбы имеют еще одно преимущество. Дело в том, что летчики арабских стран часто выезжают на учебу за границу. Не располагая собственными возможностями для подготовки летного состава, эти государства вынуждены посылать своих пилотов на учебу в США, Англию, Францию или СССР. Некоторые страны, принимающие таких летчиков, собирают досье на них, которые затем в рамках секретных соглашений передаются израильским спецслужбам.

Изучая досье, собранные на арабских летчиков, аналитики Моссад и военной разведки пришли к выводу, что операция может увенчаться успехом, если в ней будет участвовать пилот-немусульманин. Христиане и представители мелких религиозных сект состав-

ляли меньшинство среди арабских военных, и, вероятно, завербовать их было намного проще, чем мусульман. Эти люди и стали объектом пристального внимания сотрудников разведки. В то же время со счетов не сбрасывались и другие варианты решения поставленной задачи.

Какое-то время дело не двигалось с места. В конце 1965 года военной разведке Израиля было приказано сконцентрировать все свои силы на этом задании. Моссад отводилась вспомогательная роль. Такое решение было оскорбительным для его сотрудников. Конечно, заполучить боевой самолет — дело военных разведчиков, но теперь это уже касалось престижа Моссад.

И израильская разведка удвоила свои усилия. Эксперты снова засели за досье летчиков. Больше внимания уделялось тем, кто когда-либо попадал в плен к израильтянам. С особой тщательностью составлялся план возможных действий, подбирались средства для осуществления операции. Это была самая трудная задача, поскольку органы контрразведки арабских стран и СССР были очень бдительны. С самых первых шагов необходимо было соблюдать осторожность, иначе вся операция могла быть провалена.

А на официальных совещаниях и частных встречах военное командование Израиля постоянно «давило» на свою разведку*.

В начале 1966 года руководство Моссад связалось с одним из агентов, находившихся в столице Ирака Багдаде. Посылался он в Багдад с другим заданием, но теперь его начальство ставило перед ним приоритетную задачу — установить контакт с пилотом истребителя «МиГ». Агенту был передан список возможных кандидатур, остальное отдавалось на его усмотрение.

Этим агентом была женщина. Она родилась в Нью-Йорке, имела американское гражданство, но работала на Моссад. Американский паспорт давал ей возможность находиться в тех странах, где израильтяне являлись персонами нон грата. Энергичная и образованная, к тому же красивая, она свободно вращалась

---

* Израильская разведка даже обратилась за помощью к ЦРУ, которое сыграло важную роль в успешном окончании операции.

в военных и политических кругах. И к тому времени, когда эта женщина получила задание, она была знакома почти со всеми летчиками, чьи фамилии были в списке Моссад. Недели через две она уже знала, с кем может по-дружески поговорить об этом деле. Ее выбор пал на Мунира Редфу*, христианина, считавшегося одним из лучших пилотов ВВС Ирака.

Американка отправила сообщение о нем своему руководству в Израиль и вскоре получила добро. Через несколько недель она присутствовала на коктейле, где были представители высшего военного командования и политических кругов Ирака. Указывая на красивого мужчину, одетого в форму офицера ВВС, она спросила хозяина, кто этот человек. Улыбнувшись, он сказал: «Это Мунир Редфа, великий летчик. Хотите познакомиться с ним?» Ответ, конечно, был положительный.

Мунир и агент Моссад быстро нашли общий язык. Американка задавала вопрос за вопросом, чтобы разговаривать с ним. Скоро между ними завязалась доверительная беседа. А спустя еще немного времени он уже изливал душу своей сочувствующей слушательнице.

Как и все арабы, Редфа любил свою родину. Мунир не одобрял войну, которую развязало его правительство против курдского меньшинства, проживавшего на севере Ирака. Курды высоко ценили свою независимость, они никогда не воспринимали культуру и образ жизни Ирака. Возглавляемые муллой Мустафой Барзани, они подняли восстание против багдадского правительства. В войне с курдами иракцы использовали новейшие самолеты и самое совершенное оружие. Багдадские правители решили попросту уничтожить курдов.

Мунир Редфа был одним из многих летчиков, которые на своих самолетах бомбили небольшие горные селения. Эти массовые убийства не давали Муниру покоя. Как христианин, он с симпатией относился к любым национальным меньшинствам, и участие в войне, в которой убивали женщин и детей, считал преступлением. Редфа даже признался своей новой знакомой, что втайне восхищается израильянами, воюющими против намного превосходящих их в военном отношении мусульман.

---

* Некоторые зарубежные авторы полагают, что наводку на Редфу Моссад получил от некоего Джозефа Максера, работавшего в доме отца Мунира.

Американка слушала все эти признания с большим вниманием. Время от времени она вставляла в разговор замечания типа того, что чувствует себя виноватой за свою страну, которая проводит политику геноцида против американских индейцев. Но в основном она предпочитала молчать и больше слушать Редфу:

Они проговорили весь вечер. Было уже поздно, когда Редфа предложил женщине проводить ее домой. Прощаясь с американкой около ее дома, он пригласил свою новую знакомую поужинать с ним через несколько дней. Она охотно согласилась.

В следующем донесении руководству Моссад американка сообщила, что летчик будет работать с ними.

В последующие недели и месяцы Мунир Редфа и американка встречались очень часто. Между ними установились доверительные отношения. Редфа был счастлив в семейной жизни, однако со своей новой знакомой он обсуждал то, о чем не мог говорить ни с кем иным. Американка понимала его мучительные переживания по поводу своего участия в войне против курдов. Эта тема постоянно возникала в ходе их разговоров, так как не переставала тревожить Редфу, а женщине предоставлялась великолепная возможность окончательно завоевать его доверие. Она полагала, что в нужный момент сумеет использовать это в своих целях. Кроме того, знакомая Редфы постепенно подводила его к мысли о том, что у него есть альтернатива участия в этой войне.

В июле, через месяц после их первой встречи, агент решила, что наступил момент действовать. Она предложила Муниру совершить вместе путешествие в Европу, мотивируя это тем, что летчик нуждается в отдыхе. Редфа согласился, и они вылетели в Париж.

После двух дней, весело проведенных в Париже, американка раскрыла свои карты. Она предложила Муниру уехать с ней в Израиль. Ее друзья помогут ему, и все останется в тайне. В подтверждение своих слов она вынула из сумочки новенький паспорт на вымышленное имя.

— Ты можешь пользоваться им для поездки. Если мои друзья не смогут помочь, никто, кроме тебя, меня и моих друзей, не узнает об этом путешествии. Я обещаю.

Для Редфы все случившееся не было полной неожиданностью. Он давно подозревал, что его знакомая должна быть связана с какой-либо иностранной орга-

низацией. Однако она так ловко все сделала... И этот мастерски подделанный паспорт... Ясно, что все было спланировано заранее. И, конечно же, американка заинтересовалась им только потому, что он был летчиком. Но Редфа верил в искренность ее предложения и поэтому сразу дал свое согласие. Через 24 часа на военной базе в пустыне Негев ему был оказан подобающий высокопоставленному лицу прием.

На встречу с ним прибыла группа сотрудников Моссад. Без лишних церемоний его спросили: «Можете ли вы вернуться в Ирак, чтобы затем перелететь на своем самолете в Израиль? Вам хорошо заплатят. Вам и вашей семье будет гарантирована полная защита со стороны правительства Израиля. Вы получите израильское гражданство. Вам будут обеспечены жилье и постоянная работа».

Редфа был готов согласиться сразу, но его беспокоила судьба семьи. «Я не смогу принять решение, пока не буду уверен в безопасности моей жены и детей. Вы знаете, что за такие дела в Багдаде вешают. Они повесят жену и убьют детей».

Сотрудники Моссад понимающе переглянулись: «Мы знаем, что в Багдаде вешают людей. Уже сталкивались с этим». Они заверили Редфу, что, до тех пор пока его семья не будет в полной безопасности, от него ничего не будут требовать. «Мы еще вернемся к этому», — пообещали они.

Редфу стали готовить к предстоящему заданию. Вскоре после встречи с сотрудниками Моссад его посетил командующий ВВС Израиля генерал Мордехай (Моти) Ход. С Редфой он обсудил план угона самолета, наметил на карте курс, огибая станции слежения за воздушными целями и авиационные базы Ирака и Иордании.

«Полет будет крайне опасным. Вам предстоит преодолеть 900 километров. Если ваши коллеги разгадают этот план, они вышлют самолеты для перехвата. Если иракским летчикам это не удастся, им помогут иорданцы. Поэтому самое главное для вас — сохранять спокойствие и четко следовать по намеченному нами маршруту. Будете паниковать — считайте себя покойником. Учитите — как только вы сойдете со своего обычного маршрута, обратная дорога будет для вас отрезана», — предупреждали Мунира.

Похоже, Редфа очень ясно все это осознал. «Я доставлю вам самолет», — ответил он.

Все оставшееся время Редфа обсуждал детали предстоящей операции вместе с офицерами ВВС. Он был поражен, узнав, как хорошо израильтяне информированы о том, что происходит на его авиабазе. Разведчикам были известны имена всего персонала — и иракского, и русского, а также план базы. Они знали расписание тренировочных полетов с точностью до минут. У них были отмечены дни длительных и кратковременных полетов. Для длительных полетов на самолеты подвешивались дополнительные топливные баки. Одного дополнительного бака Редфе хватало бы, чтобы долететь до Израиля. Поэтому ему нельзя было пропустить ни одного дня, когда совершались длительные полеты. Во время перелета он должен был подавать израильтянам условные сигналы. По этим сигналам они будут определять его местонахождение и, самое главное, знать, все ли проходит нормально.

Во время пребывания Редфы на базе в пустыне Негев сотрудники Моссад, желая еще раз предупредить его об опасности предстоящей операции, рассказали историю, случившуюся с египетским летчиком Махмудом Хилми. В начале 1964 года Хилми перелетел в Израиль на советском тренировочном самолете «Як». По его словам, он сделал это в знак протеста против войны, ведущейся Египтом в Йемене. Хилми был против того, чтобы бомбить мирные селения, которые поддерживали короля в гражданской войне, полыхавшей в стране. Израильтяне были восхищены: от самого самолета не было никакой пользы, но пропагандистский эффект от этого перелета был грандиозным. Военное командование встретило египетского летчика с почестями и предоставило возможность выступить по радио с объяснением причин своего поступка.

Однако капитан Хилми мечтал поехать по свету. Он много слышал о Буэнос-Айресе и попросил новых хозяев предоставить ему там работу. Сотрудники Моссад долго колебались: они располагали сведениями, что египтяне поклялись расправиться с летчиком, в случае если он попадет им в руки. Хилми откровенно смеялся над опасениями сотрудников Моссад. «Вы сами боитесь спецслужб больше, чем я. Я знаю их хорошо, за меня не беспокойтесь».

Вскоре он отправился в Буэнос-Айрес, где с по-

мощью Моссад устроился на работу в одной авиационной компании. И тут Хилми сделал первую ошибку. Из Европы он послал матери открытку, забыв, что вся почта в Египте проходит через цензуру. Так египетская разведка узнала, что он находится за пределами Израиля.

Вторую ошибку он совершил, как только прибыл в Буэнос-Айрес. Познакомившись в небольшом арабском ресторане с уроженкой Каира, Хилми стал хвастать, что у него денег куры не клюют. А потом рассказал ей свою историю. Сделав вид, что потрясена этим, новая знакомая пригласила его к себе домой и оставила на ночь. Рано утром, когда он еще спал, женщина позвонила в египетское посольство. За Хилми приехали десять человек. Его доставили в посольство Египта. А через десять дней в Моссад стало известно, что он тайно вывезен на египетском пароходе на родину. Там его судили и приговорили к расстрелу.

Эта история звучала для Редфы как предупреждение: хочешь остаться в живых — не покидай территории Израиля. Редфа, который знал Хилми, принял этот совет к сведению.

Перед отъездом Редфы в Ирак его еще раз навещал генерал Ход, который пожелал летчику удачи. Вскоре Редфа и женщина-агент, с которой они не виделись все это время, возвратились в Европу. Через день они вылетели в Ирак.

Сотрудники Моссад сдержали слово. После возвращения Редфы в Багдад «заболел» его сын. Доктора посоветовали родителям мальчика провести специальный курс лечения в Лондоне. «Больного» сопровождали мать и брат. Сначала они прибыли в Иран. Пограничные власти не увидели ничего необычного в том, что семья иракского летчика отправляется на лечение в Европу. В Тегеране они сели на самолет, отправлявшийся в Лондон, но туда так и не долетели. Пересев в какой-то европейской стране на другой самолет, они уже через несколько часов были в Тель-Авиве, где поселились под чужими именами.

Теперь настал черед Мунира Редфы. Ровно через двадцать семь дней после прощания с Мордехаем Ходом он приступил к своему заданию.

Это произошло в один из августовских дней 1966 года. К самолету, на котором Мунир собирался лететь, были прикреплены дополнительные баки. Все утро он,

как обычно, готовился к длительному полету, стараясь сохранять безразличный вид.

Последний раз Редфа наблюдал за работой советских военных советников. Как и другие иракцы на базе, он не любил их. Советники относились к иракцам с презрением, питались отдельно, общались с ними только в служебное время.

Именно недоброжелательное отношение иракцев к советским советникам помогло Редфе без труда заправить дополнительные баки. Обычно для этого требовалась подпись одного из советников. Но в это время все они завтракали, и работники службы аэродрома были только рады получить приказ от своего офицера, особенно такого, как Мунир Редфа.

«Теперь все это в прошлом», — подумал Редфа, когда его самолет поднялся в воздух. Он взял курс на Багдад, как это предусматривалось планом полета. Через несколько минут летчик был уже далеко от своей базы. Как только Редфа убедился, что с землей его не видно, он направил самолет на юго-запад, в сторону Иордании и Израиля. Теперь он летел по специальному маршруту, разработанному им вместе с израильтянами. Редфа знал, что в течение нескольких следующих минут он может быть сбит. Если он останется жив, он никогда уже не вернется на свою родину. Мунир стал думать о своей жизни в Израиле — вражеской стране, по мнению его друзей. Он знал, что они осудят его как предателя. Они постараются убить его, даже если он будет скрываться в Израиле.

Внезапно заговорило радио. Строгий приказ повелевал ему немедленно вернуться на базу. Мунир продолжал полет. Опять последовал приказ вернуться. На этот раз его предупредили, что в случае неповиновения он будет немедленно сбит. Редфа выключил связь. Он знал, что как раз в этот момент русские высылают на перехват самолеты, пилотируемые его друзьями, чтобы сбить его. Советники могут подключить иорданцев — к их территории он как раз подлетал*, — а летчики короля Хуссейна имели хорошую репутацию.

Но как только Редфа покинул «вражескую» теперь

---

* По другим данным, Редфа совершил перелет в сопровождении самолетов ВВС США через воздушное пространство Турции, где на одной из секретных баз ЦРУ приземлился и дозаправился.

территорию, его стала терзать еще одна проблема. Американка. Он привязался к ней больше, чем мог ожидать. Конечно, он любит свою жену и детей и никогда их не бросит. Только удостоверившись в их безопасности, он решил на этот полет.

Но и сотрудница Моссад очень хорошо понимала его переживания. Безусловно, Редфа нужен был ей для выполнения приказа начальства. Но когда в Париже он обвинил ее в том, что она использовала его чувства только для того, чтобы достичь своей цели, женщина пристально посмотрела на него и сказала: «Да, это так, но и шпионы могут чувствовать».

Кроме того, она рисковала своей жизнью, когда возвратилась с ним в Багдад после посещения Израиля. Никто не мешал Муниру позвать первого встречного полицейского и заявить, что эта женщина — шпионка Израиля. Она буквально доверила ему свою жизнь. И сейчас она оттягивала и оттягивала свой отъезд в Израиль. Что-то удерживало ее. Мунир понимал — рано или поздно пребывание американки в Багдаде может вызвать подозрение: их часто видели вместе. Она пообещала, что отправится в Израиль, как только Редфа приземлится. Но как он узнает, что с ней все в порядке? Все может случиться, ее могут задержать... Мунир знал, что ей придется вынести, если ее поймут. Смерть будет для нее облегчением.

Редфа заставил себя сосредоточиться на полете. Он все еще находился над территорией Иордании и подвергался опасности. До Мертвого моря оставалось еще две минуты лета. За сотни миль до подлета израильские радары зафиксировали самолет Мунира. Через минуту в воздух по команде была поднята эскадрилья самолетов израильских ВВС для встречи и сопровождения Редфы.

Когда Мунир увидел приближающийся эскорт, у него сжалось сердце от волнения и страха. Он выполнил специальный маневр, по которому его узнали, и через минуту израильские «миражи» пристроились рядом с ним. Он был в безопасности среди своих новых земляков. Посадка на базе в пустыне Негев прошла успешно*.

---

* На этом история самолета Мунира не закончилась. 2 мая 1968 г., в двадцатую годовщину образования Государства Израиль, был устроен военный парад. Открыл его угнанный «МиГ-21».

Несколько дней Мунир чувствовал себя разбитым и очень уставшим. Миновала целая неделя, прежде чем он стал снова улыбаться. Сотрудник Моссад, отвечавший за его безопасность, известил Редфу, что его самолету присвоена кличка «007», как у секретного агента Джеймса Бонда из известного боевика. Затем добавил с лукавой улыбкой: «Может быть, им следовало назвать самолет «Мисс 007»? Редфа смущенно улыбнулся.

Сейчас Мунир Редфа ведет беззаботную жизнь гражданина Израиля. Немногие знают его настоящее имя и место жительства. Он получил обещанную награду и ничем не примечательную работу.

Иракские власти заклеили его позором как предателя. Но Мунир уверен, что он не предатель. По его мнению, он перелетел в Израиль, руководствуясь гуманными соображениями: это был акт протеста против геноцида, развязанного в отношении курдов. Бомбежки курдского населения были прекращены. Обманутое обещаниями (в том числе и Киссинджера) мирно решить проблему, курдское население было насильно переселено в пустынные районы на юге Ирака.

Мунир больше не встречался с американкой, убедившей его перелететь в Израиль. Она покинула страну. Редфа видел ее только раз, перед ее отъездом. Их дороги разошлись: у Мунира была семья, у американки — работа.

До сих пор агенты Ирака и СССР пытаются выяснить настоящее имя этой женщины, но все безуспешно. Ее имя — одна из наиболее охраняемых тайн Моссад.

Эли Коген — великий шпион

1

В 1939 году ишув (еврейская община в Палестине) и сионисты всего мира были возмущены опубликованием британским правительством официального заявления о своей политике в отношении будущего Палестины. Англия выступала за поэтапное движение Палестины к независимости и в то же время за ограничение иммиграции евреев до 75 тысяч человек в течение первых пяти лет, после чего их въезд должен регулироваться палестинскими властями и руководством других арабских стран.

Общий настрой 21-й конференции сионистов, состоявшейся в Женеве в августе 1939 года, выразался в активной оппозиции англичанам. Однако эти воинственные настроения существовали недолго: через несколько дней после завершения работы конференции гитлеровские войска оккупировали Польшу и разразилась вторая мировая война. Подавляющим большинством ишув выразила поддержку англичанам в борьбе с нацизмом и предприняла шаги к тесному взаимодействию с ними. Технические специалисты ишув использовались во многих областях, включая и разведку. Была даже предпринята попытка создать еврейские воинские подразделения. Правда, она не увенчалась успехом.

Однако весной 1941 года, когда войска генерала Роммеля быстро продвигались в направлении Египта, англичане решили воспользоваться предложенной евреями военной помощью. В составе военной организации «Хагана» было сформировано специальное ударное формирование ПАЛМАХ для выполнения особых задач. Даже экстремистская группа «Иргун», созданная для борьбы с арабскими террористами, привлекалась к совместным действиям.

— Во второй половине 1941 года обстановка на фронте

стабилизировалась, однако в 1942 году Роммель вновь продвинулся к границе Египта. Возникла реальная угроза вторжения немцев в Палестину. И вновь еврейские силы, оставив распри, сплотились и мобилизовались для отпора врагу.

Вероятность вторжения исчезла осенью 1942 года в результате решающей победы англичан под Эль-Аламейном.

С устранением немецкой угрозы Палестине англичане заняли более жесткую позицию в отношении еврейских поселенцев. Началась конфискация оружия, которая затронула даже «Хагану», сражавшуюся на стороне англичан с самого начала войны. Предпринимались попытки ограничить политическую активность евреев. Антибританские настроения усиливались безразличием Лондона к уничтожению евреев в Европе, о чем в 1942—1943 годах стали поступать все более тревожные данные.

В атмосфере враждебности экстремистские группировки начали активную и жестокую борьбу против англичан. В первых рядах движения стояла группа ЛЕХИ, возглавляемая Абрамом Штерном. Группа ЛЕХИ откололась от «Иргун» в 1940 году и оставалась на антибританских позициях в течение всей войны.

Штерн был схвачен англичанами в феврале 1942 года и немедленно казнен; после чего его группа распалась. Однако ее члены продолжали отчаянную борьбу с англичанами, и в январе 1944 года к ним присоединилась группа «Иргун». В 1943 году в «Иргун» сменилось руководство, и новые лидеры отказались от совместной борьбы «против британских захватчиков».

Эта борьба достигла своего пика 5 ноября 1944 г. Два молодых члена группы ЛЕХИ — Элиа Бейт Зари и Элиа Хаким — выследили и застрелили государственного министра Великобритании по Ближнему Востоку лорда Мойна около его резиденции в Каире. Убийство вызвало гневный протест во всем мире. Мировое общественное мнение было возмущено. В Палестине и Египте евреи, христиане и мусульмане осудили эту акцию. Ищув, включая и «Иргун», широко взаимодействовала с английской полицией в выявлении и задержании членов группы ЛЕХИ.

В Египте еврейское население, насчитывавшее около 300 тысяч человек, было озабочено возможными последствиями этого убийства в условиях и без того

напряженной обстановки. Столкновения между мусульманами и евреями в Палестине в 30-х и 40-х годах вызвали в Египте растущую враждебность к еврейскому населению. Вот почему местная еврейская община с возмущением отказала сионистам, просившим содействия. Когда агент Руфь Клигер обратилась за помощью к крупному еврейскому коммерсанту, придя к нему домой, то услышала следующее: «Евреям лучше сидеть тихо и не высовываться». Ее предупредили, что спустят собак, если она попытается прийти еще раз.

Однако когда два молодых экстремиста из группы ЛЕХИ предстали перед судом за убийство лорда Мойна, их поведение произвело глубокое впечатление даже на некоторых наиболее ярых противников. В своих репортажах иностранные журналисты восхищались их мужеством. В ходе судебного разбирательства они выступали с политическими заявлениями о том, что совершенная акция явилась их патриотическим долгом, а насилие было единственным средством завоевания независимости для своей страны. Молодые люди обвиняли британское правительство в том, что оно «обрекло тысячи евреев на смерть» в нацистских концентрационных лагерях, не разрешив им эмигрировать в Палестину.

Даже арабские националисты выразили свои симпатии этой паре, выйдя на улицы с плакатами, требующими освобождения «убийц Мойна». Начальник британской службы безопасности заявил: «Мне никогда не приходилось видеть преступников, которые выглядели бы такими несмышленными, как эти храбрые, самонадежные, жестокие и бессердечные молодые фанатики».

Тем не менее двое убийц были осуждены на смертную казнь через повешение. Приговор привели в исполнение 22 марта 1945 г. Молодые люди остались мужественными до последней минуты. На эшафоте они запели гимн «Хатиква» («Надежда»), который впоследствии стал национальным гимном Израиля.

Казнь глубоко повлияла на многих египетских евреев независимо от их религиозных или политических убеждений. Под воздействием происшедшего некоторые из них в корне изменили свое отношение к Палестине и сионизму.

Одним из таких людей был двадцатилетний еврей из Александрии Элиа Коген. Коген родился в еврейском

квартале Александрии 16 декабря 1924 г. Его родители, Шауль и Софи Коген, эмигрировали в Египет из сирийского города Алеппо. Шауль зарабатывал на жизнь продажей галстуков из парижского шелка богатым клиентам. Семья жила очень скромно: надо было накормить и одеть восьмерых детей.

Эли, как его братья и сестры, воспитывался в строгих ортодоксальных традициях, но в отличие от них он педантично соблюдал свою веру. В то время как его братья, пропуская молитвы, проводили послеобеденное время по субботам с приятелями, Эли молился в синагоге. Во время религиозных праздников его всегда можно было видеть молящимся вместе со своими родителями.

Эли с отличием закончил школу и получил желанную стипендию во Французском лицее. Он проявил себя блестящим учеником, особенно в математике и языках, и вскоре начал бегло говорить на иврите и французском. Время, отведенное на игры, Коген предпочитал использовать для чтения или выполнения домашних заданий. Он изучал Талмуд и знал наизусть целые отрывки из него. Он имел исключительную память и любил проверять ее: садился на балконе своей квартиры и записывал номера машин, проходящих по улице, затем передавал этот список родителям или одному из братьев и безошибочно называл по памяти все номера.

«Эли всегда был среди первых учеников по любому предмету», — вспоминал один из его школьных друзей. Но он никогда не возбуждал к себе зависти или злобы. Он был превосходным спортсменом и ежедневно плавал в Средиземном море, а затем делал длительные пробежки вдоль пляжа и легко обгонял других бегунов, которые пытались состязаться с ним. Эли всегда помогал своим одноклассникам, передавая им шпаргалки или разрешая списывать у него на экзамене.

В день совершеннолетия родители подарили Эли фотоаппарат «Кодак», и фотография стала его новым увлечением. Он бродил по городу и делал снимки, а фотографии аккуратно клеивал потом в альбом. Эли прочитал десятки книг по фотографии и стал специалистом в этом деле.

Учитывая склонность Эли к наукам и глубокий интерес к иудаизму, родители направили его в школу Маймонида в Каире, а затем в Мидраш Рамбам — центр

изучения Талмуда, которым управлял Моше Вентура, главный раввин Александрии. В этих заведениях он тоже проявил себя блестящим учеником.

Кроме того, Эли интересовала жизнь его египетских сверстников — и евреев и неевреев. Он бродил с фотоаппаратом в районах, населенных мусульманами, разговаривал с ними и делал снимки. Он без труда общался со всеми, кого встречал.

Однако Эли был одинок. Среди одноклассников у него было мало друзей. Казалось, он предпочитал быть наедине с собой или проводить время со своими родными.

Одной из возможных причин этого было финансовое положение семьи. Родители редко давали ему карманные деньги, а то и вовсе не давали, и во время каникул он часто подрабатывал, чтобы помочь семье. Каждый заработанный пенс он отдавал родителям.

В отроческие годы интерес Эли переключился с религиозных дисциплин на математику и физику. В результате он отказался от планов стать раввином и твердо решил заняться наукой. Это решение сильно огорчило раввина, который учил его. Он сказал: «У Эли мозги гения. Он мог бы стать одним из великих ученых-талмудистов».

В 1940 году в Египет пришла война, и у Эли появилось новое увлечение — боевое оружие. Особенно привлекали его различные типы самолетов, снимки которых он помещал в альбом. Когда немецкие самолеты летели бомбить тылы англичан, он пренебрегал требованиями укрыться в убежище и оставался на улице, пытаясь опознать самолеты. Его попытки сфотографировать воздушный бой, к сожалению, не увенчались успехом: маленький аппарат «Кодак» не справился с такой задачей.

Один из одноклассников вспоминал, как вел себя Эли во время воздушного налета, когда ученики были в школе: «Он был всегда спокоен, всегда уверен в себе. Он обычно утешал перепуганных малышей и ласково просил их не бояться, отводил их в убежище и возвращался обратно. Он понимал, что подвергался серьезной опасности, выходя на улицу для наблюдения за воздушным боем. Казалось, что Эли был лишен всякого страха за себя. Это было очень странно...»

Однако война имела и другую сторону, более важную теперь для Эли.

Весной и летом 1942 года, когда дивизии Роммеля продвигались к Каиру, а союзники отступали, в Египте резко возросли пронацистские настроения, которые усиливались стремлением сбросить британское господство. Эли был верующим евреем, но считал себя полноправным египтянином и симпатизировал националистическим антибританским настроениям. Он даже участвовал в демонстрациях протеста против иностранного господства, за что получил серьезное внушение от своих родителей. Как и большинство египетских евреев старшего поколения, они не хотели привлекать к себе внимания и не принимали никакого участия в борьбе, ведущейся в соседней Палестине. Эли знал об этой борьбе, однако она не имела для него большого значения. Он был египтянином, Александрия была его домом, и события в Палестине не касались его.

Суд и казнь убийц лорда Мойна все изменили.

Эли почувствовал, что что-то связывает его с двумя молодыми террористами. Они были примерно одного возраста и носили имя великого пророка Элия. Мужество, с которым они встретили смерть, открыло ему истинное значение совершенного ими поступка. Эли захотел каким-то образом выразить свои симпатии сионистам. Ему не пришлось долго ждать.

Египетское отделение «Алия бет», организации, созданной в Палестине для осуществления нелегальной иммиграции евреев, действовало уже несколько лет. Организатором и руководителем этого отделения была Руфь Клигер. Для проведения своих операций эта группа использовала суда, автомашины и даже верблюдов. Эли как участник египетского еврейского молодежного движения «Хашерут» выполнял кое-какие поручения этой группы, действуя иногда в качестве курьера.

Однако к 1944 году руководители разведывательной службы «Хаганы» решили расширить свою сеть в Египте. Война близилась к завершению, и они готовились к возобновлению полномасштабной борьбы за государственную независимость. Из-за роста антисемитских настроений в Египте необходимо было активизировать вывоз евреев из страны. «Хагана» собиралась также воспользоваться огромными запасами оружия, накопленными союзниками в Египте. И как никогда она нуждалась в информации.

Каир — британский штаб на Ближнем Востоке, и лучшего места для выяснения планов англичан в регионе не было. Надо было узнать, как относятся арабские лидеры к идее создания еврейского государства в Палестине и что они предпримут в этом случае.

Для организации и осуществления такой операции был выбран опытный агент Леви Абрами, уроженец Палестины. Абрами заслали в Египет весной 1944 года как английского офицера. Прежде всего он посетил дом высокопоставленной египетской особы Иоланде Габай. Иоланде происходила из богатой еврейской семьи в Александрии, жила какое-то время в Париже. Она не была сионисткой, но пришла в восторг от предложения заняться шпионской деятельностью. Самым важным для Леви Абрами являлись ее многочисленные связи в высших военных и политических кругах Египта.

Вскоре эта пара сняла виллу за пределами Александрии и устроила там штаб для своей нелегальной деятельности под прикрытием курорта для военнослужащих союзных войск.

После казни убийц лорда Мойна Эли начал работать на подпольную сеть Леви и Иоланде. Он уже не был простым курьером, а выполнял все более ответственные и опасные поручения.

Для организации иммиграции египетских евреев в Палестину было создано туристическое агентство «Грунберг». Оно занималось добыванием виз на выезд, а также сертификатов об уплате подоходных налогов. Официально эти документы евреям не предоставлялись.

Эли отвечал за подкуп местных властей с целью получения от них помощи. Используя свое прекрасное знание языков (а к тому времени он владел итальянским, немецким, французским и арабским), Коген давал взятки работникам посольств и местным египетским властям. Они становились более сговорчивыми и выдавали документы либо делали вид, что не замечали контрабандных операций. Многие египтяне даже подружился с Эли, после того как он показал им свою щедрость в ночных клубах Каира и Александрии. Для них он был не только евреем, но и хорошим египтянином.

Участвуя в операции «Гошен» (условное название подпольной сети), Эли помог тысячам евреев приехать в Палестину. С 1945 по 1948 год он неустанно

трудился над выполнением поставленной перед ним задачи.

Тем временем в Египте росли антисемитские настроения, которые почувствовал на себе и Эли. В 1946 году он поступил в Каирский университет короля Фарука (там он изучал электротехнику). Это было почти исключительным явлением, ибо антисемитизмом был охвачен и университет. Одновременно Эли устроился бухгалтером в фирму по импорту леса, чтобы помочь семье.

В начале 1947 года обстановка вновь обострилась: англичане не могли должным образом урегулировать палестинскую проблему и передали ее на решение Организации Объединенных Наций. В мае того же года была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, и в ноябре было решено разделить Палестину на два государства: арабское и еврейское.

Это вызвало новую волну антисемитских настроений. В Египте, как и повсюду, уже шли разговоры о войне, которая задушила бы еврейское государство в зародыше. Среди населения участились случаи бесчинств по отношению к евреям. В Университете короля Фарука студенты и профессора открыто выступали с антисемитскими заявлениями.

Друзья советовали Эли подумать о своей безопасности и держаться в стороне. Он возражал: «Я такой же египтянин, как и другие. Я выходил на демонстрации против англичан». Эли не понимал, как это его соотечественники могли набрасываться на него. Был случай, когда друзья силой удержали Эли от стычки с группой студентов-мусульман, которые готовы были растерзать его. В другой раз Когену не повезло: его избili члены организации «Братья-мусульмане». Эта религиозная и националистическая группа активно призывала к применению насилия против евреев.

Но несмотря на все это, Эли оставался тем же патриотом-египтянином, каким был всегда. Летом 1947 года он попытался доказать свой патриотизм властям очень необычным способом.

В то время в Египте была введена, по крайней мере юридически, обязательная военная служба для всех молодых людей страны. Обычно если еврея призывали на службу, он пытался откупиться. Многие чиновники стремились собрать на призывные пункты как можно больше молодых евреев, так как были уверены в

получении взятки. Но и в этом случае Эли поступил по-своему, попросив власти зачислить его добровольцем.

Его поступок внес большое смятение в ряды военных: где это слышано, чтобы еврей вызвался добровольно служить в армии? Кончилось все тем, что ему отказали, так как его лояльность внушала подозрение.

Эли продолжал работать в туристическом агентстве «Грунберг», помогая сотням евреев выезжать из Египта. Сам он уезжать не собирался.

Коген остался в Египте и вел активную жизнь, насколько это было возможно для еврея. Он продолжал занятия в университете, правда, под угрозой физической расправы вынужден был заниматься дома. Весной 1948 года он и несколько других студентов-евреев сдавали экзамен в отдельной аудитории под охраной вооруженных полицейских. Эли получил самые высокие оценки в своей группе.

14 мая 1948 г., когда в музее Тель-Авива Давид Бен-Гурион стоя провозгласил создание независимого Государства Израиль, объединенные арабские армии начали обещанную войну против только что родившегося государства.

В Египте евреи подверглись новым испытаниям: многие были арестованы без всяких причин, их собственность конфисковывалась, вводились специальные налоги. Евреям стало почти невозможно устроиться на работу. Эли был вынужден оставить университет.

Евреев открыто убивали и грабили на улицах, а власти делали вид, что ничего не происходит. Более того, они требовали от еврейских общин доказательств их лояльности к Египту в виде добровольных пожертвований крупных сумм в военные фонды страны. Между тем преданность евреев Египту во многих случаях была гораздо выше, чем Израилю.

Война закончилась победой израильтян. Переговоры о перемирии начались в январе 1949 года, а к июлю наконец было подписано соглашение.

Однако, по иронии судьбы, победа Израиля принесла новые неприятности евреям в Египте. Египет первым подписал соглашение о перемирии, и Израиль разрешил ему вывести свои войска (в составе которых находился молодой офицер Абдель Насер). Тяжело переживая унижение, египтяне начали новую кампанию против еврейского населения. Десятки евреев были

убиты, а их дома разграблены, что, в свою очередь, увеличило эмиграцию.

В 1950 году семья Эли выехала в Палестину. Он сам разработал план переезда и достал необходимые документы. Отказавшись выехать с семьей, Эли пообещал сделать это позже.

Однако Эли не увидел своих близких еще целых шесть лет.

Преодолев сопротивление и враждебность университетских властей, Эли вновь поступил в Университет короля Фарука с твердым намерением завершить обучение. Студентом он пробыл недолго: его исключили на сей раз окончательно, и он перебивался случайными заработками, посвятив себя целиком оказанию помощи своим соотечественникам-евреям в выезде в Палестину. Из 300 тысяч евреев, живших в Египте к началу войны 1948 года, к 1951 году осталось менее одной трети.

В том же году в Египет приехал еще один крупный израильский агент для руководства шпионской деятельностью и эмиграцией евреев. Этим агентом был Абрам Дар, работавший под именем Джона Дарлинга. Одной из основных задач Дара являлась вербовка молодых египетских евреев для выполнения шпионской работы.

Эли Коген, естественно, стал одним из первых завербованных. Другим была двадцатичетырехлетняя спортсменка Марсель Ниньо. Она дружила со многими египетскими армейскими офицерами, с которыми встречалась на приемах, устраиваемых ее высокопоставленными и богатыми друзьями. Марсель и Абрам Дар стали любовниками, и она помогала ему в поисках кандидатов на вербовку.

Пятеро из завербованных, включая Эли Когена, были посланы в Израиль для прохождения интенсивного курса по основам разведывательной работы и диверсионной деятельности. Они обучались там три месяца, общаясь только со своими инструкторами, а затем были направлены обратно в Египет. Здесь они попали под командование опытного агента капитана Макса Беннета. Он родился в Кёльне и был очень похож на арийца. Он даже не подвергался обряду обрезания. Его родители перебрались в Палестину, когда ему не было еще и двадцати лет, но он сразу же вступил в ряды «Хаганы». Обучившись шпионскому ремеслу, Макс получил задание в Ираке, где некоторое

время руководил операциями по эмиграции. Когда иракская контрразведка раскрыла его деятельность, он едва избежал смерти.

Затем Беннета направили в Египет под именем Эмиля Витбейна, торговца протезами конечностей. Он продал большое количество своего товара египетской армии и установил дружеские отношения со многими высокопоставленными офицерами, которые были тронуты его заботой о раненых ветеранах. Им и в голову не приходило, что их друг передавал все услышанное непосредственно в Моссад.

В силу ряда причин Беннету пришлось сменить работу и ко времени возвращения молодых египтян из центра подготовки в Израиле он работал консультантом египетского отделения компании «Форд мотор».

Вначале Беннет горько жаловался на то, что ему приходится посылать «любителей» на выполнение сложных и опасных заданий. Но эти любители работали хорошо. Поток информации в Моссад превзошел все ожидания, а в результате операции «Гошен» тысячи евреев переправились в Палестину.

Эли Коген прошел подготовку радиста разведгруппы и отлично выполнял свои обязанности. Он прекрасно работал на передатчике. Из Моссад часто шли благодарности ему и его товарищам по группе.

В это время в Египте происходили политические перемены, которые косвенно явились причиной краха их подпольной организации. В июле 1952 года генерал Мохаммед Нагиб возглавил переворот, который привел к свержению короля Фарука. В Египте было сформировано республиканское правительство. Почти сразу же новое правительство стало проводить антиизраильскую политику. Оно усилило блокаду Суэцкого канала для кораблей, идущих в Израиль или из него. Участились нападения террористов на население еврейского государства.

Одновременно развитие событий на международной арене стало вызывать тревогу у израильтян. После свержения генерала Нагиба подполковником Гамалем Абдель Насером зимой 1954 года отношения между американским и английским правительствами и Египтом стали улучшаться. Англичане дали согласие на вывод своих войск из зоны Суэцкого канала, что означало полную и безоговорочную блокаду израильского судоходства, и на оснащение египетских ВВС новыми

самолетами. В Соединенных Штатах государственный секретарь Дж. Даллес склонял президента Эйзенхауэра к проведению проарабской политики.

Военную разведку Израиля возглавлял тогда полковник Бенджамин Гибли, который был одним из членов трибунала, судившего Меира Тобианского в 1948 году. Гибли был убежден, что развитие отношений между Египтом и странами Запада представляет смертельную опасность для Израиля. Он считал обычную дипломатию неэффективным средством для борьбы с этой угрозой и разработал свой собственный план прямых действий.

Его план был простым, жестоким и противозаконным. Агенты Моссад в Египте должны были взорвать американские и британские объекты в Каире и Александрии. Ответственность за эти террористические акты возложат на коммунистов или на экстремистские мусульманские группы, что вызовет сильные антиегипетские настроения в Вашингтоне и Лондоне.

Операцией должны были руководить бывший армейский офицер Мордехай Бен Зур и агент Пол Фрэнк. Фрэнк работал в Египте под прикрытием бывшего офицера СС. Ему удалось сойтись с такими людьми, как командующий ВВС и министр внутренних дел Египта. Бывшие нацисты, которые жили в стране и являлись советниками правительства, полностью доверяли ему.

Когда Фрэнк объявил задание группе молодых египетских евреев, те вначале отказались выполнять его: они были евреями, но они были и гражданами Египта. Идея убийства своих сограждан вызвала у них возмущение. Они также опасались, что такая акция будет иметь политические последствия для Израиля.

Но полковник Гибли в Тель-Авиве настаивал на выполнении своих приказов. И они были выполнены. Юноши и девушки пошли на задания и установили бомбы в библиотеках ЮСИА в Каире и Александрии. Другие устройства были взорваны в здании главного почтамта. Центральные рестораны также стали объектами диверсий.

Вскоре то ли из-за сомнений в правильности своих действий, то ли просто по неопытности, но группа молодых египтян допустила ошибку, которая привела к провалу. Один из них, Филипп Натансон, попал в руки каирской полиции, которая до того времени никак не могла установить национальную принадлежность ди-

версантов. Натансон выскочил из кинотеатра в горячей куртке. Полицейские схватили его, погасили огонь и обнаружили в кармане куртки футляр для очков, наполненный взрывчаткой.

Натансона арестовали. В его квартире произвели обыск и обнаружили большой набор документов и самодельных бомб. В темной комнате нашли снимки и негативы с изображениями мостов, военных объектов и других целей для диверсионных операций.

Четыре дня египетская полиция и офицеры контрразведки подвергали Филиппа Натансона жестоким пыткам. Он отказался давать показания и настаивал на своей версии о том, что является коммунистом и получает приказы от тайной организации шпионов, обученных в Москве. И только когда ему сказали, что его мать находится в тюрьме и будет расстреляна, он «сломался» и признался во всем.

Власти, имея на руках полный список сообщников Натансона, начали вылавливать остальных членов группы.

Благодаря своим связям юная Марсель Ниньо на некоторое время избежала ареста. Однако ее неопытность позволила египетским контрразведчикам организовать за ней слежку. Не зная, как поступить, она в панике явилась на квартиру Макса Беннета, главного агента, ответственного за общее руководство израильской разведкой в Египте.

Когда египтяне ворвались к Беннету, они застали его с готовым к работе радиопередатчиком для донесения в Тель-Авив. Опасения Беннета по поводу использования «любителей» в разведке полностью оправдались.

Как и Натансона, Беннета подвергали жестоким пыткам в течение нескольких дней, но в отличие от Натансона он не «сломался». В конце концов, опасаясь, что не выдержит пыток, он подкупил охранника и попросил принести ему лезвие бритвы. Взяткой послужила половина цыпленка, которого передала ему жена.

В спешно написанной записке он просил ее выйти замуж и посадить в память о нем дерево в Израиле. Затем вскрыл вены на руках и умер на полу тюремной камеры.

Как и Марсель Ниньо, Эли Коген на какое-то время избежал ареста, но со временем поймали и его. Эли уже

арестовывали в 1952 году, и у него был опыт поведения на допросах. Он сумел убедить следователей в том, что не имеет никакого понятия о шпионской организации. Его освободили.

Абрам Дар (Джон Дарлинг) и Пол Фрэнк своевременно почувствовали опасность и ушли в подполье. Им удалось благополучно покинуть Египет. Другие члены группы (их было одиннадцать) не были такими удачливыми. В течение лета 1954 года их жестоко пытали и допрашивали. Марсель Ниньо дважды пыталась покончить с собой. Во время второй попытки она выбросилась из окна, когда следователи отвлеклись. Врачи спасли ей жизнь, последовали новые пытки.

В конечном счете все члены организации были сломлены и физически, и морально и признались во всем. Они рассказали, как агенты Моссад и военные разведчики вербовали и готовили их, как более двух лет они занимались шпионской деятельностью против своей родины и вопреки своей воле приняли участие в кампании террора с целью дискредитации Египта в глазах западной демократии.

Во время судебного процесса осенью 1954 года все члены группы давали одинаковые показания в надежде на снисходительность судей. Они доказывали, что были пешками в руках своих израильских хозяев. Исключение составила Марсель Ниньо: в ходе всего процесса она оставалась дерзкой и гордой, несмотря на грозящую ей опасность.

Марсель и студент по имени Роберт Дасса были приговорены к пятнадцати годам тюремного заключения. Филиппа Натансона и еще одного юношу приговорили к пожизненному тюремному заключению. Остальные члены группы получили меньшие сроки. Однако двоих, Самуэля Аззара (школьного друга Эли Когена) и доктора Моше Марзука, приговорили к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 1 января 1955 г. на территории тюрьмы Баб-эль-Халек.

В этот день среди присутствующих на казни находился Эли Коген. Он молча наблюдал, как Марзука и Аззара одели в традиционную одежду приговоренных к смерти на виселице — черные рубашки, красные шаровары и пурпурные колпаки. Когда на его товарищей надели колпаки, Эли произнес молитву.

Уже во второй раз Коген оплакивал молодых евреев,

повешенных за преступление, которым была борьба за Израиль.

Диверсионные акты и их катастрофические последствия вызвали скандал в Израиле, известный как «дело Лавона» — по имени министра обороны Пинчаса Лавона, на которого впоследствии возложили ответственность за все происшедшее. Рушились карьеры, Бен-Гурион попал под жесткую критику. Атмосфера недоверия стала сгущаться над Моссад, который обвиняли в плохо разработанной операции.

Усугубило обстановку разоблачение Пола Фрэнка как двойного агента. Фрэнк считался опытным агентом. Он помогал руководить операцией. После побега из Египта он получил продвижение по службе и был направлен в ФРГ. Скоро там стало известно о его тайной связи с одним из своих бывших каирских друзей адмиралом Сулейманом в нарушение строгого приказа избегать встреч со знакомыми по Египту.

Вызванный в Израиль под мнимым предлогом «обычного инструктажа», он был арестован и осужден за измену. На суде Пол признался, что продал египтянам данные об операции за 40 тысяч немецких марок. Оказалось, что, когда в Израиле проводилось расследование по «делу Лавона», он дал ложные показания, переложив вину на Пинчаса Лавона, в результате чего последний был вынужден подать в отставку.

Пола Фрэнка приговорили к двенадцати годам тюремного заключения. Моссад переживал тяжелые времена.

В Египте злополучная диверсионная операция привела к новой кампании против евреев, более жестокой, чем когда-либо. Официальная газета президента Насера «Аль-Джумхурия» потребовала продолжить истребление «мирового еврейства», успешно начатое нацистами. Оставшиеся в Египте евреи (менее 45 тысяч) бежали из страны, пользуясь подпольной сетью «Гошен». Люди других национальностей и вероисповеданий продавали свое имущество и тоже оставляли страну (многие с помощью «Гошен»).

В Александрии Эли Коген продолжал шпионскую деятельность. У него сохранился израильский радиопередатчик, и Эли передавал в Тель-Авив всю информацию, которую мог собрать. Наиболее тревожными были сообщения Когена о возрастающем влиянии на правительство Насера бывших нацистов, нашедших убежище

в Египте. Это были военнослужащие из Африканского корпуса Роммеля. Кроме того, тысячи немцев бежали в Египет из Европы в надежде, что их примут в стране, где господствуют антибританские настроения. Эти люди часто брали себе арабские фамилии, а иногда даже принимали мусульманскую веру.

Вскоре бывшие гестаповцы обрели силу и влияние. Они взяли на себя ответственность за реорганизацию кадров службы безопасности и разведки Насера.

Командир личной охраны Гитлера и начальник гестапо Варшавы Леопольд Глейм (в Египте — Али Нашер) руководил истязаниями друзей Эли Когена после их ареста в 1954 году: он был признанным специалистом по этой части. Бернхард Бендер (в Египте — полковник Ибн Салем) был начальником Глейма, а ранее — главным советником Генриха Гиммлера.

Под руководством Йохима Дэмлинга, бывшего майора СС и начальника гестапо в Дюссельдорфе, по образцу концентрационных лагерей была создана система центров для интернированных. Эли Коген попал в один из таких центров во время допроса по делу о диверсионных актах в 1954 году.

Неудивительно, что лидер профсоюзов Западной Германии утверждал: «Египет Насера является питательной средой для неонацистов».

Ситуация стала критической, когда началась Суэцкая кампания в октябре 1956 года, в ходе которой Израиль вместе с Великобританией и Францией вторгся в Египет. Мечь Насера сделала жизнь 45 тысяч евреев, оставшихся в Египте, еще более невыносимой. Их насильно изолировали в гетто, брали в заложники и сажали в тюрьмы, на них накладывались коллективные штрафы. Закрывались синагоги, еврейские школы и больницы. Иврит был запрещен даже в молитвах. Еврейские врачи и другие профессиональные специалисты лишались частной практики, а их собственность часто конфисковывалась. В кафе и ресторанах появились объявления: «Евреям и собакам вход запрещен». Все евреи обязаны были иметь удостоверение личности желтого цвета — унижительная мера, восходящая к средним векам и нацистской Германии.

В течение недель, последовавших за Суэцкой кампанией, операция «Гошен» проводилась как никогда энергично. В этот период около 10 тысяч человек покинули страну и переехали в Израиль.

Среди тех, кто хотел остаться, были в основном пожилые евреи, которые не могли покинуть землю, где они родились.

В ноябре Эли Когена вновь арестовали. На этот раз он был уверен, что его казнят: он активно работал на сионистов в течение многих лет, поэтому было очевидно, что дело его раскрыто.

Однако в течение трех недель пребывания в тюрьме он не потерял здравомыслия, которое спасало его уже дважды. И теперь ему удалось убедить следователей в том, что он был сионистом только по своему убеждению. Никаких фактов его деятельности не было вскрыто.

Тем не менее ему объявили, что он будет выслан из Египта. И вновь Эли удивил власти: он попросил продлить срок своего пребывания в стране. Власти с негодованием отказали ему: он должен покинуть Египет с первым отбывающим парходом.

20 декабря 1956 г. Эли Коген ступил на борт парохода «Мзир», принадлежавшего Красному Кресту и использовавшегося для вывоза репатриантов. У него были небольшой чемодан и мизерная сумма в египетских фунтах, разрешенная законом о валюте для эмигрантов. В его паспорте стояла отметка: «Не действителен для возвращения в Египет».

Пароход прибыл в Неаполь, где пассажиры должны были пересесть на корабли, выделенные для них израильским правительством. Эмигрантов было так много, что ждать приходилось довольно долго. Эли провел несколько недель в маленьком номере гостиницы в Генуе. Но позднее он говорил, что в те дни был в «приподнятом настроении».

Наконец он достал место на итальянском грузовом пароходе «Фелипе Гримони», который вышел из Неаполя в начале февраля, а 12 февраля прибыл в порт Хайфа.

Тысячи евреев иммигрировали в Израиль благодаря усилиям Эли в Египте. Настало время, когда и он присоединился к ним.

Однако впереди его ждали еще более великие дела.

2

Как и все иммигранты, в Хайфе Эли получил документы гражданина Израйля. Однако это не облегчило

ему первые дни пребывания в стране. Он чувствовал себя чужаком.

В Египте письмо в Израиль рассматривалось как преступление, наказуемое смертной казнью, поэтому Эли не писал родителям в течение шести лет и не знал, где они проживают.

Ему удалось найти адрес своего брата Мориса в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива. Эли отправился к брату. Мориса не было дома, но сосед проводил Эли до квартиры его родителей, расположенной в южной части города на песчаных дюнах в районе Бат-Яма. Район этот населен был преимущественно выходцами из Северной Африки и египетскими евреями.

Эли остановился около современного белого дома в самом конце дороги. Она называлась «Дорогой мучеников Каира», в память о друзьях Эли, которые погибли или находились в застенках Насера. Это название будет постоянно напоминать Эли о совсем недавнем прошлом.

Возвращение было и горьким, и радостным. Родители несказанно обрадовались ему и засыпали его вопросами. А самый младший брат Абрам, на двадцать лет моложе Эли, посмотрел на него безучастно и спросил: «Кто этот человек?»

Даже для членов семьи Эли стал немного чужим. Он и раньше не проявлял своих чувств открыто, а долгие годы подпольной работы в Египте усугубили его скрытность. На вопросы родителей он отвечал скупой и кратко. Было ясно, что он не хотел говорить о своих делах в Египте.

Морис Коген вспоминал: «Эли был словно закрытая книга. Он и потом никогда не рассказывал нам о своей подпольной деятельности. От него мы ничего не узнали... Он прятал свои мысли, как банкир прячет свои сокровища в прочном сейфе».

Эли долго и трудно привыкал к новому дому. Израиль озадачивал и разочаровывал его во многих отношениях.

Оставаясь глубоко религиозным человеком, он был потрясен безверием многих израильтян. Эли приходил в ярость от того, что евреи, говорящие на языке Библии, могли совершать преступления или обманывать. Многие из них не соблюдали Субботы и других больших праздников, а ведь они были евреями и жили на родной земле. Эли не мог понять всего этого. В своей вере

Эли был идеалистом, и отступления от идеалов он воспринимал очень болезненно.

В Египте Эли столкнулся с предрассудками европейских евреев по отношению к ближневосточным братьям. Эта болезнь и сейчас терзает израильское общество, но тогда для религиозных идеалистов, как Эли, эта проблема была особенно мучительной.

Другие проблемы носили более личный характер. Ему было тридцать два года. В этом возрасте большинство мужчин имеют семью или карьеру, или то и другое. У Эли не было ни того ни другого.

Он жил в одной комнате с одиннадцатилетним братом и находился на иждивении родных. Героизм его прошлой деятельности не имел здесь никакого значения, так как никто о ней не знал. Казалось, его многообещающие задатки остались невостребованными.

Разочарованный и угнетенный, Эли нашел забвение в самообразовании. Подпольная работа в Египте оставляла мало времени для учебы, и он решил наверстать упущенное. Эли стал изучать современный иврит и греческий, совершенствовать немецкий и итальянский языки. Он опять увлекся математикой и электроникой, прочитал несколько учебников по этим дисциплинам. В квартире родителей Эли оборудовал темную комнату и вновь занялся фотографией.

Эли ещё долго оставался без работы. Братья с гордостью рассказывали о службе в израильской армии, а он молча слушал и не мог разделить их восторга. Эли так долго жил один, что чувствовал себя чужим в своей собственной семье.

Несколько месяцев он провел, путешествуя автостопом по Израилю. Только в конце 1957 года ему предложили работу в министерстве обороны. Это не было случайностью. Разведывательные органы Израиля знали об Эли гораздо больше, чем его родные. Его кандидатуру они наметили сразу, но работу предложили лишь через год, дав ему вначале осмотреться.

Эли направили в контрразведку. Он должен был изучать арабские газеты, переводить их на иврит и на основе газетной информации делать анализ политической обстановки. Иногда ему приходилось писать характеристики на ведущих арабских политических деятелей, используя материалы прессы и собственные знания психологии египтян. Эли прекрасно справлялся со своими обязанностями, однако вскоре стал тяготить-

ся ими, ибо был профессиональным разведчиком. Он не мог выносить однообразия и рутины кабинетной жизни. Через некоторое время Эли занялся изучением торговли и бухгалтерского дела, чтобы заполнить свободное время. Примерно год спустя он обратился к своему руководству и заявил о желании заняться активной деятельностью.

Ответ руководства был типичным. Хотя Эли имел все данные для первоклассного агента, Моссад (как и другие разведывательные органы Израиля) следовал строгому правилу: не брать на агентурную работу добровольцев. Это правило установил Исер Харел, и обойти его было невозможно. Эли твердо заявили: «Нам не нужны искатели приключений».

Отказ глубоко обидел Когена. Не он ли рисковал жизнью в Египте, работая на Израиль? Не он ли отдал лучшие годы своей юности разведывательной работе? Почувствовав себя оскорбленным, Эли оставил работу. С новой энергией он взялся за изучение бизнеса и за очень короткое время получил диплом. Вскоре он стал работать бухгалтером в объединении продовольственных магазинов. Если ему не удалось продвинуться в разведке, он попробует свои силы в другом.

На новом месте Эли зарекомендовал себя прекрасным работником и очень быстро стал инспектором. Он ездил по стране с проверками финансовых операций магазинов. Даже на этой работе он оставался скрытным. Дружелюбный со всеми, он близко к себе никого не подпускал, ни одному из служащих не удалось подружиться с Эли. Все считали его честолюбивым и ожидали, что он быстро продвинется по службе.

В начале 1959 года в солдатском клубе Тель-Авива он познакомился с красивой темноволосой иракской женщиной по имени Надия. Она работала медсестрой в госпитале Хадасса. Без лишних церемоний она сказала Эли, что хотела бы с ним встречаться. Две недели спустя, прогуливаясь по пляжу Херцлия, они решили пожениться. Свадьбу назначили на август и отпраздновали это событие с традиционным великолепием.

Им повезло с путевками в Эйлат, курортный городок на северном побережье Красного моря, где они провели медовый месяц. Возвратившись, молодые переехали в собственную квартиру, купленную с помощью родителей.

Эли успокоился, чувствуя, что жизнь в Израиле

начала приобретать смысл. Он быстро продвигался по службе и хорошо зарабатывал, они с женой подумывали о детях. Эли стал заядлым футбольным болельщиком и увлекся парусным спортом. Коген превратился во вполне благополучного гражданина Израиля.

В начале 1960 года недалеко от своего дома в Тель-Авиве Эли встретил человека, знакомого ему по работе в министерстве обороны. Они не были близкими друзьями, но хорошо относились друг к другу. Бывший коллега предложил прогуляться по пляжу и побеседовать. И хотя Эли все еще был обижен на руководство министерства обороны, он согласился.

Разговор зашел о причине ухода Эли из министерства. Эли не мог сдержать своего возмущения: «Я зря тратил время. Какой смысл выуживать информацию из репортажей арабских журналистов, когда я сам могу сделать это в тысячу раз лучше?»

Сотрудник министерства внимательно выслушал Эли. Он понимал, почему Эли ушел. Затем они поговорили о футболе, о дорожающей жизни и расстались. Эли был рад высказать все накопившиеся обиды.

Он вспомнил об этой встрече только спустя несколько недель, когда в отсутствие Надии к нему заглянул его бывший коллега. Он назвал свою настоящую фамилию и звание — Исаак Залман, старший офицер Моссад. Затем предложил Эли еще раз прогуляться по пляжу. Эли, несколько смущенный такой таинственностью, согласился.

Во время прогулки Залман сообщил Эли, что Моссад наблюдал за ним со времени прибытия в Израиль. Они знают о его деятельности в Египте и хотели бы, чтобы он снова работал на них. Однако они опасались, что постиммиграционный период в Израиле мог оказаться тяжелым для него. Поэтому, прежде чем предлагать Эли работу в разведке, они решили дать ему возможность вначале встать на ноги. Затем его попробовали на канцелярской работе, что является обычной практикой для всех будущих сотрудников.

Исаак продолжал: «Мы отказали вам в просьбе работать разведчиком по целому ряду причин, главные из которых вы знаете. Мы наблюдали за вами все это время и думаем, что сейчас мы можем вас принять. Если вы согласны, мы обсудим вашу просьбу».

Залман вспоминает: «Он так волновался, что в течение нескольких секунд не мог отвечать. Затем сказал, что готов честно служить своей стране в любом качестве, работать агентом в любой арабской стране. Я помню, что он высказал сомнение по поводу работы в Европе, так как там он будет не в своей стихии. Но в Моссад ему придется делать то, что прикажут, предупредил я. И он, конечно, все понял».

Затем последовали долгие часы бесед и перекрестных вопросов. Залман, работавший под псевдонимом Дервиш, не торопился с оценкой нового кандидата на вербовку. Имея опыт активной агентурной работы в террористической группе до 1948 года, он знал, как важно понимать людей, которых ты используешь для выполнения опасных заданий.

Прежде всего Дервиш выяснил у Эли причины, которые побудили его прийти в разведку. Счастлив ли он с женой или с помощью этой работы он хочет уйти из семьи? Любит ли он рисковать? Рассматривает ли он эту работу как серию захватывающих шпионских заданий?

Эли отвечал на все вопросы честно и откровенно. Он и Надия счастливы друг с другом, они ожидают первенца и думают иметь большую семью. У него нет никакого желания уйти из дома, но он готов сделать это, если ему прикажут.

Эли не подозревал, что Дервиш уже знал его ответы. Моссад в течение многих месяцев тайно собирал о нем сведения среди друзей и родных. Они знали и о счастливой женитьбе, и о будущем ребенке. Им известна была масса деталей о его частной жизни и работе. А когда Эли сказал, что его единственным мотивом поступить в Моссад было желание служить своей стране, Дервиш не усомнился в правдивости этих слов.

Затем последовали вопросы о характере работы. Знает ли Эли о том, что он никогда и никому, даже своей жене, не должен раскрывать ее содержание? Что его заработок будет выше нынешнего, но все же не будет очень высоким? Что он должен будет подчиняться жесткой дисциплине?

Эли готов на все. С легкой лукавой улыбкой он сказал: «В конце концов, это то, что я делал в течение всей юности. Вы знаете об этом так же, как и я».

Дервиш подробно расспрашивал Эли, скольким египтянам известно о его шпионской деятельности. Эли

никогда не вернется в Египет, но если он поедет в какую-либо другую арабскую страну (куда египтяне могут переслать его досье), он подпишет себе этим смертный приговор.

Эли откровенно признался, что его работа в коммерции была неинтересной. Однако одно это не может заставить его рисковать своей жизнью. Он повторил снова: он хочет служить своей стране.

Дервиш был удовлетворен — Эли выдержал предварительное испытание.

Затем Коген прошел специальное медицинское и психологическое обследование под наблюдением врачей и ученых. С начала 50-х годов разведывательные службы создавали систему сбора и анализа данных, необходимых для определения поведения человека (разведчика или солдата; израильского или вражеского) в той или иной ситуации. Для такой маленькой организации, как Моссад, тщательный отбор просто необходим: имея небольшое число агентов, нельзя рисковать ни одним из них. Малейший недостаток человека может стать серьезным препятствием для вербовки.

Таким образом, несмотря на отличный послужной список, Эли Коген был вынужден пройти через ряд очень жестких испытаний, после которых Дервиш сказал ему: «Вы получили первоклассную оценку. Вы можете, если хотите, работать в Моссад». Так Эли Коген вернулся к своей работе.

Дервиш объяснил Эли условия, на которых его приняли. Он будет получать зарплату в полном объеме, в том числе и в период обучения. Как и все сотрудники, несмотря на предыдущий опыт, Эли должен будет пройти соответствующий курс подготовки. Дервиш продолжал: «По окончании курса у вас будет возможность пересмотреть свое решение работать в разведке. И это правило действует всегда: вы можете в любое время подать в отставку без каких-либо угрызений совести. Не рассматривайте наше сотрудничество как католический брак. Развод разрешен, и его можно получить без особых усилий. Единственное условие, на котором мы настаиваем, заключается в том, что ни одна живая душа не должна знать об истинном характере вашей работы».

В течение весны и лета 1960 года Эли прошел полный курс подготовки для работы в Моссад. Опытнейшие эксперты в вопросах диверсионной работы

научили его готовить взрывчатку и часовые мины из простейших подручных средств. Они возили Эли в военные лагеря и показывали, как использовать различные взрывчатые вещества для подрыва мостов и других сооружений.

Инструкторы познакомили его с техникой борьбы без оружия, научили Эли пользоваться самыми разнообразными видами стрелкового оружия. Эли стал отличным снайпером. Он мог безошибочно различать марки советского и западного вооружения, типы кораблей и самолетов. Кроме того, Эли получил квалификацию взломщика: он узнал, как быстро и бесшумно открыть любой замок или сейф.

Надо сказать, что Эли постоянно изумлял своих инструкторов уверенным и быстрым усвоением материала. Его феноменальная память, натренированная запоминанием отрывков из Библии и номеров автомобилей, всех приводила в восторг.

По окончании шестимесячного периода обучения он получил выпускную характеристику, в которой отмечались его успехи: «Обладает всеми необходимыми качествами для оперативной работы».

После завершения базового курса подготовки Эли предстояло принять участие в двухнедельной «игре» на улицах Тель-Авива. За ним будут следить двое или больше его коллег («наружное наблюдение»), а он, двигаясь от одного объекта к другому, должен будет выявить их. Затем он попытается уйти от наружного наблюдения самым естественным образом (т. е. так, чтобы его поведение ничем не отличалось от поведения любого нормального человека на улицах города). Добиться этого — задача невероятной сложности, и прошло много недель, прежде чем Эли достиг требуемого мастерства.

Затем роли поменялись, и теперь Эли осуществлял наружное наблюдение за одним из своих коллег, который, в свою очередь, также пытался скрыться. В дальнейшем точно так же занятия проводились с опытными оперативными сотрудниками. Конечно, знакомая обстановка Тель-Авива действовала расслабляюще, однако инструкторы прилагали все усилия, чтобы держать будущих агентов в постоянном напряжении. Им говорили: когда-нибудь может случиться так, что полученный на этих занятиях навык обнаружения слежки спасет вам жизнь, а умение квалифицированно вести

наблюдение позволит обнаружить человека, который получил задание убить вас.

Безупречное владение специальными знаниями было жизненно необходимо. Будущие агенты тренировались до тех пор, пока не доводили свои навыки до автоматизма. Они никогда не видели друг друга вблизи — только на расстоянии во время занятий по наружному наблюдению на переполненных улицах Тель-Авива. Они соблюдали строжайшую дисциплину на протяжении всего периода обучения. Запрещались прогулки даже в одиночку. Они были лишены возможности общаться со своими семьями.

За месяцы, проведенные в учебном центре, между Эли и Дервишем, которого он называл теперь просто Исаак, сложились близкие, дружеские отношения. Эта сердечная привязанность обуславливалась, однако, и тактическими соображениями. Руководство разведки знало, что высокую эффективность работы и нормальное морально-психологическое состояние разведчика, который один выполняет опасную работу во вражеском окружении, может обеспечить уверенность в надежности его тыла, то есть его куратора в центре. Если между этими двумя людьми не было бы симпатии и взаимного уважения, Эли получил бы другого куратора.

Прежде чем поручить Эли самостоятельную работу за рубежом, ему предстояло пройти еще через одно испытание. Этот экзамен был проведен при невольном участии одного французского бизнесмена по имени Марсель Коуэн. Он родился в Египте, но жил во Франции. В конце лета 1960 года Коуэн отправился в деловую поездку в Израиль. Вскоре после прибытия в гостиницу Тель-Авива он с ужасом обнаружил, что исчез его паспорт. Испуганный Коуэн сообщил об этом в полицию и во французское консульство, где ему выдали временный паспорт, чтобы он мог совершить запланированную поездку в Северную Африку.

А в это время по людным улицам Иерусалима бродил другой Коуэн — турист. Он с интересом ходил по древнему городу, посещая религиозные святыни и исторические достопримечательности, покупая сувениры. Знание арабского и французского языков позволяло ему свободно общаться с людьми на улицах.

Возвратившись в отель, Коуэн сказал портье, что он подумывает об эмиграции в Израиль и поэтому ищет коммерческие контакты в Иерусалиме. Сгорая

от желания помочь, услужливый клерк показал французу кафе, где обычно собираются на ланч бизнесмены. Больше того, он назвал ему имена своих друзей, государственных служащих, которые могли бы быть ему полезными.

Вооруженный полученными сведениями, турист поехал обедать в ресторан «Вена», где уже очень скоро оживленно беседовал с незнакомцем, сидевшим за его столом. Собеседники так понравились друг другу, что израильтянин, который оказался сотрудником правительственного учреждения, пригласил Коузена отобедать вечером у него дома.

На обеде среди других гостей оказался важный банкир, к которому турист немедленно проникся самыми добрыми чувствами. Он рассказал о своей задумке переехать в Израиль и задал ему множество вопросов о порядке перевода капитала, процентных ставках и о других проблемах, связанных с делами бизнеса. Банкир, заинтересованный в новом клиенте, пригласил Коузена на следующий день к себе в офис. Беседа, которая касалась не только финансовых дел француза, но и общих вопросов экономического положения в Израиле, затянулась на несколько часов. И когда гость собрался уходить, банкиру пришлось выпускать его через заднюю дверь: наступило время ланча и все сотрудники покинули офис. Коуэн обещал вскоре позвонить.

В последующие дни он нанес подобные визиты десяткам торговцев и бизнесменов, спрашивая у них совета по вопросам найма жилья и помещения для офиса, вложения денег и получения консультаций по правовым и финансовым аспектам.

Когда Коуэн, наконец, сел в поезд, который отправлялся в Тель-Авив, он знал об Иерусалиме и бизнесе в Израиле так же много, как любой бизнесмен, проживший здесь годы. Кроме того, он установил полезные контакты, например с банкиром, которому обещал вскоре позвонить. Однако банкира ждало разочарование: Коуэн так и не позвонил ему.

Прибыв в Тель-Авив, Коуэн сразу же отправился на маленькую квартиру, расположенную рядом с оживленной улицей Алленби в самом центре города. Там его тепло встретили, а он, выложив на стол паспорт, снова стал Эли Когеном — сотрудником Моссад.

Дервиш усадил Эли и раскрыл пухлое досье. Внутри были десятки фотографий «Марселя Коузена» и его

новых друзей в Иерусалиме. Кроме того, в досье находился лист, на котором был аккуратно отпечатан перечень всех его действий, а также занесены все расходы на кафе и сувениры.

В течение нескольких часов мужчины внимательно изучали отчет Эли и сравнивали его с отчетом, имеющимся в досье. Коген заметил, что сотрудники, следившие за ним в Иерусалиме, упустили имя банкира, с которым он встречался, и добавил с легкой усмешкой: «Я вижу, с моим финансовым отчетом жульничать бессмысленно».

Когда настоящий Марсель Коуэн вернулся в Тель-Авив, его дождалась повестка из местного отделения полиции. Там ему вручили паспорт и предупредили: «Следующий раз будьте внимательнее. Храните документы при себе, а не оставляйте их где ни попадая в номере гостиницы». Коуэн до сих пор с восхищением рассказывает своим друзьям об эффективности израильской полиции.

Действия двух слушателей учебного центра, в задачу которых входило следить за Эли и фотографировать его, были одобрены. Единственное, что им не удалось, так это зафиксировать длительную беседу Когена с банкиром. Они признали, что потеряли тогда свой «объект».

Что касается Эли, то за свое умение использовать прикрытие он получил самую высокую оценку. Дервиш в своем официальном отчете по результатам занятий среди прочего отметил: «Этот сотрудник обладает острым умом, быстрым и нестандартным мышлением. Он способен внедряться в любые слои общества и приспосабливаться к любой обстановке.

Свободное владение несколькими языками является его несомненным преимуществом. Способность сохранять спокойствие, когда на него оказывается давление, а также быстро принимать решения в условиях меняющейся обстановки позволяет предположить, что он сможет успешно справиться с заданием, которое мы планируем ему поручить».

Вначале Эли еще не представлял, в чем заключалось задание. Шел сентябрь 1960 года, и он получил свою первую увольнительную домой за все время интенсивной подготовки. Это было радостное событие, потому что он впервые увидел Софию — его недавно родившуюся дочь.

Отпуск оказался коротким, и скоро новичок был вновь в работе — на сей раз в арабском городе Назарет. Снабженный фальшивыми документами, Эли предстал перед шейхом Мухаммедом Салмааном как студент Иерусалимского университета. Он собирался изучать ислам. Уроженец Александрии, Эли много знал о мусульманской религии, но ему предстояла серьезная работа, и разведчик приступил к настоящей учебе. Он не только выучил наизусть большие отрывки из Корана, но и точно знал, как вести себя при чтении пяти ежедневных молитв.

По пятницам, когда муэдзин призывал всех правоверных к молитве словами: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его», Эли посещал мечети в разных уголках Израиля. Вместе со своими «единоверцами» он отбивал поклоны и молился. Вскоре он был уверен — легенда не подведет его при самом тщательном расследовании.

В Тель-Авиве инструктор Эли приготовил для него сюрприз. «Сегодня у нас выходной. Я собираюсь свозить тебя на сирийскую границу», — сказал он. Они сели в джип и направились на север, в сторону Голанских высот.

Из газет Эли знал, что уже на протяжении нескольких недель сирийская артиллерия, размещенная на позициях, обеспечивающих хорошее наблюдение за израильской территорией в Северной Галилее, ведет обстрел кибуца Тель-Катцир. Уничтожены имущество и посеы, несколько человек ранены и убиты.

Израильская армия предприняла ответные действия. В одну из ночей, под покровом темноты, ударная бригада «Голани» перешла границу и в полной тишине продвинулась в район дислокации сирийской артиллерии на вершинах высот Тавафик. Израильские подразделения были обнаружены лишь тогда, когда уже были прямо над позициями сирийцев. В ходе яростного боя, который продолжался до рассвета, израильтяне уничтожили десятки сирийцев и артиллерийские орудия. После этого они взорвали более пятидесяти домов в деревне.

Завершив карательный рейд, бригада «Голани» захватила большое количество танков, бронетранспортеров, легкого и тяжелого вооружения.

Дервиш показал Эли захваченную технику, обсудив

с ним некоторые технические характеристики сирийского вооружения.

— Но я привел тебя сюда по двум причинам. Первая: чтобы объяснить, каким образом бригаде «Голани» удалось захватить хорошо защищенные артиллерийские позиции, оказавшие к тому же отчаянное сопротивление. Дело в том, что наши солдаты знали точное месторасположение каждого орудия. Они также знали, сколько человек защищают позиции и как они вооружены. Они знали возможные пути, по которым могли быть переброшены подкрепления, и сколько времени им потребуется для того, чтобы прибыть в район боевых действий. Всю эту информацию военным предоставили мы. Истоки их победы следует искать в наших разведывательных сводках. Второй причиной нашего приезда сюда является обстоятельство, касающееся прежде всего тебя. В этом районе ожидаются новые бои. Мы в этом уверены. Исход этих боев может зависеть от тебя. Ты направляешься на работу в Сирию.

Решение послать Эли в Сирию было принято несколько месяцев назад. Преподаватели видели, что перед ними разведчик высшего класса, способный выполнить наиболее важные и ответственные задания. Знание арабского мира сделало Эли самой подходящей кандидатурой для работы в арабских странах.

В то время главную опасность для Израиля представляли Египет и Сирия. Начиная с 1958 года обе страны были объединены в одно государство — Объединенную Арабскую Республику. У них было объединенное военное командование. Большое число египтян находилось в Сирии в качестве военных советников (что, кстати, возмущало многих сирийцев).

Насер все еще не оправился от поражения в Суэцкой кампании 1956 года и поэтому не спешил развязывать новую войну против Израиля. Однако сирийцы горели желанием воевать и создали мощную военную группировку на границе с Израилем. На Голанских высотах у них было две дивизии, а их «миги» часто нарушали воздушное пространство Израиля. Эли Коген видел результаты разрушительных бомбардировок израильских поселений и ферм.

У сирийцев имелись свои причины для развязывания войны с Израилем. Внутреннее положение в стра-

не было крайне нестабильным, военные перевороты в Сирии следовали один за другим в течение нескольких лет. Хунта, стоявшая у власти в то время, хотела использовать Израиль, чтобы отвлечь внимание населения своей страны от экономических и политических проблем. Советский Союз, в свою очередь, направлял в Сирию большое количество вооружения и боевой техники.

Бен-Гурион настаивал, чтобы Исер Харел усилил свой разведывательный аппарат в Дамаске. Премьер-министр постоянно напоминал руководителю Моссад: «Безразличие — самый страшный враг национальной безопасности». Исер знал, что лишь с помощью Эли Когена они смогут решить эту проблему.

Сначала руководители Эли планировали направить его в Дамаск под видом гражданина Испании или одной из стран Латинской Америки. Но так как Эли был очень похож на араба и прекрасно говорил на арабском языке, они изменили его легенду. Сирийское общество более закрыто по сравнению с египетским, и поэтому Эли было бы достаточно сложно внедриться в него как латиноамериканцу.

Кроме того, в Дамаск Эли решили послать одного. На это были две причины. Во-первых, при малочисленности Моссад было бы роскошью держать в одной стране большую резидентуру. Только что закончилась операция по захвату Эйхмана, которая надолго заняла многих сотрудников.

Второй причиной, по-видимому, послужил стиль работы самого Эли. Во время учебы, особенно в истории с Марселем Коуэном в Иерусалиме, Эли показал, что лучше всего работает один. Он привык к одиночеству еще в юности, когда работал в Египте. К тому же в этом случае он подвергается меньшему риску: он никогда не станет жертвой предательства или ошибки партнера, и его безопасность будет зависеть только от него самого.

В ходе обсуждения задания Дервиш узнал, что Эли согласен с решением руководства. Если бы у него возникли сомнения на этот счет, план мог быть пересмотрен. Моссад не ждет от своих сотрудников слепого выполнения приказов, а требует критического их осмысления и проявления инициативы. Конечно, в бою следует исполнять приказ. Однако до этого момента есть возможность для дискуссий.

Сразу после возвращения с сирийской границы Эли начал подготовку к работе в Дамаске. Он глубоко изучал историю, экономику, государственно-политическое устройство, географию и топографию Сирии. Ему пришлось заниматься языком с преподавателями, так как египетский диалект арабского языка, на котором он говорил с детства, отличается от сирийского. Эли слушал сирийские радиостанции днем и ночью, чтобы добиться правильного произношения, а также быть в курсе текущих событий в этой стране.

В учебном центре был оборудован кинозал, и эксперты показывали ему фильмы о Сирии, включая отрывки о сирийской армии и военных объектах. Большинство этих материалов было получено из программ дамасского телевидения, часть являлась результатом усилий Моссад.

Эли предстояло также узнать многое и об Аргентине. Он прошел курс по истории, политике, географии этой страны, совершенствовал свой испанский и научился, насколько было возможно, говорить с аргентинским акцентом. Дело в том, что Эли было поручено перед выездом в Сирию провести некоторое время в Аргентине. Эли был расстроен такой новостью, ибо хотел сразу приступить к настоящей работе — в Сирии. Но Дервиш ответил ему довольно резко: «Считай, что тебе повезло. Большинство сотрудников чаще всего получают новые задания и документы за несколько минут где-нибудь в туалете в аэропорту. И на подготовку им дается несколько часов. У тебя же есть два месяца».

На самом деле Моссад тянул время: руководство не хотело, чтобы Эли попал в Сирию, когда там находилось еще большое число египетских военных, но Эли об этом ничего не сказали.

Эли занимался с раннего утра до позднего вечера. Преподаватели тщательно оберегали его от контактов с внешним миром, заодно изучая его реакцию на подобные условия. Он держался молодцом, хотя иногда с тоской смотрел в окно на толпы людей, снующих по улице.

«Я как призрак среди потерянных людей», — заметил он однажды. Больше жалоб от него не слышали. Один из инструкторов напомнил Эли, что он может в любой момент отказаться от работы, но это ничуть не поколебало решения Когена.

А в это время сотрудники Моссада вновь и вновь проверяли каждую деталь легенды, которую они разработали для одного из своих лучших агентов, и ждали момента для наиболее безопасного введения его в игру.

Наконец в канун 1961 года было решено начинать операцию. Наступило самое подходящее время.

Как раз в это время один из сотрудников Исера Харела решил устроить у себя дома небольшой праздничный ужин. Он был из числа тех, кто семь месяцев назад вылетел из Буэнос-Айреса с похищенным Адольфом Эйхманом.

Среди приглашенных был и Дервиш. Он поинтересовался, может ли привести с собой новичка, подготовкой которого занимается. Возражений не последовало, и Эли Коген составил компанию своему учителю. Во время ужина Эли молчал. Он сидел за одним столом с элитой Моссад и внимательно слушал историю похищения знаменитого нацистского преступника.

На следующее утро Эли сказал своему боссу: «Вчера вечером эти люди воодушевили меня. Они придали мне смелости. Я буду более уверен в себе, зная, что меня поддерживают такие люди».

3

Было 1 марта 1961 г.

Самолет компании «Суиссэйр» из Цюриха прибыл точно по расписанию и медленно вырубивал к главному терминалу аэропорта Буэнос-Айреса Эзейза. В числе первых пассажиров, покинувших самолет, был с иголки одетый бизнесмен, который на протяжении всего полета спокойно сидел в салоне первого класса, просматривая газеты и финансовые отчеты на нескольких языках. В аэропорту его никто не встречал. Пройдя иммиграционный и таможенный контроль, он вышел из здания аэропорта и взял такси.

Бизнесмен объяснил водителю, что он здесь впервые, и попросил порекомендовать ему хороший отель. Водитель отвез его на Нуэве де Джулио — в самый центр города.

В отеле бизнесмен зарегистрировался как Камиль

Амин Таабес; род занятий — экспортер. Судя по паспорту, он был сирийцем. И вскоре он уже прогуливался по Нуэве де Джулио. Портье с гордостью рассказал ему, что президент Перон выстроил улицу в стиле Елисейских полей после посещения Парижа со своей супругой Евой.

Через несколько дней Таабес снял дорогую квартиру недалеко от гостиницы. Как это случается с любым путешественником, попадающим в иностранный город, Камиль быстро нашел те рестораны и кафе, где собирались его соотечественники. В Буэнос-Айресе сделать это было несложно. Около 500 тысяч арабов проживают в Аргентине, и многие из них — в столице, причем своим нежеланием смешиваться с неарабским населением и стремлением сохранить собственную субкультуру они вызывают раздражение у аргентинцев.

Так или иначе, город был полон клубов, где собирались сирийцы, ливанцы, представители других ближневосточных стран, для того чтобы поболтать или поиграть в нарды. Таабес выбрал одно из таких заведений, которое, по его мнению, более всего подходило ему, и однажды вечером отправился туда.

Арабы по природе своей люди гостеприимные и дружелюбные, и очень скоро Таабес уже разговаривал с группой мужчин. Так как он был новичок в этой компании, его попросили рассказать о себе.

Он рассказал, что его родители, Амин и Сайда, покинули родную Сирию много лет назад в поисках счастья в богатой столице Ливана Бейруте. Камиль, как и его сестренка Айна, родился именно там. К несчастью, Айна умерла еще в младенчестве.

Дела пошли не так, как рассчитывали его родители, и вскоре они перебрались в Египет, сделав свой окончательный выбор на Александрии. Именно там Камиль провел большую часть своего детства. Отец настоял на сохранении сирийской национальности и привил Камиллю чувство глубокой любви к родине. Незадолго перед смертью отца Камиль поклялся своим друзьям, что рано или поздно он побывает в Сирии.

В 1947 году с помощью богатого дяди он с семьей приехал в Буэнос-Айрес. Они попробовали основать текстильную компанию на улице Легази, но обанкротились.

После смерти родителей Таабес возглавил свою собственную экспортную компанию, дела которой шли

очень неплохо. Последнее время он жил в основном в Европе, но теперь опять перебрался в Буэнос-Айрес. С гордостью он показал новым знакомым фотографии своей семьи, которые постоянно носил с собой. Дома у него намного больше фотографий, сказал он, и пригласил несколько человек заглянуть к нему в гости.

Камиль Амин возвратился домой вполне удовлетворенным. Вечер прошел более чем успешно. Его новые друзья не имели никаких оснований подозревать, что любезный незнакомец, с которым они провели несколько приятных часов, является не кем иным, как лучшим учеником Дервиша Эли Когеном.

Легенду для Эли готовили с особой тщательностью: Моссад было известно, что этого агента будут проверять очень серьезно, и поэтому прошлое Когена не должно вызывать абсолютных никаких подозрений. Прикрытием для Эли послужил реально существовавший человек — ливанец Камиль Таабес, эмигрировавший в Аргентину. Эли должен был знать Буэнос-Айрес так, будто он прожил там половину своей жизни, хотя на самом деле он не бывал там никогда. Последние две недели в Израиле он провел, изучая карты и фотографии аргентинской столицы. Лишь после этого он мог с уверенностью сказать, что знает этот город как свой родной.

Однако наиболее трудным для Эли оказалось приучить себя к мысли о том, что на много месяцев он будет полностью изолирован от своей семьи. Эли никогда не ожидал, что разлука с семьей окажется для него таким тяжелым испытанием. Он обнаружил, что, возвращаясь вечером домой, он уже не мог с уверенностью сказать, кого же на самом деле встречают его жена и дочь: Камиля Амина Таабеса или Эли Когена. В Аргентине же ему придется еще больше слиться со своим новым «я» и ощутить еще большую разобщенность со своей семьей.

Наступил день отъезда. В аэропорт Когена провожал молодой офицер по имени Гидеон, который в дальнейшем станет принимать его радиошифровки в Израиле. Перед Эли стояла четкая задача: он должен был вылететь в Цюрих, а затем в Аргентину. Из аэропорта на автобусе ему следовало доехать до определенной

остановки недалеко от центрального вокзала Банхофштрассе.

Гидеон вручил Эли белый конверт, в котором было 500 долларов — на мелкие расходы.

Через несколько часов Коген сошел с автобуса компании «Суиссэйр» в Цюрихе. К нему подошел хорошо одетый мужчина, который обратился к Эли на древнееврейском: «Меня зовут Израиль Сэлинджер. А вы — Эли Коген». Мужчины пожали друг другу руки.

В течение последующих трех дней Сэлинджер, старший офицер Моссад, работавший под прикрытием бизнесмена, уточнял с Эли детали его легенды. Камиль Амин Таабес являлся владельцем морской и авиационной транспортной компании, занимавшейся экспортно-импортными перевозками между Южной Америкой и Европой. В Израиле Эли прошел интенсивную подготовку в этой области, включая изучение специальной коммерческой лексики. Сэлинджер вручил ему чековую книжку на право распоряжаться счетом в одном из швейцарских банков. «Южноамериканский бизнесмен не может обойтись без этого», — объяснил он. Затем они посетили лучшие магазины Цюриха и полностью обновили гардероб Эли. Наконец, уже по пути в аэропорт перед отлетом в Буэнос-Айрес Эли обменял свой паспорт на другой, выданный на имя Камилы Амина Таабеса. На этом его перевоплощение закончилось.

Вскоре после прибытия в Аргентину Эли установил контакт с агентом, известным ему под именем Абрам. Предварительно договорившись, они встретились в кафе «Кортинас», недалеко от отеля, где остановился Коген. Абрам информировал Эли о его офисах, оборудовании и квартире. Кроме того, он дал ему денег, а также список влиятельных арабов, проживающих в городе, и посоветовал, как лучше на них выйти.

После этого они встречались очень редко.

Со дня своего первого «выхода в свет» Эли стал весьма популярной фигурой в сирийской общине Буэнос-Айреса. Он часто приглашал к себе друзей, где за бокалом вина они вспоминали далекую родину, по которой все так скучали. Те, кто попадал на квартиру к Эли, имели удовольствие посмотреть альбомы с фотографиями, на которых он (Камиль Таабес) был запечатлен со своими родителями в Александрии, Бейруте и Буэнос-Айресе. Только Эли было известно, что эти фотографии были смонтированы в Моссад.

Коген выяснил, что Исламский клуб является лучшим местом, где можно познакомиться с влиятельными представителями арабских стран. Он стал проводить там много времени, читая каирские и дамасские газеты. Однажды он разговорился с лысеющим человеком средних лет, который представился как Абдулла Латиф Альхешан, редактор крупнейшей арабской газеты в Аргентине. Альхешан был убежденным националистом, и его более молодой соотечественник признался ему: «Я мечтаю вернуться на родину моих предков. Я уверен, что смогу оказаться ей полезным. Но я никого там не знаю и поэтому чувствую себя беспомощным».

Альхешану было приятно встретить преданного патриота в Аргентине. Он еще не встречал здесь человека такого ума и такой преданности родине. Он представил Эли не только лидерам арабской колонии в Буэнос-Айресе, но деловым и дипломатическим кругам.

Коген прекрасно разбирался в делах арабского мира, и это помогло ему стать желанным гостем на многочисленных дипломатических коктейлях и официальных приемах. На одном из таких мероприятий он повстречался с майором Амином Аль-Хафезом, военным атташе сирийского посольства. Как и многие другие, Хафез до глубины души был тронут национализмом Эли и вскоре стал относиться к нему более доверительно.

— Я не хочу касаться политики, — сказал он на одном из дипломатических обедов, — однако настоятельно посоветовал бы вам поставить на партию БААС. В конце этого года, когда истечет срок моих полномочий и как только я улажу все свои дела, я собираюсь вернуться в Дамаск. Почему бы вам не присоединиться ко мне? Нам нужны образованные и преданные люди.

— Мой генерал, если бы я был на вашем месте, я поступил бы точно так же. Кто знает, может быть, я найду в себе смелость последовать за вами, — почтительно и сдержанно ответил Эли.

Майору понравился ответ Эли, особенно то, что сообразительный Эли уважительно назвал его «генералом».

Где бы они ни встречались после этой беседы, майор Аль-Хафез всегда задавал один и тот же вопрос:

— Ну как, мой друг, когда вы собираетесь в Дамаск, чтобы помогать нам?

Сирийская разведка в Буэнос-Айресе не спешила

поверить в истинность националистических чувств Камилля Таабеса. После того как прямо из-под носа у нее был выкраден Адольф Эйхман, арабы очень настороженно относились ко всем, кто входил в контакт с такими важными особами, каким был майор Аль-Хафез. Второе бюро (так называлась сирийская разведка) начало тщательную проверку Таабеса.

Сирийцы обнаружили, что все, о чем Таабес рассказывал своим друзьям, полностью соответствовало действительности. На самом деле существовал сирийский мусульманин с таким именем, родившийся в Ливане и переехавший затем в Александрию.

На этом проверка не закончилась.

Однажды, вернувшись домой, Эли обнаружил, что в его альбоме кто-то копался: некоторые фотографии отклеивались: вероятно, с них были сделаны копии.

Коген был готов к этому. Он с самого начала не скрывал ни от кого своего домашнего адреса и номера телефона. Альбом с фотографиями Эли обычно оставлял на видном месте — на столе в передней комнате.

По окончании проверки Второе бюро убедилось в том, что перед ним настоящий Камилль Таабес. Легенда, разработанная в Тель-Авиве, была безупречна.

Тем временем Коген продолжал активно расширять круг знакомств среди влиятельных сирийцев Буэнос-Айреса. Последние приглашали его домой или в посольства. Он дарил им подарки и был очарователен и любезен с их женами. Все любили и уважали молодого бизнесмена, особенно за его глубокие патриотические чувства.

Поэтому ни для кого не явилось сюрпризом заявление, сделанное в конце мая 1961 года, о том, что он собирается совершить поездку в Дамаск. На него обрушился поток имен и адресов бизнесменов, правительственных чиновников, личных друзей. Все обещали дать в Дамаск рекомендательные письма, при помощи которых возвращающийся на родину молодой человек получит там максимальную поддержку и помощь.

На самом деле ехать в Дамаск Эли приказали его шефы из штаб-квартиры Моссад. Абрам держал Тель-Авив в курсе успехов Эли в Буэнос-Айресе, и поэтому уже в мае, всего через три месяца после прибытия Когена в Аргентину, было решено, что он выполнил свою задачу, и ему предписывалось отбыть в Тель-Авив.

Необходимые визы без труда были получены в консульствах Ливана и Объединенной Арабской Республики. 1 августа 1961 г., непосредственно перед отъездом, друзья устроили прощальную вечеринку, а на следующий день многие из ее участников поехали в аэропорт, чтобы посадить Эли на мюнхенский рейс, который совершал промежуточную посадку в Бейруте. Именно там Коген должен был сойти с самолета. Однако долетев до Мюнхена, Эли сразу же сел на ближайший рейс до Цюриха. Там его ждал Израиль Сэлинджер.

Они встретились в отеле в самом центре города, и Камиль Амин Таабес снова превратился в Эли Когена. Он отдал документы на имя Таабеса и получил обратно свой настоящий паспорт. Коген снял с себя всю одежду, купленную в Швейцарии и Аргентине, и облачился в старое платье, в котором он прилетел из Израиля. Сэлинджер аккуратно сложил его вещи в чемодан.

После того как Эли полностью отчитался о своем пребывании в Аргентине, они попрощались и по одному (один через пять минут после другого) покинули отель. У Эли еще оставалось немного времени для того, чтобы купить подарки семье и успеть в аэропорт на самолет, отлетающий в Тель-Авив.

В израильском аэропорту Лод Эли встретил Гидеон, молодой радист, который несколько месяцев назад провожал Эли в тот же аэропорт перед отъездом в Европу. Радист посадил его в старый, помятый фургончик без номеров и отвез прямо домой в Бат-Ям, объяснив по дороге, что ему дают несколько свободных дней, пока отрабатываются дальнейшие детали операции.

Дома Эли обнаружил, что все почтовые открытки, отправленные Сэлинджером из разных уголков Европы, достигли адресата. Они были предварительно написаны Когеном в Цюрихе во время его первого посещения этого города.

Руководство Моссад высоко оценило работу Когена, решив, что он полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Однако, когда он сообщил о полученных им рекомендательных письмах в Дамаск, шефы разведки были поражены. Это было просто невероятно. Но успехи, казалось, укрепили уверенность Эли в своих силах, и теперь он рвался как можно быстрее начать работу в Дамаске.

Однако опять пришлось ждать. Необходимо было пройти дополнительную подготовку.

На протяжении нескольких недель Эли работал с людьми, которые должны будут принимать его радиосообщения из Дамаска. Им необходимо было знать индивидуальный почерк Когена. Только в этом случае их работа будет эффективной. Сотрудники в Израиле непосредственно в момент связи должны уметь определять, кто посылает сообщение: их агент или кто-то, кто под него подстраивается. Они также должны уметь обнаружить малейшие изменения в характере сообщений, которые позволили бы сделать вывод о том, что Эли работает под контролем сирийской контрразведки. Они договорились: изменение скорости передачи будет сигналом о том, что Эли раскрыт.

Кроме того, Когену предстояло заучить наизусть новые шифры. Он также прошел подготовку по стрельбе из пистолета и автомата Шмайссер, которые были наиболее распространенными в то время в Сирии видами личного оружия.

Были получены новые инструкции по таким вопросам, как оборудование тайников. При помощи новейшей миниатюрной фотокамеры Эли мог превращать полноформатные документы в микрофиши размером с булавочную головку. Он научился отличать сирийские самолеты, изучил различные виды вооружения, стал хорошо разбираться в знаках отличия советских офицеров (что обязательно должно было пригодиться ему в Дамаске).

Существовала еще одна причина, по которой задерживался выезд Эли в Дамаск. Там все еще находилась большая группа египетских советников, и руководители Моссад не хотели подвергать риску одного из своих лучших сотрудников. Его могли узнать, а это стало бы катастрофой. Было решено дождаться момента, когда ситуация станет безопасной для Эли.

Долго ждать не пришлось. На Ближнем Востоке распространена шутка, что Дамаск принадлежит офицеру, который однажды проснется раньше всех, захватит радиостанцию и объявит себя президентом. 28 сентября 1961 г. произошел очередной военный переворот. Из страны были высланы все египетские советники, которых обвинили в попытке оказывать давление на правительство.

Теперь путь для Эли был свободен. Моссад принял решение о его отъезде в Дамаск. Из разных европейских стран аргентинским друзьям Эли были отправле-

ны открытки от его имени. Открытка, посланная майору Хафезу, заканчивалась словами: «Да здравствует партия БААС!»

Накануне отъезда Эли поражал всех своим спокойствием. Один из инструкторов вспоминал потом: «Можно было подумать, что это обыкновенный турист, собравшийся весело провести свой отпуск. Мы неоднократно напоминали ему, что он едет во вражеский город, где его жизнь будет подвергаться опасности, но ничто не выдавало его волнения».

В конце декабря Эли Коген вылетел в Мюнхен. Там он вновь встретился с Сэлинджером и вновь произошел обмен документами. Правда, на этот раз кроме одежды, купленной в Швейцарии, Эли взял с собой еще кое-что. Мощный миниатюрный радиопередатчик, самый совершенный из всех, известных в то время в мире, был спрятан в двойном дне электрического миксера. Провод электробритвы служил антенной для передачи сообщений на дальние расстояния. Таблетки сильного яда, которые предназначались для врагов и в случае крайней необходимости для самого Когена, были замаскированы под обычный аспирин. Химические вещества, необходимые для производства взрывчатки, замумфлированы в тюбики из-под зубной пасты и крема для бритья. В комплект прекрасной японской фотоаппаратуры входило также и оборудование для микрофильмирования.

Вооруженный таким образом, Эли отбыл для выполнения своей миссии. С Сэлинджером они распрощались без лишних слов.

Из Мюнхена Эли направился в Геную. Оттуда 1 января 1962 г. Камиль Амин Таабес отбыл в Бейрут в первом классе итальянского корабля «Аузония».

Так начиналась блестящая разведывательная операция.

4

На борт корабля Эли ступил человеком, принадлежащим к элите сирийского общества. Вскоре после отплытия он уже беседовал с шейхом Магд Аль-Ардом, богатым и влиятельным сирийцем. Аль-Ард оказался очень полезным знакомым, представив Когена некоторым влиятельным сирийцам. Кроме того, он невольно

оказал услугу Эли, когда подвез его на своей машине из порта в Дамаск: находясь под покровительством такой важной персоны, Коген благополучно миновал таможенно без досмотра.

Первое, что Эли должен был сделать в Дамаске, — это найти для себя жилье. Он остановил выбор на обширных апартаментах на четвертом этаже современного здания в престижном районе Абу-Руммана. Это была комфортабельная и даже роскошная квартира, но самым важным являлось то, что она располагалась прямо напротив здания генерального штаба сирийской армии.

Вторая задача заключалась в том, чтобы заработала его экспортно-импортная фирма. И с этим Эли справился блестяще. Скоро его бизнес стал приносить солидную прибыль всем заинтересованным лицам, в том числе и Моссад. Какими бы большими ни были объемы поставок сирийской античной мебели, столов для игры в нарды, ювелирных изделий и предметов народного промысла, которые Эли направлял в Европу, у него всегда находились покупатели.

Поставщики уважали его за аккуратность, с которой он платил по счетам. Они также были благодарны ему за готовность вкладывать их чеки на номерные счета в швейцарских банках, которые он же и помогал им открывать. Они всегда с удовольствием составляли компанию Камилю Таабесу за чашечкой крепкого турецкого кофе на рынке Хамадиа в старом Дамаске.

Вряд ли они догадывались, что дружеские беседы, затрагивавшие и экономические вопросы, давали Эли Когену информацию для его ежедневных зашифрованных сообщений в штаб-квартиру Моссад в Тель-Авиве. Не знали они и того, что их самый выгодный покупатель прятал микрофильмы в тайниках, оборудованных им в столиках для игры в нарды, которые они продавали ему.

Когда Камиль Амин Таабес возвращался вечером домой, он снова превращался в разведчика Эли Когена. Закрыв двери и зашторив окна, он доставал свой миниатюрный радиопередатчик, спрятанный в декоративной медной чаше, которая поддерживала огромный хрустальный канделябр, и нес его в спальню. Там он зашифровал сообщения и передавал их в Тель-Авив. Среди зарослей телевизионных антенн на крыше дома он установил свою собственную антенну.

В случае, если Эли фотографировал в течение дня, ночью он превращал ванную комнату в фотолабораторию, где проявлял негативы и изготовлял микрофильмы. На следующий день он прятал их в одном из тайников, оборудованных в предметах его экспорта. В Цюрихе их аккуратно вытаскивали и по секретным каналам отправляли в Тель-Авив. Деловым партнером Эли в Швейцарии, продававшим его товары в европейских странах, был не кто иной, как сотрудник Моссад Израиль Сэлинджер.

Сообщения, передаваемые Эли, всегда содержали ценную информацию для Тель-Авива. Его друзья входили в число наиболее могущественных и влиятельных людей в военных и правительственных кругах Сирии. Одним из самых близких был лейтенант Маази Захер Эль-Дин, племянник начальника генерального штаба Абдулы Карима Захера Эль-Дина, а также Джордж Сейф, диктор правительственного радио Дамаска, полковник Салим Хатум, командир ударного парашютно-десантного полка сирийской армии. Последний был особенно ярким антисемитом. Он мог часами доказывать своим друзьям трусость сирийских политиков, которые боялись начать войну с Израилем. Эли слушал, горячо одобряя его патриотизм*.

Эли не зря так тщательно выбирал себе жилье. По числу горящих окон в здании напротив он мог безошибочно судить, что происходит в штабе. Большое скопление лимузинов и штабных машин служило ему предупреждением о подготовке новой наступления на Израиль.

Более того, по соседству располагалось много посольств, а также миссия ООН. В этом районе постоянно наблюдалась повышенная активность радиопередатчиков, что создавало прекрасное прикрытие для передатчика, установленного на четвертом этаже. Кратковременные выходы в эфир Эли вряд ли могли быть зафиксированы радиоперехватом.

Через два месяца после прибытия в Дамаск выгодное расположение его апартаментов дало свои плоды.

---

* Ни Эли, ни кто-либо другой не знал о том, что брат Хатума, живший в Израиле, был ортодоксальным иудеем. Хатумы — выходцы из секты друзов — жили на границе Сирии и Израиля, один брат стал сирийцем, а другой израильянином. Узнав, что его брат в Сирии, Гарис сказал: «Если нам предстоит война, я не хотел бы встретиться лицом к лицу с братом». (Прим. авторов.)

В первом важном сообщении в Тель-Авив Эли писал: «В течение трех ночей подряд горели окна в здании генерального штаба. Осуществление какого-либо переворота не ожидается. Наиболее вероятная причина повышенной активности — подготовка военной акции против Израиля. На телевидении, радио и в прессе усилились антисемитские настроения. Наблюдается усиленное передвижение войск на улицах».

Сообщение Эли было немедленно передано на все командные посты в районе Галилейского моря (Тивериадского озера) на границе с Сирией, и уже через 24 часа с мест стали поступать подтверждения. Колонны бронетанковых войск приближались к границе со стороны Дамаска.

Израильское командование отдало приказ о нанесении превентивного удара по сирийской военной базе в Нухайбе. Авиация и артиллерия Израиля буквально стерли ее с лица земли. Сирийские бронетанковые части, упустив момент внезапности нападения, вернулись в места постоянной дислокации.

Эли Коген доказал, что хороший разведчик стоит целой дивизии. В политической, так же как и в военной, области он снабжал Тель-Авив ценнейшей информацией. Его оценки политической ситуации в Сирии были настолько точными и своевременными, что они докладывались премьер-министру в течение нескольких часов после их поступления в штаб-квартиру Моссад. Бен-Гурион нередко принимал важнейшие политические решения, от которых зависели вопросы войны и мира, на основе сообщений, поступивших от Эли Когена.

В июле 1962 года, то есть через шесть месяцев после прибытия в Дамаск, Эли был отозван в «отпуск» в Тель-Авив. Его руководители решили предоставить ему возможность немного отдохнуть. Но, кроме того, они хотели получить от Эли более подробную информацию.

На несколько дней его оставили в покое и дали возможность побыть с семьей. Эли с нетерпением ждал встречи с Надией и Софией: даже его сверхтребовательные начальники не могли лишить Эли этой радости.

Однако несколько счастливых дней пролетели как один миг, и Эли вновь превратился в разведчика. Руководству Моссад нужна была более детальная информация о планах и намерениях сирийцев. Вопросов, на

которые Эли затруднялся бы ответить, практически не было. В его уникальной памяти полностью воспроизводились целые беседы и детали планов, которые ему удавалось увидеть только мельком.

Эли считал свои достижения нормальной работой. Однако люди, которые беседовали с ним, думали иначе. Из всех арабских стран Сирия была настроена наиболее антиизраильски. Кроме того, сирийцы всегда относились подозрительно ко всем чужакам. Для любого разведчика работа в этой стране представлялась кошмаром. Даже советские советники, буквально наводнявшие Сирию, воздерживались от прямых контактов с населением, которое в каждом иностранце видело врага.

Эли предупредили, что, вернувшись в Дамаск, он не должен предпринимать рискованных шагов. Ему полностью доверяют, и он может не выполнять некоторые распоряжения центра в случае, если это будет связано с неоправданным риском для него самого.

Со свойственной ему самоуверенностью Эли отвечал: «Никто не узнает, кто я такой». Начальники Эли считали, что главную опасность для этого выдающегося разведчика представляет его слишком бурная активность. Вскоре после его возвращения в Сирию их опасения подтвердились.

Друг Эли, шейх Магд Аль-Ард, ввел его в дом очень влиятельного человека — бывшего нациста Франца Радмахера, одного из главных помощников Адольфа Эйхмана. По свидетельству Эйхмана, Радмахер отвечал за операции по уничтожению десятков тысяч евреев в Бельгии и Югославии.

Шейх Аль-Ард хотел продемонстрировать перед Эли свою значимость, доказательством которой, по его мнению, были тесные связи с бывшими нацистами. Многократные заверения Эли в его преклонении перед Гитлером убедили шейха, что перед ним его единомышленник.

Так Эли пожал руку убийце десятков тысяч евреев. В его памяти навсегда осталась встреча с людьми, которые сумели выкрасть Эйхмана. Он неоднократно проезжал мимо дома Эйхмана на улице Гарибальди в Буэнос-Айресе. Теперь у него появилась возможность отомстить одному из главных помощников Эйхмана. Он решил убить Радмахера. В этот вечер он отправил в Тель-Авив шифrogramму следующего содержания: «Встретился с бывшим нацистом Францем Радмахером,

который в настоящее время работает советником во Втором бюро в Дамаске. Проживает на улице Шахабандер. Предлагаю ликвидировать».

Это сообщение не на шутку встревожило руководство Моссад. Радмахеру удалось скрыться сразу после войны, несмотря на усилия союзников и израильских разведслужб. Теперь они знали, где Радмахер. Но намерение Эли убить его повергло шефов разведки в панику. Коген был слишком ценным разведчиком, чтобы подвергать его риску ради ликвидации престарелого нациста.

Однако Эли отступать не хотел. Он предложил центру свой план операции. Он направит в адрес Радмахера посылку со взрывчаткой, которую сам изготовит. Тем не менее руководство Моссад распорядилось оставить Радмахера и заниматься сбором разведывательных данных.

В то же время израильские дипломаты передали информацию о бывшем коллеге Эйхмана германским властям, которые в конце концов добились его экстрадиции.

Активность Эли не ограничивалась только его профессиональными обязанностями. Он оставался заядлым футбольным болельщиком и любил слушать вещание израильского радио на арабские страны. Однажды он услышал, что приехавшая в Тель-Авив команда футболистов какой-то страны победила израильских спортсменов. В этот день кроме деловой информации Эли передал следующее: «Не пора ли нам научиться побеждать на футбольном поле? Сообщите проигравшим, что они опозорили нас!»

Иногда Эли посылал радиogramмы примерно такого содержания: «Пожалуйста, направьте моей супруге поздравления с годовщиной» или: «Поздравляю с днем рождения мою дочь». Это было нарушением правил, однако ценность направляемой Эли информации была настолько велика, что ему прощались подобные вольности.

В Дамаске у Эли возникли трудности с Магд Аль-Ардом, который приходил в ярость от твердого решения его друга остаться холостяком. Богатый шейх представил Эли по меньшей мере дюжину симпатичных молодых женщин. Затем он решил женить его на Салие, дочери богатого землевладельца Абу Махмуда. В ре-

зультате Салия влюбилась в Эли, который очень вежливо, но настойчиво отговаривал ее.

Эли был вынужден обратиться за советом по этому вопросу к своему руководству. Тель-Авив ему ответил: «Делайте все возможное, чтобы не испортить отношения». В конце концов Салия и ее семья очень обиделись на Эли.

Остальные друзья Эли мало интересовались его семейным положением. Более того, они, вероятно, даже были заинтересованы в том, чтобы тот оставался холостяком: жена могла положить конец гостеприимным приемам в апартаментах на четвертом этаже. Здесь частенько устраивались вечеринки, на которых не было недостатка в напитках и изысканной пище. Коген, не пропуская ни одного слова, сказанного его подвыпившими друзьями, принимал самое активное участие в веселье и притворялся пьяным, чтобы не отличаться от своих гостей. Когда в числе приглашенных оказывались такие видные фигуры, как полковник Саллах Далли, один из наиболее выдающихся командиров сирийской армии, хозяин старался не отходить от них ни на шаг в течение всего вечера.

Друзья Эли ценили его не только за гостеприимство, но и за его отношение к их любовным делам. Сирия — ортодоксальная страна. Женатый человек, имеющий связь на стороне, может быть обвинен в серьезном преступлении против морали, потерять работу и подвергнуться всеобщему осуждению.

Эли не только разрешал друзьям приходить на вечеринки со своими любовницами, но и оставлял в своем почтовом ящике ключ от входной двери для того, чтобы те из его приятелей, которые нуждались в деликатном randevu, могли воспользоваться его квартирой. Друзья знали, что двери его дома всегда открыты для подобных свиданий. Частенько в дом приводили какую-нибудь привлекательную женщину, предназначавшуюся гостеприимному хозяину, но всякий раз Эли что-то не устраивало. Он предпочитал оставаться в тени, выжидая момент, когда кто-либо из его друзей, расслабившись, выболтает какие-либо секретные сведения.

Однажды, когда Эли собирался в «деловую поездку» по Европе, к нему обратился полковник Саллах Далли с просьбой оставить ключ от квартиры. Эли с готовностью согласился. Это насторожило руководство Моссад, однако Коген считал, что игра стоит свеч, ибо

его сирийские друзья с лихвой отплачивали ему секретной информацией. Шпионское снаряжение он спрятал настолько надежно, что провал был исключен.

Особенно благодарным Эли за возможность пользоваться его квартирой был Джордж Сейф, который часто заглядывал туда со своей секретаршей Рейтой Аль-Хули. Нередко и Джордж приглашал Эли в свой офис на чашечку кофе. Охрана быстро привыкла к частым визитам Эли и не спрашивала у него пропуск.

Работа Сейфа заключалась в подборе правительственных документов для пропагандистских целей, и поэтому на его столе часто можно было увидеть секретные материалы. Сейф безбоязненно показывал их своему другу, который, делая вид, что лишь мельком просматривает ценные бумаги, запоминал мельчайшие детали. Лишь однажды возникла опасная ситуация, когда в кабинет неожиданно вошел начальник Сейфа и застал Эли за чтением документа. Сейф тут же получил выговор за то, что дает читать совершенно секретные документы постороннему человеку. «Но это же мой друг, даже больше чем друг — брат, — ответил Сейф. — Ему можно доверять так же, как и мне».

Несколько раз Эли посещал кабинет Сейфа в отсутствие хозяина. Поджидая своего друга, он спокойно фотографировал все документы, которые оказывались в этот момент на столе: фотоаппарат всегда был при нем.

При помощи еще одного своего приятеля, племянника начальника генерального штаба лейтенанта Маази, Эли удалось провести одну из своих самых удачных разведывательных операций. Обычно Эли и Маази в своих беседах обсуждали военные вопросы, к которым Коген проявлял достаточно сильный, но любительский интерес. При этом, естественно, часто затрагивался вопрос о пограничных отношениях между Сирией и Израилем. Однажды Эли поинтересовался, каким образом сирийцам удалось так укрепить свою границу и обрушить сокрушительные удары на израильскую территорию, неся при этом минимальные потери (Эли сделал вид, что ему не известно об ответных акциях израильских войск).

Горя желанием удовлетворить любопытство своего друга, Маази предложил Эли поездку на Голанские высоты, чтобы тот увидел все своими глазами. Ни одно гражданское лицо не могло появляться в этом райо-

не — командование отдало войскам приказ стрелять по любому человеку, который оказался бы там без соответствующего разрешения.

Эли же принимали здесь как почетного гостя. Зная, что он был другом генерала Аль-Хафеза, командиры подразделений показывали ему все, что он хотел увидеть. Эли побывал на бетонных укреплениях, где сирийцы расположили дальнобойную артиллерию, поставленную им Советским Союзом из черноморского порта Одесса. В одном месте он зафиксировал 80 122-миллиметровых гаубиц советского производства. Они размещались на западном склоне Голанских высот. Эли определил, что орудия были нацелены на фермы, расположенные на расстоянии 12 миль в долине реки Иордан.

Центр постоянно напоминал Эли, что сбор информации о дислокации сирийских войск на Голанских высотах является одной из его приоритетных задач. Поэтому в Тель-Авиве с удовлетворением приняли от него подобные сведения и потребовали дополнительных материалов. С осени 1962 года, когда Эли совершил свою первую поездку в этот район, и до лета 1963 года он часто сопровождал лейтенанта Маази на Голанские высоты.

Сирийцы до такой степени стали доверять Эли, что разрешали ему фотографировать совершенно секретные объекты. При помощи телескопических линз, встроенных в его камеры, Коген фотографировал вроде бы мирные поселения, где жили «ненавистные сионисты». Но фотографии эти помогли впоследствии израильским военным с абсолютной точностью определить позицию каждого орудия.

Во время одной из поездок Эли обратил внимание на то, что лейтенант Маази с восхищением смотрит на его фотокамеру. Тогда он вручил камеру своему другу и предложил ему пофотографировать самому. «Я с удовольствием проявлю эту пленку для тебя», — сказал он лейтенанту. Маази с радостью отщелкал всю пленку, не догадываясь, что его снимки станут частью очередного донесения Эли в Тель-Авив.

Неоднократно Эли удавалось подбить некоторых сирийских офицеров на то, чтобы они показали ему план системы обороны всего района. Офицеры не раз хвастались, что их сложнейшая система обороны не имеет себе равных нигде в мире, и объясняли Эли все

в мельчайших подробностях. Чтобы быть уверенным, что он все правильно понял, Эли, ссылаясь на свое невежество в этой области, просил повторить их еще раз. «Я всего лишь бизнесмен, — говорил он с виноватым видом. — Мне трудно постичь все это». И офицеры, польщенные его словами, с готовностью повторяли.

Несмотря на то что Эли с его острым умом и феноменальной памятью на самом деле понимал намного больше, чем хотел показать, план обороны действительно оказался очень сложным. Голанские высоты были превращены в мощный аванпост глубиной в 13 миль. В скалах и на вершинах холмов находились отлично укрепленные огневые точки, а вся территория района изрезана глубокими подземными ходами, которые искусно маскировались от местных жителей, являвшихся, по мнению сирийского командования, поголовно израильскими шпионами. Противотанковые укрепления, бетонированные наблюдательные посты и огневые точки для крупнокалиберных пулеметов были усилены танками и орудиями, врытыми в землю. Склады боеприпасов прятались глубоко под землей. Кроме того, весь район был окружен инженерными заграждениями и минными полями.

Несколько раз Эли оставался ночевать в Кунеитре, городе, где располагалось командование всего южного направления сирийцев. Там-то он и видел карты и масштабные макеты местности. Его возили на радиолокационные посты. Советские офицеры спокойно позволяли важному визитеру из Дамаска фотографировать их.

Эли запоминал все, что видел и слышал, и передавал в Тель-Авив. Его действия отличал профессионализм высшего класса. Однако временами даже у Когена возникало чувство нереальности происходящего. Во время одной из поездок на Голанские высоты Эли посмотрел вниз, на территорию Израиля — на поселки, разбросанные за Галилейским морем и холмами Ханаан, — и почувствовал нестерпимое желание вернуться домой, к своей семье. «Меня охватило чувство отчаяния, — говорил он позднее. — Я хотел сесть в лодку, пересечь Галилейское море и добраться до дома. Озеро было похоже на огромный и ужасный океан, отделяющий меня от друзей и семьи. Я ощущал себя одиноким маяком, время от времени посылающим сигналы

в ночь, для того чтобы спасти корабль под названием Израиль от грозящих ему невзгод».

В Тель-Авиве поняли настроение Когена и решили предоставить ему возможность еще раз побывать в Израиле. Стоял июнь 1963 года. Со времени его последней поездки домой прошел почти год. Долгая разлука с семьей могла привести к депрессии, которая повлекла бы за собой ошибки. Поэтому в конце очередного сеанса радиосвязи Гидеон сообщил Эли, что ему приказано как можно скорее выехать в Тель-Авив. Этот приказ не обсуждался.

Перед отъездом, однако, Коген успел побывать на одном очень важном приеме. В результате очередного бескровного переворота к власти в Сирии пришла партия БААС, а президентом страны стал старый приятель Эли генерал Аль-Хафез. В начале июля 1963 года Аль-Хафез устроил банкет во дворце Мохаджеринов (его официальной резиденции), на который Коген получил приглашение.

Президент Аль-Хафез тепло приветствовал Эли и приехавшего вместе с ним нового министра информации Самы Аль-Гаунди. Отношение Аль-Хафеза к молодому, патриотически настроенному другу, который оставил перспективный бизнес в Южной Америке и вернулся на родину в трудное для нее время, было особым. Президент настоял, чтобы их сфотографировали вместе. Приблизив Эли к себе, он прошептал: «Моя жена благодарит вас за мантию, которое вы были столь любезны прислать ей».

Молодой патриот скромно поклонился. Он знал, что тысяча долларов, которые истратил Моссад на этот подарок, окажется очень удачным вложением капитала.

Когда фотограф закончил, Эли попросил его сделать один отпечаток для него. Повернувшись к президенту, он подобострастно сказал: «Эту фотографию я буду хранить как драгоценную реликвию всю мою жизнь».

За год, пока Коген был в отъезде, его семья выросла: приехав в Тель-Авив, он впервые увидел свою вторую дочь — Ирит, которой в ту пору было уже три месяца.

Наступили счастливые дни. Почти все время Эли проводил с Надией и двумя маленькими девочками,

гуляя с ними или купаясь в море. Он часто рассказывал своим коллегам из Моссад о трех женщинах в его жизни, показывая при этом толстую пачку фотографий. Любой, кто проявлял хоть малейший интерес к его семье, и даже тот, кто его не проявлял, имел возможность посмотреть полный комплект снимков.

И все же, буквально купаясь в семейном счастье, Эли был встревожен. С первых дней своего превращения в Камиля Амина Таабеса он испытывал определенные трудности в тех случаях, когда ему надо было вновь становиться самим собой. Теперь же, по прошествии восемнадцати месяцев, которые он прожил как Таабес, эта проблема стала перед ним еще острее. «Я должен напрягать память каждый раз, когда я собираюсь назвать свое настоящее имя», — признавался он Дервишу.

Тем не менее примерно через месяц после приезда в Израиль Эли почувствовал себя отдохнувшим и был готов вновь приступить к работе.

Возвратившись в Сирию в августе 1963 года, Эли обнаружил, что имя Камиль Таабес все чаще упоминается в разговорах как имя новой восходящей звезды на политическом небосклоне страны. Он пользовался доверием и расположением многих влиятельных лиц как в политических, так и в военных кругах, а также имел очень хорошую репутацию среди бизнесменов. Когена называли наиболее вероятным кандидатом на правительственный пост.

Поговаривали о назначении его на пост министра информации и пропаганды. Президент, отношения с которым у Эли с каждым днем становились все теснее, сделал ему более лестное предложение: почему бы Таабесу не стать заместителем министра обороны?

Эли хладнокровно вел свою партию. Он, конечно, использует предоставившиеся ему возможности, но спешить не будет. Аль-Хафезу он ответил, что еще не готов к тому, чтобы полностью оправдать такое высокое доверие. Ведь он еще очень молодой член партии БААС, чтобы претендовать на столь ответственный государственный пост.

Эли выдвинул другое предложение. Может быть, ему стоит поехать в Буэнос-Айрес с пропагандистскими целями. Он постарается завоевать поддержку Аль-Хафезу и партии БААС среди богатых сирийцев, проживающих в Аргентине. Кроме того, все расходы по по-

ездке он готов был взять на себя. Президент, тронутый откровенностью друга, с радостью согласился.

Поездка Эли имела не только большой пропагандистский успех, но, кроме того, он сумел собрать девять тысяч долларов для партии. Чтобы округлить эту сумму, он лично вручил президенту чек на тысячу долларов от своего имени. Конечно, это была не очень крупная сумма денег, но такой жест говорил о его доброй воле и патриотизме.

Теперь Эли стал одним из лидеров правящей верхушки Сирии. Он часто встречался с президентом Аль-Хафезом и даже выполнил его секретное задание, съездив в Иорданию для того, чтобы убедить одного из противников президента вернуться на родину. Его пригласили выступить в международной службе сирийского радио с обращением к сирийцам, проживавшим в Южной Америке, возвратиться в Сирию и поддержать партию БААС (текст этих обращений согласовывался с Моссад. Была оговорена возможность включения в них ключевых фраз, которые могли быть использованы в случае опасности).

Благодаря своему новому положению в военных сферах у Эли появилась возможность совершать поездки в наиболее засекреченные районы на границе. Как основной кандидат на пост министра обороны Эли должен был быть в курсе всех дел. Неудивительно поэтому, что однажды он остался ночевать в армейском штабе на Голанских высотах, где ему в подробностях показали дислокацию войск.

Эли посетил огромный комплекс ПВО. Здесь были размещены новейшие зенитные ракеты и противотанковые средства. Ему продемонстрировали систему управления этим комплексом и показали секретные склады, где хранились ракеты. И конечно же, известный фотограф-любитель всегда носил с собой фотоаппарат.

Это был самый продуктивный период в работе Эли. В одном из наиболее впечатляющих отчетов в Тель-Авив он направил подробный план всей системы обороны города Кунейтры. План включал размеры и расположение бетонных оружейных точек, точное расположение танковых окопов, подготовленных на случай воздушного налета.

В другом сообщении содержались сведения о прибытии в Сирию более 200 танков Т-54, первых из тех, которые посылались на Ближний Восток Советским

Союзом. Позже Эли направил в центр копию плана по захвату северной части Израиля сирийскими войсками, разработанного советскими советниками.

За этим последовали фотографии последнего советского истребителя «МиГ-21». Это были первые изображения самолета, попавшие в руки высшего военного командования Израиля. Эли приходилось проводить много часов, высверливая ножки и оборудуя тайники в старинных столиках для игры в нарды для того, чтобы все эти материалы благополучно попали в Тель-Авив. В штаб-квартире Моссад даже шутили по этому поводу: «Когда Эли уйдет в отставку, он может смело устраиваться мастером по изготовлению мебели».

Летом 1964 года Эли получил самое срочное задание из всех, полученных им за период пребывания в Сирии.

Водоснабжение Израиля, осуществляемое при помощи сложной системы трубопроводов, зависело от одного-единственного источника. Этим источником является Галилейское море. Оно питается водами реки Иордан, которая, в свою очередь, берет воду из рек Баниас и Хазбани, истоки которых находятся на Голанских высотах. Сирийское руководство решило осуществить план по отводу рек Баниас и Хазбани, что лишило бы Израиль источника воды.

План получил поддержку на совещании глав арабских государств, которое состоялось летом 1964 года в Александрии. Особенно активно поддержал проект президент Насер. Он требовал, чтобы сирийцы приступили к его осуществлению как можно скорее. Контракт на этот баснословно дорогой проект был заключен с югославской фирмой «Энергопроект». Она уже начала строительство каналов, по которым вода этих рек будет отведена от реки Иордан. Над Израилем нависла угроза, сравнимая разве что только с массивированной агрессией.

Из Тель-Авива пришел приказ следующего содержания: «Необходимо получить детальное описание проекта: планы, схемы, типы используемого оборудования и его точное местонахождение. Это в высшей степени приоритетная задача».

Эли не подвел и на сей раз. По счастливому стечению обстоятельств командиром части, которой было

поручено обеспечить безопасность строительства, был назначен его друг — полковник Хатум. Он с готовностью показал Эли подробнейшие планы и копии схем, добавив при этом: «Нас не касается, что станет с водой... лишь бы она не досталась Израилю».

Кроме того, Хатум представил своего друга людям, отвечавшим за реализацию проекта. Одним из них был Мишель Сааб, ливанский инженер, составлявший рабочую программу, другим — Мухаммад Бен Ландан, владелец бульдозеров, которые выполняли большую часть земляных работ. Бен Ландан сразу согласился ознакомить Эли с планом работ: Эли намекнул ему, что собирается приобрести землю в том районе и на этой сделке заработать немного денег не только для себя.

Бен Ландан разрешил своему высокопоставленному визитеру взять планы домой, чтобы изучить их и выбрать наиболее выгодный участок земли для капиталовложений. Эли быстро сфотографировал все документы, которые попали к нему в руки. В течение трех месяцев ему удалось переправить в Тель-Авив полную схему строительства: расположение и направление каналов, оборонительные сооружения, построенные для их защиты, точные даты завершения строительства на разных этапах реализации проекта. Более того, он направил в Тель-Авив детальное описание гигантских насосных станций, предназначенных для ускорения работ, о существовании которых в Моссад и не догадывались.

После выполнения этого задания руководство Моссад посчитало, что Эли заслужил отпуск. Отпуск совпал с рождением его третьего ребенка — долгожданного сына. Гордый отец не мог сдержать счастья, которое принес ему Шауль (так родители решили назвать своего сына). Эли хотел пригласить на праздник всех сотрудников Моссад, которых он знал, однако его деликатно попросили не делать этого. Сборище таинственных незнакомцев, несомненно, вызовет разговоры среди соседей.

Несмотря на переполнявшую его радость, Эли, как безошибочно догадывались его коллеги, был на грани нервного срыва. Следует помнить, что помимо выполнения своих прямых обязанностей ему приходилось заниматься и бизнесом. После трудного рабочего дня он должен был проанализировать полученную информацию, подготовить сообщение в Тель-Авив, перевести

его, зашифровать и передать по радио. Часто за изготовлением микрофильма в темной комнате его заставлял рассвет. Кроме того, ему приходилось вести светскую жизнь, встречаясь с друзьями, посещая приемы и устраивая вечеринки у себя. А ведь еще следовало оказывать различного рода услуги своим друзьям. Так что жизнь Эли в Дамаске была отнюдь не романтической: иногда ему приходилось работать 24 часа в сутки. Физическая усталость и психологическое напряжение привели к заметному изменению его характера.

В семье обратили на это внимание. Когда мать Эли спросила его однажды, не хочет ли он, чтобы она приготовила одно из его любимых блюд — сирийское кушанье, которое он полюбил еще в детстве в Алеппо, Эли резко ответил: «Я сыт по горло этой едой!» Такое поведение не было характерно для Эли — человека спокойного и уравновешенного. Кроме того, это было серьезной ошибкой с его стороны, потому что вряд ли ему могла надоесть сирийская кухня в Европе, где он якобы работал. Подобная ошибка в другом месте стоила бы ему жизни.

В следующий раз, в гостях у своего брата Мориса, он подарил одной из своих племянниц куклу, купленную в «Галерее Лафайет» в Париже. Морис поинтересовался: «О, ты недавно был в Париже?» Забывшись, Эли ответил, что он не был в Париже уже несколько месяцев. Этот ответ только подогрел любопытство Мориса:

— Откуда же тогда у тебя такой прекрасный подарок?

— Ты что, считаешь меня лжецом? — закричал на него Эли. — Ты меня проверяешь? Не лезь не в свое дело!

В другой раз Морис наверняка бы обиделся, однако он уже начинал догадываться, чем на самом деле занимается Эли. Дело в том, что Морис работал в Моссад радистом. Естественно, он знал о существовании супер-агента в Дамаске, от которого в Моссад поступала ценнейшая информация, но, как и все сотрудники штаб-квартиры, он не знал его имени.

Через какое-то время Морис обратил внимание на некоторые странные совпадения. Когда человек из Дамаска направлял личные радиogramмы, например поздравление своей дочери с днем рождения, дата совпадала с днем рождения одной из дочерей Эли. А теперь, когда

человек в Дамаске молчит, Эли находится в Израиле. Все это натолкнуло Мориса на мысль о том, что супер-агентом в Дамаске является его брат. Открытие воодушевило его. Он всегда восхищался братом, но теперь это чувство переполняло его. Он сгорал от желания сообщить Эли, что раскрыл секрет, но сдерживался, опасаясь своим признанием вывести брата из равновесия.

Другой брат Эли — Эфраим — тоже догадывался об истинном положении вещей. Коген привез ему в подарок дорогие туфли, и Эфраим обратил внимание на то, что размер на них указан по-арабски. Объяснение Эли, что покупка была сделана в Турции, не было достаточно убедительным... но Эфраим тоже промолчал.

Однажды в присутствии всей семьи Эли совершенно неожиданно выдал себя. В семье часто говорили по-арабски с египетским акцентом, так как это был родной язык Когенов. Арабы очень хорошо чувствуют малейший акцент и, когда Эли заговорил, все обратили внимание на то, что он произносит слова с сирийским акцентом. Первой заметила мать, но она, как и братья, ничего не сказала.

Больше чем кто-либо другой обращала внимание на перемены в Эли его жена Надия. Он выглядел уставшим и рассеянным. Когда они оставались вдвоем, казалось, что Эли мыслями находится где-то далеко. Надия уже давно поняла, где работает ее муж, но ничем не выдавала себя. Однако на этот раз, стараясь показать Эли, что она верит ему, Надия поделилась с ним своей тайной. «Я знала все еще до того, как ты уехал в Буэнос-Айрес, — сказала она, — но не хотела, чтобы ты терзался мыслью о моих переживаниях за тебя». И с улыбкой добавила: «Смотри, я тоже настоящая израильянка».

Видя состояние Эли, руководство Моссад решило предоставить ему дополнительный отпуск. Кроме того, ему сказали, что, если он хочет получить другое назначение и не возвращаться в Дамаск, ему пойдут навстречу: он сумел сделать столько, что результаты превзошли все ожидания.

Однако Эли считал, что долг — превыше всего. «Я поеду, — сказал он. — В Дамаске еще есть работа. Когда я закончу ее, я вернусь домой».

В конце отпуска Эли и Надия поехали отдохнуть в приморский городок Кесария. В последний совмест-

ный вечер они ужинали в ресторане «Стратон» на берегу Средиземного моря. Там Эли сообщил Надие о своем решении: «Я устал все время находиться вдали от тебя и детей. Но мне необходимо уехать. Когда я вернусь, я обещаю, что больше не покину тебя ни на один день». На следующий день они расстались. Надия была безутешна.

5

В один из январских дней 1965 года Эли Коген лежал на кровати рядом с радиоприемником, ожидая ответа на свою радиограмму, только что отправленную в Тель-Авив.

Его добрый друг Салим Хатум, с которым Эли поужинал накануне вечером, рассказал о новом стратегическом решении, принятом президентом Аль-Хафезом и руководителями сирийских спецслужб. Оно заключалось в том, чтобы объединить разрозненные палестинские группировки и образовать мощную координируемую из единого центра террористическую организацию. Ее члены могли бы тайно проходить подготовку на сирийских военных базах, а затем засылаться в Израиль для развертывания там партизанской войны.

«Мы не хуже алжирцев, — говорил Хатум, — и сбросим евреев в море, как это сделали наши братья с французскими колонизаторами в Северной Африке».

Через 24 часа после принятия этого решения о нем было доложено премьер-министру Израиля.

Эли посмотрел на часы. Восемь утра. Он настроил приемник на нужную волну, на которой сможет услышать ожидаемый им ответ Тель-Авива.

Неожиданно в дверь громко постучали.

Еще до того, как он успел отреагировать, дверь оказалась выбитой и в комнату ворвалось восемь вооруженных людей в гражданском. Рука Эли инстинктивно потянулась к радиоприемнику, но в этот момент он почувствовал, как его головы коснулись холодные стволы.

— Не двигаться! — услышал он крик.

К кровати подходил одетый в военную форму человек. Эли моментально узнал его. Это был полковник Ахмед Сувейдани, начальник сирийской контрразведки.

Игра закончилась.

Позднее в интервью ливанским газетам полковник

Сувейдани утверждал, что уже давно подозревал Камилля Амина Таабеса. «Я распорядился установить за ним слежку и внимательно изучал тех, кто входил и выходил из его квартиры. Я сам обнаружил его антенну на крыше здания. Изучая список его высокопоставленных друзей, я понял, что имею дело с очень опасным шпионом. Мы стали прослушивать его телефон и перлюстрировать корреспонденцию».

Однако полковник говорил неправду. Ни разу за все три года работы Эли в Дамаске ни у кого не возникло даже малейшего подозрения, что это не тот человек, за которого себя выдает. Никто из его друзей не попадал под наружное наблюдение и не был арестован. Не было, собственно, и самого наблюдения.

Захват Эли не имел ничего общего с деятельностью сирийской контрразведки или с его собственными ошибками, а явился прямым следствием неоднократных жалоб радистов посольства Индии. Они говорили сирийцам о помехах, которые мешали им нормально работать во время сеансов связи с Дели. Власти пытались установить источник этих помех, но из-за отсутствия необходимого оборудования не могли этого сделать.

Что произошло дальше, точно неизвестно до сих пор. В чем не может быть сомнений, так это в том, что за помощью сирийцы обратились к советским советникам, которые занимались этим делом более двух лет. Они поняли, что кто-то осуществляет несанкционированные выходы в эфир в районе индийского посольства.

В дело вступила одна из наиболее совершенных в мире подвижных пеленгационных установок, которая либо уже находилась в Дамаске, либо была доставлена сюда из Москвы. Патрулируя улицы вокруг здания генерального штаба, «охотники» зафиксировали выход в эфир передатчика Эли. Однако в силу того, что сеансы связи были очень короткими, им долго не удавалось установить точное место выхода в эфир. Так, за день до ареста Эли они окружили и тщательно обыскали соседний дом, на который сначала пало подозрение.

Эли Коген ничего об этом не знал. Возможно, ему следовало быть более внимательным. Задним числом можно утверждать, что признаки надвигающейся угрозы были налицо. За два дня до ареста в одном из сообщений в Тель-Авив Эли пожаловался на проблемы с выходом в эфир, которые возникли в связи с неожидан-

ным отключением электроэнергии. Ему пришлось переключить передатчик на аккумуляторные батареи.

Утром в день ареста электричество было отключено вновь во всем районе. Эли опять использовал батареи, не подозревая о том, что его дом обесточен. Теперь его стало намного проще запеленговать: передатчик Когена оказался единственным, который вышел в эфир в этом районе.

Точно установив, что передачи ведутся из дома, где проживал Эли, русские посоветовали сирийской контрразведке осмотреть крышу этого здания. И только тогда была обнаружена антенна, провод от которой привел их прямо в апартаменты Когена.

Полковник Сувейдани немедленно сообщил новость президенту Аль-Хафезу. Тот был поражен. Камиль, друг, которому он полностью доверял, предал его.

Сувейдани предложил несколько дней последить за шпионом. Он рассчитывал установить его связи и узнать имена предателей, которые помогали Эли. Полковник, не лишенный политических амбиций, стремился выжать максимум из своей победы.

Однако Аль-Хафез быстро понял, какие последствия ждут его в случае, если Сувейдани полностью возьмет дело под свой контроль. Поэтому он приказал немедленно арестовать Таабеса. Известие об аресте он все же решил не обнародовать в течение некоторого времени. «Я делаю это в национальных интересах», — предупредил президент.

Как бы то ни было, в момент, когда полковник Сувейдани ворвался в апартаменты Камилля Амина Таабеса, он совершенно не представлял себе, кого конкретно арестовывает, с кем и на кого тот работает, хотя было нетрудно догадаться, что шпион на содержании Тель-Авива.

Стоя над арестованным, который все еще находился в своей кровати, Сувейдани кричал:

— Мы взяли тебя, свинья! Кто ты? Как твое настоящее имя? На кого ты работаешь?

В ответ он услышал спокойно произнесенные слова:

— Мое имя Камиль Амин Таабес, я араб, приехал из Аргентины.

— Это мы еще проверим, — с угрозой в голосе сказал начальник контрразведки. — Подожди. Ты умрешь. Но перед этим, клянусь Аллахом, ты заговоришь. Ты расскажешь нам все свои секреты, ты назовешь имена всех своих сообщников. Ты пожалеешь о том, что вообще появился на этот свет.

Пока полковник давал выход своим эмоциям, его люди обыскивали квартиру Эли.

С победным криком они обнаружили второй радиопередатчик. В кусках мыла марки «Ярдли» они нашли порошковую взрывчатку, миниатюрные детонаторы и таблетки с ядом, в других местах — динамит, шпионское оборудование и материалы.

Единственное, что полковнику удалось узнать от Камиля в этот момент, что взрывчатка предназначалась не для проведения диверсионных актов, а только для уничтожения радиопередатчиков в случае, если на это останется время.

В течение следующих трех дней сотрудники контрразведки буквально перевернули квартиру вверх дном. Десятки людей рылись в одежде, ломали мебель, вскрывали потолок и разбирали стены. Они хотели обнаружить список помощников Камиля, который, по их мнению, обязательно должен был существовать.

Все это время задержанного шпиона не пытали, однако интенсивно допрашивали в течение многих часов. Вели допрос полковник Сувейдани и его заместитель Аднан Тебара.

— Где находятся другие передатчики? — спрашивали его.

— У меня их было всего два. Этого было вполне достаточно, — отвечал Камиль.

Под дулом пистолета и под наблюдением нескольких специалистов шпиону приказали выйти на связь с Тель-Авивом в тот же вечер. Ему было велено передать сообщение, продиктованное полковником Сувейдани, который решил начать радиогру, чтобы либо ввести в заблуждение израильтян, либо заставить их совершить ошибку и раскрыть детали, касающиеся агентурной сети Израиля в Сирии.

Так или иначе, Эли сделал все, что ему было приказано. В момент передачи сирийские специалисты внимательно следили за каждым его движением, чтобы он не мог ни в чем отойти от текста, предложенного полковником Сувейдани. Эли точно выполнил приказ.

Через несколько минут пришло подтверждение о том, что радиограмма принята. Сирийцы были удовлетворены.

Единственное, чего они не смогли заметить, так это небольшого изменения скорости и ритма передачи. Сирийцам это ни о чем не говорило, для израильтян же означало только одно: их человек работает под контролем.

Снова и снова радисты Моссад прослушивали записанную на магнитофон радиограмму, полученную от суперагента. «Может быть, вы ошиблись», — с надеждой в голосе спрашивал Дервиш. Его срочно вызвали из дома, как только окончился сеанс связи с Дамаском.

Однако заключение экспертов было однозначным: Эли Коген находится в руках сирийской контрразведки. Изменение скорости передачи совершенно очевидно. Он предупреждал Центр, что с ним все кончено.

О случившемся тут же сообщили на виллу Леви Эшколя, который в тот момент замещал Бен-Гуриона на посту премьер-министра. Несмотря на то что Эшколь был в постели, его жена немедленно передала ему новость о захвате Когена.

На следующее утро Сувейдани вновь заставил Эли отправить в Тель-Авив подготовленное им сообщение. Подтверждение, полученное оттуда, убедило его в том, что израильтяне заглотили наживку. «Ваши последние два сообщения недостаточно полные. Пожалуйста, повторите их сегодня вечером».

Эли Коген знал, что это означает. Тель-Авив давал ему понять, что принял его предупреждение. Моссад хотел выиграть время. Его информация никогда не была неполной, во всяком случае не до такой степени, чтобы его просили повторить ее.

Полковник был доволен своим планом, который заключался в ведении радиоигры на протяжении многих недель. Однако президент Сирии хотел закрыть дело как можно скорее и поэтому держал ход расследования под своим контролем. Сувейдани потенциально был опасным противником, который не преминет использовать факт дружбы Камиля с представителями правящих кругов, для того чтобы самому занять президентский дворец. Полковнику было приказано прекратить радиоигру.

Утром 24 января Эли велели отправить радиограмму следующего содержания: «Премьер-министру Из-

раиля и начальнику службы безопасности. Тель-Авив. Камиль и его друзья гостят у нас в Дамаске. Об их дальнейшей судьбе вы скоро услышите. Подпись: служба контрразведки Сирии».

Через несколько минут это сообщение лежало на рабочем столе Леви Эшколя. Еще через час радио Дамаска объявило о захвате израильского шпиона.

Конечно, новость произвела очень тяжелое впечатление на всех сотрудников Моссад, однако и некоторые высокопоставленные сирийцы с ужасом встретили эту весть. Для того чтобы обезопасить себя и своих друзей, президент подключил к расследованию, которое продолжалось в квартире Камиля, Салима Хатума и Саллаха Далли. Аль-Хафез напутствовал полковников: «Вы двое, вероятно, знаете квартиру лучше, чем кто-либо другой во всем Дамаске».

Президенту было хорошо известно о вечеринках в квартире Камиля Амина Таабеса, на которых так любили бывать преданные ему офицеры.

Полковник Сувейдани принял без восторга предложенную ему «помощь». Его надежды на громкое дело по раскрытию заговора превратились в дым, после того как два полковника распорядились вечером 24 января перевести арестованного в штаб 70-й танковой бригады, дислоцированной в пригороде Дамаска.

Через несколько часов Аль-Хафез лично прибыл на военную базу. Как только он вышел из машины, полковник Сувейдани распорядился доставить к нему задержанного.

Сирийский лидер не нуждался в представлении. Перед ним находился аргентинский араб, с которым он подружился в Буэнос-Айресе и которому он так доверял в Дамаске.

Его жена все еще носила прекрасное манто, которое Камиль привез ей в подарок из поездки по Европе. Предателя принимали как гостя в президентском дворце и относились к нему, как к брату. Он поднялся так высоко, что вот-вот мог стать государственным министром. Более того, Аль-Хафез задумывался даже о том, чтобы сделать Камиля своим преемником на посту президента.

Они молча посмотрели друг на друга.

Шпион заговорил первым.

— Мое имя Эли Коген. Я из Тель-Авива. Солдат армии Израиля.

Так как полковник Сувейдани пытался скомпрометировать своих политических противников, раздавая интервью ливанским газетам, президент Аль-Хафез использовал те же самые методы, чтобы отвести от себя и своих друзей возможные обвинения.

В эксклюзивном интервью одной газете он заявил: «Я лично разговаривал с арестованным. Вначале моя служба безопасности считала его настоящим арабом по имени Камиль Амин Таабес, который был завербован израильской разведкой в Аргентине. Однако, как только я посмотрел в его глаза, я понял, что он еврей».

Генерал рассказал, как он «поймал» шпиона, попросив повторить некоторые наиболее важные суры Корана.

— При этом он замялся, и я понял, что это не араб. Потом я передал его в руки офицеров моей контрразведки, подказав им линию расследования.

Далее президент добавил:

— После этого я лично беседовал с Когеном несколько раз. Он всегда превосходно контролировал свое поведение. И вообще он вел себя храбро и достойно, особенно когда для него наступили тяжелые дни.

Под «тяжелыми днями» президент имел в виду четыре недели, которые Эли провел на военной базе. Все это время он подвергался систематическим пыткам. К его половым органам, ноздрям и другим чувствительным частям тела подключали электроды, его пытали электрическим током. Ногти, один за другим, были вырваны. Эли прошел через все методы физического воздействия, которым сирийцев научили бывшие гестаповцы, нашедшие убежище в этой стране. Но сирийцы так и не смогли сломить Эли Когена.

После того как пытки прекратились, Эли был переведен в гражданскую тюрьму. Хотя обращение с ним не улучшилось, тюремщики невольно испытывали к Эли, которого они называли «израильский дьявол», чувство уважения. Еще одно прозвище закрепилось за ним — «храбрец».

В результате захвата Эли было арестовано много сирийских граждан. В их число входили секретарши министерств, стюардессы и другие женщины, принимавшие участие в вечеринках на квартире Эли. Среди арестованных мужчин оказались Маази Захер Эль-Дин, Джордж Сейф и шейх Аль-Ард.

Сотрудники контрразведки, изображая бдительных

патриотов, распространяли совершенно дикие истории о человеке, которого им удалось арестовать. Великий триумф, как спецслужбы сами назвали свою победу, только подчеркивал значимость Эли как разведчика.

Бейрутский «Аль-Хавадис» так суммировал все, что говорилось об этой истории в те дни в арабском мире: «Решения, принимавшиеся кабинетом министров в Дамаске утром, благодаря Эли Когену уже вечером того же дня становились известны в Тель-Авиве».

Только одному арабскому журналисту из Ливана было позволено взять интервью у шпиона. В беседе с ним Эли сказал: «Я приехал в Сирию, чтобы работать на благо моей страны, моего народа, моей жены и моих детей. Я хочу, чтобы все знали: я никогда не предавал Израиль».

Пытаясь спасти жизнь Эли Когену, премьер-министр Израиля лично просил редакторов израильских газет придать инциденту первостепенное значение. «В наши дни в цивилизованных странах не казнят захваченных разведчиков противника, — объяснял он. — Они либо идут на обмен, либо после нескольких лет содержания разведчика в тюрьме без шума выпускают его».

Для спасения жизни Когена была развернута широкая политическая и дипломатическая кампания. Израильтяне обращались к послам, государственным деятелям, бизнесменам и главам государств с просьбой оказать соответствующее давление на сирийское руководство.

Это давление нарастало по мере приближения даты начала работы специального военного трибунала, который должен был рассматривать дело Эли Когена. Крупнейшие адвокаты из нескольких стран предложили свои услуги в качестве его защитников. Два французских юриста прилетели в Дамаск, чтобы присутствовать на процессе как наблюдатели. Один из них, Жак Мерсье, защищал многих алжирских националистов во Франции в годы алжирской войны за независимость. Это был человек, которого сирийцы никак не могли обвинить в антиарабских настроениях.

Однако когда трибунал начал свою работу, израильтяне поняли, что их разведчик обречен. Трибунал отказал ему в праве на защиту. Мерсье и его коллег не допустили в зал заседаний, несмотря на многочисленные просьбы правительств ряда европейских стран.

Более того, было объявлено, что председателем три-

бунала назначен полковник Далли, а одним из пяти заседателей — полковник Хатум. Эти два человека прекрасно понимали, что от исхода процесса будет зависеть их собственная судьба, равно как и судьба президента. Трудно было ожидать от них сочувствия к человеку, который, обведя их вокруг пальца, получил через них доступ к совершенно секретной информации.

Стало ясно, что Эли Коген умрет.

Слушание проходило при закрытых дверях. Тщательно отобранные видеосюжеты показывались по телевидению.

Несмотря на пытки, Эли Коген полностью контролировал свое поведение. На вопросы он отвечал спокойно и уверенно. Довольно странно, но на вопрос, знает ли он полковника Далли и полковника Хатума, Эли ответил отрицательно. Вместе с тем он назвал имена большого числа сирийцев, которые входили в круг его друзей.

Искорка надежды загорелась в Тель-Авиве. В Моссад хорошо знали о том, что оба полковника были близкими друзьями Эли. Неужели он заключил с ними сделку? Его молчание на вопрос о знакомстве с ними — в обмен на жизнь? Эту версию поддержали французские адвокаты, приехавшие в Дамаск в надежде помочь Когену. Официальные лица в Сирии дали им понять, что Эли не будет казнен, даже если будет вынесен смертный приговор.

О том, насколько неуютно чувствовали себя полковники на скамье заседателей, стало ясно после допроса Джорджа Сейфа по поводу его частых визитов в квартиру Когена.

— Да, я брал этот ключ, когда приводил туда девочек. Но я не работал на него, — сказал Сейф. Затем, посмотрев в сторону Далли, он добавил: — Не только я пользовался квартирой для таких целей.

8 мая было объявлено, что Эли Коген приговорен к смертной казни через повешение. Его «сообщники», в том числе Эль-Дин, — к пяти годам каторги.

Усилия, направленные на спасение Эли, активизировались. Надия Коген выехала в Париж, чтобы лично подать прошение послу Сирии. Последний отказался принять ее. Папа Павел VI, Элизабет, бельгийская королева-мать, премьер-министр Канады Джон Дифенбейкер, Международный Красный Крест и сотни других организаций и частных лиц призывали сирийское руко-

водство к милосердию. Кардинал Буэнос-Айреса Альфредо Фелсиус, находившийся при смерти, направил личное письмо генералу Аль-Хафезу с просьбой внять его просьбе о сохранении жизни Эли Когену и выполнить ее как последнюю волю умирающего человека.

Радио Израиля сообщило имена арестованных сирийских разведчиков, которых правительство было готово обменять на Когена.

Доктор Морис Кусс, французский врач, всего несколько месяцев назад спасший жизнь генералу Аль-Хафезу, сделав ему уникальную операцию на почках в американском госпитале «Неули», написал президенту: «Во имя жизни, которую я дал Вам, я прошу/пощадить Эли Когена».

Даже из коммунистического мира в Дамаск пришел призыв «быть разумными».

Однако Дамаск остался глух к обращениям мирового сообщества.

Есть свидетельства, что генерал Аль-Хафез какое-то время колебался отдавать приказ на приведение приговора в исполнение. Он прекрасно понимал, как упадет престиж Сирии в глазах мировой общественности. Однако политические интриги вокруг его правительства лишили президента выбора. Сувейдани ждал малейшего проявления «слабости» со стороны Аль-Хафеза, чтобы найти повод для очередного военного переворота.

Важную роль в этом деле сыграло и огромное желание сирийцев отомстить вражескому шпиону. Это и понятно: Эли Коген нанес непоправимый ущерб стране и способствовал срыву планов правительства по уничтожению Израиля. Например, в ноябре 1964 года израильская тяжелая артиллерия и минометы нанесли неожиданный удар по району строительства системы отвода реки. Планы и схемы, полученные от Камиля Амина Таабеса, позволили израильтянам уничтожить весь парк бульдозеров, насосные станции и другие сооружения в считанные минуты. Реализацию проекта отложили, и югославы уехали домой.

Теперь в Дамаске поняли: виновником этой катастрофы был Эли Коген.

Несмотря ни на что, Израиль предпринял еще одну попытку спасти жизнь своего разведчика. Французский офицер, женатый на сирийке, личный друг президента Аль-Хафеза, прилетел в Дамаск и высказал готовность

выкупить жизнь Эли Когена. У него в кармане лежал чек на миллион долларов и письмо с обещанием поставить в Сирию тракторы, бульдозеры, медицинское оборудование и машины скорой помощи. В случае необходимости он был готов увеличить размеры поставок материалов и оборудования, которые пойдут на нужды сирийского народа.

За этим предложением, несомненно, стоял Моссад. Секретная служба придерживалась того мнения, что жизнь каждого из ее сотрудников не имеет цены. Президент Аль-Хафез отказался принять французского офицера.

Когда не удалось осуществить и этот план, в Израиле стали раздаваться громкие голоса о целесообразности проведения военной акции против Сирии. Было заявлено, что дипломатические усилия не дадут положительного результата: по Сирии должен быть нанесен мощный удар. Предлагали также выкрасть некоторых руководителей страны с целью их последующего обмена на Эли Когена. Но этот план был отвергнут.

В десять часов утра 17 мая радио Дамаска объявило, что все приговоренные к смертной казни преступники в ближайшее время будут казнены на площади Эль-Марга — традиционном месте приведения смертных приговоров в исполнение. Последние лихорадочные усилия предпринимались в Париже. В Ватикане раздался телефонный звонок, и дежурный кардинал пообещал поднять с постели папу римского, чтобы тот еще раз обратился к Дамаску. Премьер-министр Жорж Помпиду без колебаний разбудил президента де Голля.

Все эти усилия ни к чему не привели.

18 мая в два часа ночи тяжелые ворота тюрьмы Эль-Маза в Дамаске открылись, и фары армейских грузовиков осветили во дворе фигуры четырех вооруженных охранников, окруживших одинокого арестанта. Группа двигалась в сторону поджидавшей машины. Эли Коген споткнулся и упал. Охране пришлось подхватить его и впихнуть в кузов.

Постоянные пытки отняли у Эли последние силы.

Для того чтобы утешить приговоренного в последние минуты его жизни, прибыл восьмидесятилетний главный раввин Сирии Миссим Андабо. Не в силах сдержать себя, белобородый раввин плакал. Эли говорил с ним спокойно.

За несколько минут до этого осужденный прочитал «Видуи» — молитву человека, стоящего перед лицом смерти: «Великий Бог, прости мне все мои прегрешения». Теперь он молился вместе с раввином. Грузовик с конвоем, которым командовал лично полковник Сувейдани, направился в сторону площади Эль-Марга.

Эли знал, куда его везут. Он знал также, что его будут казнить в присутствии сотен сирийцев, а его тело долго еще будет висеть, чтобы его могли видеть прохожие.

Не знал он лишь о широкой международной кампании, развернутой ради спасения его жизни. Никто не имел права сообщить Когену об этом. Как сказал Жак Мерсье, он пошел на виселицу, думая, что его все бросили.

На всем пути к месту казни Эли оставался спокоен. Он сказал раввину: «Я не должен ничего ни одному человеку. У меня не осталось долгов». Накануне вечером он попросил исполнить последнюю просьбу: написать прощальное письмо Надие.

В мрачном полицейском участке, выходящем окнами на площадь Эль-Марга, Когена провели в маленькую комнату, в которой стоял грубый деревянный стол. Там он и написал свое последнее письмо. Так как ему не разрешили писать на иврите, Эли писал по-арабски.

«Моей дорогой жене Надие и моей дорогой семье. Я прошу вас оставаться мужественными. Я умоляю тебя, Надия, простить меня. Я прошу тебя заботиться о себе и о детях, а также проследить за тем, чтобы они выросли настоящими людьми. Следи за собой и ни в чем не отказывай детям. Оставайся в хороших отношениях с моими родными. Я хочу, чтобы ты еще раз вышла замуж, чтобы дети не росли без отца. В этом вопросе я даю тебе полную свободу. Я умоляю тебя, не трать время, оплакивая меня. Всегда думай о будущем. Я посылаю тебе мои последние поцелуи, так же как Софии, Ирит, Шаулю и всем моим родственникам.

Всем вам мои последние поцелуи и шалом.

*Эли Коген
18.5.1965.»*

Под молчаливыми взглядами сирийцев осужденный внимательно перечитал письмо и показал его охран-

никам. Затем, взяв чистый лист бумаги, Коген переписал письмо, на этот раз на французском языке. Он не мог смириться с мыслью о том, что его последние слова Надия прочтет по-арабски.

Перед выходом на площадь раввин Андабо прочитал последнюю молитву «Ш'ма Израиль»: «Услышь, о Израиль...»

Его голос слабел и скоро совсем затих. Сирийцы нетерпеливо вытолкнули Эли на улицу.

Центр площади освещался гигантскими прожекторами. Тысячи мужчин, женщин и детей пришли посмотреть на казнь.

Предупрежденные по радио, вот уже несколько часов люди стекались сюда со всех концов Дамаска. Беднота из старого города смешалась с прекрасно одетыми горожанами из фешенебельных современных кварталов. Многие женщины были в украшениях и дорогих мехах.

Стояла полная тишина. Слышно было только шарканье ног. Толпу окружали сотни вооруженных полицейских и солдат. Они стояли по стойке смирно, отгороженные от людей рядами колючей проволоки. Кроме них в толпе находилось множество сотрудников спецслужб в гражданском. Караулы были выставлены повсюду: на крышах домов, у входов в гостиницы, даже у канализационных люков. Сирийцы боялись мщения израильтян.

Отказавшись от помощи сопровождавших его офицеров, Эли поднялся по деревянным ступенькам на платформу, где он должен был принять смерть. Многочисленные журналисты и телеоператоры, которым было разрешено расположиться рядом с платформой, говорили, что лицо Эли было бледным, но спокойным.

Городской палач Аббу-Салим, гигант с огромным животом и пышными усами, обернул осужденного в традиционное белое одеяние. Он не стал развязывать ему руки, которые связали перед выходом из полицейского участка.

Палач предложил Эли маску, которая закрыла бы ему глаза. Движением головы тот отказался, как это сделали убийцы лорда Мойна, чью казнь Коген видел собственными глазами двадцать один год назад. Журналисты услышали, как Эли читает молитву на иврите.

В следующее мгновение все было кончено. Эли Коген умер.

Большой лист бумаги с перечислением его преступ-

лений, напечатанный по-арабски, был прикреплен булавками к белому мешку, в который был обернут труп.

В течение следующих шести часов тысячи и тысячи сирийцев прошли мимо висящего тела. Телевидение Дамаска вновь и вновь прокручивало сцены казни, перемежая их показом военных парадов. Громкоговорители по всей стране сообщали о подробностях драмы. После этого веревка была перерезана и тело отвезено для захоронения на еврейское кладбище.

В Израиле в каждой синагоге были проведены службы за упокой души погибшего. Главный раввин вооруженных сил страны провел службу в квартире Надии Коген. Давид Бен-Гурион возглавил марш протеста по улицам Тель-Авива. Во всех городах и поселках страны улицы, парки и леса были переименованы в честь Эли Когена.

Надия Коген наблюдала по телевизору, как палач накинул веревку на шею ее мужа. Она пыталась покончить с собой, но врачи спасли ее жизнь.

Позднее, когда иностранные журналисты спросили Надию, а стоило ли все таких жертв, она ответила: «Мое правительство сделало для одного из своих разведчиков больше, чем в такой ситуации сделало бы правительство любой другой страны». Надия получила последнее письмо Эли и полностью выполнила волю своего мужа, за исключением пункта, касавшегося ее вторичного брака. Она хранит это письмо по сей день.

На скромной церемонии, на которую собрались сотрудники Моссад, чтобы почтить память своего погибшего коллеги, с коротким словом выступил Меир Амит, заменивший к тому времени Исера Харела на посту начальника израильской разведки. Он сказал: «В нашей работе бывают моменты, когда следует помнить о том, что человеческие возможности ограничены. Для Эли не было ограничений. Он был бескорыстный идеалист. Он всегда стремился сделать больше возможного. И поэтому он пошел дальше всех нас. Эли был самым великим, лучшим из нас».

Вольфганг Лотц

Когда в Моссад решался вопрос, куда послать Эли Когена, предполагалось, что эффективнее всего он сможет работать в двух странах, являющихся самыми большими противниками Израиля: Сирии и Египте. Однако Египет пришлось исключить, поскольку это была родина Когена и там его могли разоблачить. Оставалась Сирия.

Эли не знал и еще одной весомой причины, по которой его не послали в Египет: там уже работал другой сотрудник Моссад — еврей немецкого происхождения Вольфганг Лотц*.

Лотц родился в 1921 году в Мангейме. Его отец (Ганс) был директором театра в Гамбурге, мать (Елена) — актрисой. Родители Лотца не исповедовали иудаизма**. Они воспитывали Вольфганга скорее в немецком духе, нежели в духе еврейских традиций.

В 1931 году родители Вольфганга разошлись. Через два года Елена Лотц, напуганная возрастающими в стране антисемитскими настроениями, переехала с сыном в Палестину. Она устроилась в театр «Хабима». В те годы жизнь в Палестине была тяжелой, особенно для тех, кто не имел профессии и не говорил на иврите.

Вольфганг поступил на учебу в сельскохозяйственную школу Бен-Шемена, недалеко от Тель-Авива. Здесь он получил специальность наездника. После нескольких лет пребывания в Палестине Лотц стал сотрудничать с подпольной армией «Хагана». В его обязанности входила охрана единственного автобуса, который обеспечивал связь окруженного со всех сторон враждебными арабскими поселениями Бен-Шемена с внешним миром.

---

* Первой обратила внимание на Лотца военная разведка Израиля.

** По некоторым данным, отец Лотца не был евреем.

Он также патрулировал на лошади территорию вокруг школьного здания.

В начале второй мировой войны Вольфганг, выглядевший старше своих лет, скрыв свой возраст, вступил в английскую армию. Его знание немецкого, арабского, английского языков и иврита очень пригодилось при общении с немецкими пленными, поэтому Лотц был оставлен в Египте. Здесь он пробыл всю войну, дослужившись до сержантских нашивок.

В 1945 году Вольфганг вернулся в Палестину и устроился работать на нефтеперерабатывающий завод, заняв административную должность. Однако он желал более интересного для себя занятия и поэтому поступил на службу в «Хагану». После объявления независимости Государства Израиль и начала вторжения арабских стран на его территорию Вольфганг принимал участие в боях в районе Латрана. По окончании войны он остался в армии и в Суэцкой кампании 1956 года уже командовал пехотной бригадой в звании майора.

Сразу же после окончания Суэцкой кампании представители Моссад предложили ему работу в разведке. Одной из сильных сторон Моссад является то, что он привлекает к работе людей, представляющих почти все этнические группы и культурные слои Израиля.

На Лотца, например, выбор пал благодаря его внешности: светлые волосы и голубые глаза. Он говорил по-немецки, а также был известен своей храбростью, готовностью к риску в интересах дела. Общительный по натуре, Вольфганг имел прекрасные актерские данные, унаследованные им от матери. Кроме того, ему было очень легко при случае выдать себя за нееврея, так как он не подвергался обряду обрезания.

Что касается самого Лотца, то он считал это предложение удачей. Вольфгангу было тридцать пять лет, и его совсем не радовала перспектива всю оставшуюся жизнь заниматься муштровкой новобранцев. Зная о превратностях жизни сотрудников Моссад, Лотц тем не менее с радостью принял это предложение.

Опыт его предыдущей службы ничего не значил для инструкторов Моссад. Как и Эли Когену, ему пришлось пройти ту же подготовку, которую проходили все курсанты, прежде чем принималось решение об использовании их на оперативной работе. В течение несколь-

ких месяцев он учился различным премудростям искусства разведки.

После основной подготовки Лотц занялся интенсивным изучением истории, политики и культуры Египта. Затем было решено послать его в Египет для сбора информации о поставках советского оружия.

Иметь первоклассного шпиона в Египте руководству Моссад нужно было еще по одной причине. Израильтянам стало известно, что на правительство Насера все большее влияние оказывают немецкие советники, приглашенные в Египет. Многие из них в прошлом являлись членами фашистской партии. Ученые, инженеры, врачи, полицейские — все они приехали сюда, чтобы занять ведущие места в структуре государства. Особое внимание Моссад привлекали специалисты в области авиационной и ракетной техники. Разведку прежде всего интересовало, чем эти специалисты занимаются в Египте.

Перед Вольфгангом Лотцем поставили задачу выяснить это. Уроженец Германии, он без труда сможет установить дружеские отношения со своими соотечественниками, которые так преданно служили теперь Насеру.

Но для выполнения задания Лотцу нужно было создать правдоподобное прикрытие. Было решено оставить ему настоящие имя и фамилию. Большая часть легенды должна быть вымышленной, меньшая — содержать истинные факты. Вымышленной становилась биография Вольфганга после тринадцати лет. По легенде, он не эмигрировал в Палестину, а остался в Германии. В годы второй мировой войны воевал в Африке в составе корпуса Роммеля. О нем Лотц прекрасно знал из бесед с немецкими пленными; кроме того, он изучил немало документов, относящихся к боевым действиям корпуса. Все это придавало ему уверенность в надежности своей легенды.

Согласно легенде, после войны Лотц переехал в Австралию, где в течение одиннадцати лет занимался подготовкой лошадей для скачек. Затем вернулся в ФРГ, а оттуда приехал в Египет. Здесь он занялся разведением лошадей. Так знания и опыт, полученные Лотцем в сельскохозяйственной школе Бен-Шемена, неожиданногодились ему.

В ноябре 1959 года Лотц выехал в ФРГ для подготовки легенды на месте. Немецким властям он объяснил, что в Израиле чувствует себя неудобно, поэто-

му возвращается на родину. Власти оказывали Вольфгангу содействие во всем. Он жил в Западном Берлине, затем в Мюнхене, часто менял адреса, для того чтобы потом трудно было отыскать его следы. Лотц понимал, что египетские спецслужбы смогут докопаться до правды, если очень постараются.

После пребывания в ФРГ в течение года Лотц и руководство Моссад решили, что ему пора переезжать в Египет. Вольфганг прибыл в Геную, а оттуда на корабле отправился в Египет. Это произошло в январе 1961 года.

Богатый немецкий турист легко устанавливал контакты с необходимыми ему людьми. Одной из задач, которые он поставил перед собой, было вступление в египетский жокей-клуб. По счастливой случайности, он попал в фешенебельный Кавалерийский клуб на острове Жезира. Офицеры египетской армии считали его своим вторым домом. Первым человеком, с которым он познакомился в клубе, был Йозеф Али-Гахураб, шеф полиции Египта*. Лотц представился ему как коннозаводчик, и вскоре они стали друзьями.

Известие о новичке быстро распространилось среди элиты каирского общества. Через несколько дней Лотц стал получать множество приглашений на приемы и коктейли. Богатые любители лошадей просили у него совета. Ежедневно начальник полиции Египта Гахураб совершал с ним конные прогулки.

Через шесть месяцев пребывания в Египте Вольфганг отбыл в Европу, чтобы встретиться с начальством и получить дальнейшие инструкции. Руководство Моссад осталось довольно его работой и надеялось, что он справится с возложенными на него задачами. Куратор Лотца дал ему прозвище «Глаз Тель-Авива в Каире».

Снабженный большой суммой денег и радиопередатчиком, который он должен был пронести через таможенную в каблуке одного из своих сапог для верховой езды, купленных в ФРГ, Лотц готовился к возвращению в Египет. Но перед отъездом из Германии возникло непредвиденное обстоятельство... Однажды в поезде он встретил красивую блондинку, которую звали Вальтрауд Марта Науман. Она была беженкой из Восточной Германии и жила в Америке. Время от времени

---

* Он был почетным председателем клуба.

Вальтрауд навещала своих родителей, живших в ФРГ. Лотц и Науман влюбились друг в друга с первого взгляда и через несколько недель поженились.

Руководство Моссад ничего не знало об отношениях Вольфганга и Вальтрауд вплоть до их свадьбы*. К их ужасу, Лотц заявил, что не возвратится в Египет без жены. Для той опасной деятельности, которой занимался Вольфганг, жена была только помехой. Еще хуже было то, что Лотц рассказал ей о своей работе в разведке Израиля. Если его захватят в Египте, то ее присутствие может отрицательно повлиять на его поведение во время жестоких допросов, которым он наверняка подвергнется.

С другой стороны, Моссад не мог отказаться от услуг Лотца, он уже показал себя агентом высокого класса. Его донесения содержали достоверную и точную информацию о событиях, происходивших в Египте как в военной, так и в политической сферах. Вольфганг создал себе прекрасное прикрытие, и от его работы ждали многого.

Исер Харел, в то время еще руководивший Моссадом, не имел альтернативы и дал свое согласие на возвращение Лотца в Египет вместе с Вальтрауд.

Летом 1961 года на борту итальянского парохода «Аузониа» (на котором через семь месяцев Эли Коген отправился из Италии в Бейрут) Вольфганг отбыл в Египет. Вальтрауд должна была присоединиться к нему через несколько недель. В чемоданах помимо шпионского снаряжения он вез дорогие подарки, приобретенные в Европе.

Когда корабль пришвартовался в Александрии, Вольфганга встретили почти по-королевски. Сам начальник полиции Египта Гахураб приехал на пристань, чтобы лично приветствовать Лотца и отвезти его на своей машине в Каир, где уже готовился пышный прием в его честь. Но даже прием не помешал Вольфгангу выйти на связь с Тель-Авивом.

Как сотрудник Моссад Лотц получал 850 долларов

---

* История с женитьбой Лотца до сих пор не ясна. По мнению английского историка Кукриджа, она являлась составной частью плана, разработанного совместно спецслужбами ФРГ и Израиля. К тому же Лотц уже был женат и имел двоих детей.

в месяц. Однако его расходы значительно превышали эту сумму: богатому иностранцу, не привыкшему отказывать себе ни в чем, нужны были большие денежные средства. Первое, что он сделал в Каире, — это купил несколько чистокровных арабских скакунов. Лотц собирался открыть школу верховой езды.

Он легко вошел в свою новую роль. До приезда Вальтрауд Вольфганг снял роскошную квартиру на улице Шариа Исмаил Мохаммад, в пригороде Кариа-Замалек, населенном богачами. Квартал, в котором он поселился, был расположен очень удобно: всего в нескольких минутах езды находились остров Жезира и Кавалерийский клуб. В Гизе, почти в тени знаменитых пирамид, он арендовал помещения для своей школы.

К прибытию Вальтрауд почти все было готово. Друзья Лотца пришли в восторг, узнав о женитбе Вольфганга, и буквально устлали его квартиру цветами.

Беззаботная парочка вела веселую и бурную светскую жизнь. Днем они устраивали прогулки с друзьями верхом на лошадях, а вечера проводили на званых ужинах. Широкий круг их знакомых, состоящий из военных чинов и политических деятелей, включал таких именитых людей, как бригадный генерал Фуад Осман и полковник Мохсен Саид, занимавших ключевые посты в военной разведке Египта.

Особо ценными были связи с Османом. Как руководитель службы безопасности ракетных баз и военных заводов он отвечал за те объекты, которые в первую очередь интересовали Лотца. Хуссейн Эль-Шафей, вице-председатель совета министров Египта и один из ближайших советников Насера, был также частым гостем на приемах в доме Лотца. Нередко он общал Вольфгангу наиболее важные решения правительства Египта еще до того, как о них узнавали высокопоставленные государственные чиновники.

Помимо контактов с египтянами Лотц завел связи среди немцев, которых в Каире было довольно много. Особенно хорошие отношения сложились у него с Францем и Надией Киесовами, работавшими в Каире на промышленном предприятии. Его другом стал Герхард Баух, утверждавший, что он, как и Лотц, служил в немецкой армии. Однажды генерал Фуад Осман, отозвав Вольфганга в сторону, конфиденциально сообщил ему: «Послушай, Вольфганг, этот Баух постоянно увиливается около тебя и подслушивает каждое твое слово.

Будь осторожен. Официально здесь он как промышленник. Но нам известно, что он сотрудник разведки ФРГ. Мы не трогаем его, потому что президент Насер хочет быть в хороших отношениях с немцами. Мы также знаем, что информация Бауха передается в ЦРУ. Поскольку ты немец, то он может привлечь к этому и тебя. Прости, что я говорю тебе об этом, но ты ничего не смыслишь в грязном ремесле шпионажа. Я просто хочу тебя предупредить». С самым серьезным видом Лотц поблагодарил своего верного друга и пообещал ему, что будет осторожен с Баухом.

Большинство немцев, с которыми Лотц поддерживал отношения, были бывшие нацисты. Их деятельность в Египте Вольфганг и должен был изучить. Особенно частым гостем он был в доме одного из самых «преданных» нацистов — Иоганна фон Леерса. В прежние времена Леерс был одним из близких помощников Геббельса. Именно в доме Леерса Лотц повстречал печально известного своими ужасными медицинскими экспериментами над заключенными концлагерей доктора Эйзеле. По слухам, Эйзеле был приглашен в Египет для участия в создании биологического оружия.

Лотц умел заводить знакомства с людьми, подобными Эйзеле, в отношении которого он имел твердые инструкции от своего начальства. Умение ладить с такими людьми помогло ему в создании легенды для своей деятельности (в немецкой колонии он завоевал репутацию яркого антисемита), однако у некоторых его друзей поведение Лотца вызывало недоумение и непонимание. Муж и жена Киесовы, которых он по-настоящему любил, не раз пытались убедить его держаться подальше от бывших нацистов. Но Лотц спокойно объяснял: «Я не интересуюсь политикой. Но как истинный сын Германии, я не собираюсь избегать компании этих людей только потому, что сейчас модно ругать Гитлера». Сам же он чувствовал, как внутри у него все сжимается от этой лжи.

Однажды пронацистская репутация Лотца привела к забавному случаю. Одного сотрудника Моссад послали в Египет для подготовки к предстоящей работе. Вернувшись в Тель-Авив, он был вызван к начальству для обсуждения вопроса о его будущем прикрытии. К удивлению своего руководства, он заявил: «Почему бы мне не открыть конюшню, как это сделала фашистская свинья Лотц? Я был там один раз. Его школа просто

кишит офицерами египетской армии, которые ничего лучшего не нашли, как ездить на лошадях этого нациста. Они уважают его за то, что он служил в СС. Когда я вернусь в Египет, то открою там еще одну школу верховой езды, подружусь с Лотцем и вышибу его оттуда. Что вы об этом думаете?»

Сотрудники Моссад едва сдержались, чтобы не рассмеяться. Нетерпеливому курсанту было сказано: «Мы не можем позволить себе такую роскошь, как школа верховой езды. Для вас мы найдем что-нибудь попроще».

В этих словах была значительная доля правды. В отличие от своих богатых коллег, ЦРУ и КГБ, израильская разведка не имела в своем распоряжении крупных финансовых средств, и Вольфганг Лотц в данном случае был исключением. Финансовый контролер, просматривавший его отчеты о денежных тратах, прозвал его «любитель шампанского» из-за крупных трат, которые Лотц и его друзья делали за счет бюджета Моссад. В распоряжении Эли Когена тоже были крупные суммы денег, но он старался экономить каждую копейку. Однако Вольфганга Лотца нельзя было обвинить в излишних расходах, так же как и упрекнуть в ненужном скопидомстве.

Начальство Лотца в Тель-Авиве с пониманием относилось к его счетам за кинокамеры, часы и магнитофоны, которые он покупал для своих египетских друзей. Они с трудом разобрались с громадным счетом от одной из ведущих клиник ФРГ, которая занималась пластическими операциями. Дело в том, что Лотц пригласил хирурга для дочери своего лучшего друга Йозефа Гахураба — Ханны, которая сломала нос. Это был подарок Вольфганга на ее восемнадцатилетие.

В обмен на этот подарок Моссад получил весьма ценную информацию. Партнер Лотца по верховой езде генерал Абдель Салаам предоставил ему полную информацию о будущей реорганизации египетской армии, которую предлагали советские военные советники. Генерал Фуад Осман, желая знать мнение Лотца о маневрах своих войск, пригласил его лично участвовать в их инспекции. Вольфганг умело скрывал знание арабского языка, так что при нем свободно велись разговоры на самые конфиденциальные темы.

Близость к военным кругам позволила Лотцу посетить хорошо охраняемые, совершенно секретные военные базы в районе Суэцкого канала. Вольфганг и Вальтрауд были допущены даже на аэродромы, где размещались недавно прибывшие советские самолеты «миги» для египетских ВВС. Лотцу удалось сфотографировать один из них вместе с летчиками. Египтяне даже поделились с Вольфгангом планами размещения вместе с настоящими самолетами макетов из дерева и алюминия, чтобы в случае налета израильские ВВС тратили свои бомбы в основном на макеты. Лотцу оставалось только восхищаться этой хитростью.

Однажды он получил срочный приказ из Тель-Авива подтвердить сообщение о том, что недалеко от Исмаилии построена советская база для слежения за ракетами. Вольфганг знал, что эта база полностью закрыта для гражданских лиц. Но вместе с Вальтрауд они решили рискнуть и, несмотря на указатель «Проезд запрещен. Военная зона», поехали по дороге к этой базе. Их остановили удивленные такой наглостью египетские солдаты и под конвоем препроводили к начальнику базы. Вольфганг стал громко протестовать, заявляя, что это просто ошибка. По его словам, они даже не представляли, что нарушают какие-то правила. И если начальник сомневается в честности Лотца, то он может позвонить друзьям Вольфганга Йозефу Гахурабу и Фуаду Осману, которые не оставят его в беде. В конце концов высокопоставленные друзья вызволили Лотца из заточения. При этом начальник базы долго извинялся перед ним и даже пригласил Вольфганга и Вальтрауд на ланч. И конечно, Лотц сумел рассмотреть расположение ракетных установок, о чем его просил Тель-Авив.

Благодаря многочисленным связям и знакомствам Вольфганга поток информации в Моссад не прекращался. Когда сведений накапливалось очень много, ему приходилось выезжать в Европу, чаще всего в Париж, для специальных встреч с сотрудниками израильской разведки.

В августе 1962 года Вольфганг получил приказ срочно прибыть в Париж на одну из таких встреч. Убедившись, что за ним нет слежки, он сначала на самолете прилетел в Вену, оттуда в Мюнхен и наконец во Францию. Там его уже ждали несколько сот-

рудников Моссад, но встречу эту нельзя было назвать теплой.

Лотц ничего не знал о том, что Исер Харел все это время пытался убедить Бен-Гуриона в грозящей опасности со стороны немецких ученых, работавших в Египте. По мнению Исера, к этому времени Египет достиг больших успехов в создании ракет класса «земля — земля», которые могут быть использованы против Израиля*. Харел серьезно полагал, что опасность грозит самому существованию государства.

Лотца стали упрекать, что он «прошляпил» успешные запуски прототипов ракет «земля — земля», которые были засечены сотрудниками ЦРУ. Израильтяне пришли в бешенство, узнав об испытаниях этих ракет. Имея такого дорогостоящего агента в Египте, руководство израильской разведки не желало получать подобную информацию из вторых рук. Поэтому представители Моссад, прибывшие в Париж, заявили Вольфгангу: «Мы понимаем, что для получения информации от египтян и бывших нацистов вам необходимо было огромное количество алкоголя и деликатесов. Мы шли вам навстречу и не скупилась на затраты. Но от вас нам нужна информация, в частности о немецких ракетах, и как можно быстрее».

Лотц вернулся в Каир в сильном волнении. И дело не только в том, что он хотел оправдать оказанное ему доверие и выполнить задание. Прежде всего он был очень предан своей стране. Он выбрал опасную профессию разведчика не из-за стремления к обеспеченной и полной развлечений жизни богатого владельца скаковых лошадей, а из-за любви к своему народу.

Настало время доказать это. Через полтора месяца Вольфганг возвратился в Париж с полным списком всех проживавших в Каире немецких ученых. У него были их адреса в Египте и места проживания их семей в ФРГ и Австрии. Пользуясь проверенными данными, полученными от высокопоставленных египетских официальных лиц, Вольфганг знал точно, чем занимается каждый из них на военных предприятиях Египта.

Кроме того, Лотц передал своим коллегам из Мос-

---

* В этом он почти убедил Бен-Гуриона. Начальник военной разведки Израиля Амит был противоположного мнения.

сад микропленку, содержащую сведения о сверхсекретном проекте № 333, в соответствии с которым создавалась система электронного контроля за полетами египетских ракет. К удовлетворению израильтян оказалось, что Египет столкнулся с огромными сложностями в создании надежной системы наведения ракет. Прощаясь с Лотцем, сотрудники Моссад выразили ему благодарность.

В течение некоторого времени Вольфганг держал своих лошадей в конюшне недалеко от Гелиополиса. Это не было простой случайностью: новая конюшня находилась рядом с крупнейшей базой-хранилищем бронетанковой техники египетской армии. Задолго до того как в Египте начинались какие-либо военные действия, на этой базе происходили приготовления к ним.

Целыми днями Лотц совершал прогулки верхом в окрестностях базы, выбирая такие маршруты, которые давали ему возможность наблюдать за происходящим на базе, оставаясь при этом незамеченным. Тель-Авив высоко оценивал добываемую Вольфгангом информацию о крупномасштабных передвижениях бронетанковой техники.

В начале 1964 года Лотц купил новую партию лошадей. Поняв, что небольшой его конюшни явно недостаточно для размещения и тренировки животных, Вольфганг стал подыскивать новое место. В этом ему помог его хороший знакомый, полковник Омар Эль-Хадари, который предложил разместить лошадей на громадной военной базе в Абассии. Эль-Хадари достал для Вольфганга и Вальтрауд пропуски, по которым они могли в любое время входить и выходить с территории базы.

Но и этого для Лотца было явно недостаточно. Он переправил своих лошадей в дельту Нила, примерно в десяти милях к югу от Каира. Там он построил конюшню, сделал прекрасные беговые дорожки, пaddock и др. Все друзья Вольфганга были в восхищении от его предпринимательского таланта и часто навещали его там. Все получалось так, как планировал Вольфганг: его новое заведение привлекало все больше офицеров египетской армии, которые после нескольких бокалов шампанского становились прекрасными источниками информации.

Но была еще одна причина для выбора именно

этого места. Конюшня Лотца находилась рядом с военным объектом, где немецкие ученые проводили испытания ракет по заданию Насера. В разговорах со своим немецким другом египетские офицеры особенно подчеркивали тот факт, что создаваемые ракеты должны уничтожить Израиль в будущей войне.

К этому времени он уже знал все о передвижении войск и военной техники армии Египта. Он получил официальное разрешение от генерала Салаама на посещение особо секретных зон вдоль Суэцкого канала, где, по словам Вольфганга, особенно хорошо клевала рыба. Он был известен настолько, что никто никогда не спрашивал, что он здесь делает и зачем фотографирует.

Оправдывая свое прозвище «Глаз Тель-Авива в Каире», Лотц также весьма преуспел и на коммерческом поприще. Его авторитет в разведении лошадей был настолько высок, что он даже стал вывозить их в Италию, зарабатывая при этом весьма необходимую для египетского казначейства твердую валюту.

Однако официальные лица страны вряд ли были бы в восторге, знай они о том, что Лотц ввозит в Египет. В коробке с двойным дном из-под французского сыра, купленного в Европе, он перевозил взрывчатку большой мощности. Обычно эту коробку Лотц клал на заднее сиденье «фольксвагена», купленного Моссад специально для него.

Взрывчатка предназначалась для воздействия на немецких ученых. Исер Харел пришел к выводу: единственное, что может заставить их отказаться от участия в создании ракет, — это физическое воздействие. И Вольфганг Лотц вместе с другими сотрудниками Моссад, находящимися в Египте, должен был организовать эту кампанию. Некоторое количество взрывчатки он передал своему агенту в одном из ресторанов Каира, другую часть хранил у себя на квартире. Взрывчатка вкладывалась в письма и посылки, направляемые затем немецким ученым, работавшим в Египте*.

Поначалу роль Лотца в этой операции ограничивалась только рассылкой писем с угрозами некоторым

---

* Подобные почтовые отправления направлялись и адресатам в ФРГ, что вызвало резко отрицательную реакцию западногерманского правительства.

ученым по списку, составленному им самим. Письма изготовлялись в Европе. В одном из них, адресованном некоему Генриху Брауну, содержалось следующее послание:

«Ставим вас в известность, что ваше имя занесено в «черные списки» немецких ученых, работающих в Египте. Мы надеемся на ваше понимание того, что безопасность вашей жены Элизабет и ваших двух детей Нелли и Труди зависит от вас. В ваших интересах прекратить работу на военную промышленность Египта».

Письмо было подписано: «Гидеонисты». Гидеон — библейский герой, который отразил вторжение в Израиль нумидийских племен, возглавляемых модиянитянами.

Осенью 1964 года во внешней политике Египта произошли изменения, которые по чистой случайности привели к провалу Вольфганга Лотца.

В течение некоторого времени Египет находился почти в полной зависимости от советской военной и экономической помощи. Используя свое влияние на Насера, Советский Союз начал склонять египетского президента к тому, чтобы он пригласил руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта в страну. Это было бы равносильно официальному дипломатическому признанию Восточной Германии и расценивалось бы как крупная политическая победа СССР. Реакция правительства ФРГ была мгновенной: последовала угроза Насеру разорвать с ним все отношения. Но у Насера не было выбора, и он дал «добро» на визит главы ГДР, который планировался на 24 февраля 1965 г.

Западная Германия пригрозила прекратить экономическую помощь Египту. Насеру нужно было показать, что такие угрозы, даже от могущественного правительства Бонна, не могут изменить его решения. Ему также было необходимо улучшить отношения с советским руководством, которое затаило на Насера обиду: советские представители, работающие в Каире, постоянно заявляли, что западногерманская разведка, возглавляемая Геленом, в сотрудничестве с ЦРУ шпионила за ними. Советская контрразведка потребовала от Насера положить конец их деятельности.

Насер решил принять меры, которые устроили бы и Москву, и Бонн. Он приказал задержать примерно тридцать западных немцев, проживавших в Каире. Это должно было удовлетворить советскую сторону и в то же время заставить правительство ФРГ воздержаться от принятия экономических санкций в отношении Египта.

В списки лиц, подлежащих арестам, были включены все западные немцы, имеющие даже случайные связи с организацией Гелена. Однако советская сторона потребовала, чтобы в их число были включены и туристы из ФРГ, находившиеся в стране и представляющие потенциальную угрозу. По ее мнению, правительство Западной Германии могло организовать заговор с целью покушения на жизнь Вальтера Ульбрихта во время его визита в Египет и использовать для этого проживавших в это время в стране немцев.

В число лиц, подлежащих аресту, был включен и Вольфганг Лотц, как видный член немецкой колонии в Каире. Его часто видели в компании Герхарда Бауха, который, как многие полагали, руководил тайными операциями спецслужб ФРГ в Египте. Кроме того, совершенно случайно в Каир с длительным визитом в середине февраля прибыли родители Вальтрауд. Желая сделать приятное советским советникам, тайная полиция Египта приказала арестовать Вольфганга, Вальтрауд и ее родителей.

Поэтому за два дня до визита Ульбрихта в Каир, 22 февраля, четыре полицейские машины прибыли к дому Лотца. В этот момент хозяева отсутствовали. Они были на приеме у генерала Гахураба в Мерза-Матрух, где находилась его губернаторская резиденция. После возвращения домой они были арестованы.

Вольфганг и его близкие оказались в числе тридцати немцев, арестованных по соображениям большой политики. В ответ на жалобу посла ФРГ его заверили, что эти аресты были произведены в числе других превентивных мер, связанных с визитом в Египет Ульбрихта. А министр внутренних дел страны уверял посла, что «все задержанные будут немедленно освобождены после отъезда высокого гостя». У него не было оснований для другого вывода: аресты являлись чистой формальностью.

Но Вольфганг Лотц не предполагал, что его арест — это случайность, по времени совпавшая с визитом

Ульбрихта. Он не знал, что несколько его друзей, включая абсолютно невиновных Франца и Надию Киесов, также находятся под арестом. По роковому стечению обстоятельств за несколько дней до ареста Лотц находился у своего друга Гахураба. Окажись он в это время в Каире, вероятнее всего, он бы узнал об арестах и смог избежать опасности.

Лотц предположил, что каким-то образом египетским властям стало известно о его шпионской деятельности. Нужно было что-то делать. Он решил, что оправдались опасения руководства Моссад по поводу надежности его прикрытия, под которым он жил и работал в Египте. Главным теперь для Лотца стало спасти Вальтрауд и ее родителей. Лучший способ, по его мнению, — согласие на сотрудничество с египетскими властями с самого начала. И когда Лотца стали допрашивать вне всякой связи с его настоящей деятельностью, он сразу «раскололся»: «Что вы хотите знать? Моя жена и родственники абсолютно ни в чем не виновны!»

Офицер египетской контрразведки, проводивший допрос, хотел было уже перейти к следующему арестованному, но вдруг насторожился. Он совершенно не понимал, о чем говорил Лотц. Однако следователь был профессионалом и, к несчастью для Лотца и Моссад, решил пойти на хитрость. «Я хочу знать, где вы прячете ваше шпионское снаряжение», — сказал контрразведчик. Он все еще не представлял себе, что означает поведение Лотца, и решил продолжать допрос в обычной своей манере. «Мы знаем о вас все. Поэтому, чтобы не тратить ни ваше, ни мое время, для вас будет лучше рассказать все без промедления».

К удивлению офицера контрразведки, Лотц прямо сказал: «Мой радиопередатчик в ванной комнате». Помимо радио в тайнике лежали другие материалы, относящиеся к шпионской деятельности. Контрразведчик немедленно послал полицейских в резиденцию Лотца, и вскоре у него в руках был радиопередатчик агента.

А в это время Лотц продолжал давать показания египетской контрразведке о том, где находится остальное шпионское снаряжение. В куске мыла нашли взрывчатку и микро пленку, в других местах были спрятаны 75 тысяч долларов мелкими купюрами.

Все еще не веря в свой успех, контрразведчик

приказал перевести Лотца и его близких в следственную тюрьму. Начались интенсивные допросы Лотца, который уже едва отличал ложь от истины. У него было две цели: спасти жизнь Вальтрауд и ее родителям и предоставить египетской контрразведке как можно меньше сведений о своей работе. Используя свои таланты, Вольфганг был в состоянии достичь обеих целей.

С самого начала следствия Лотц старался придерживаться легенды, которую разработало для него руководство Моссад. По этой легенде он был немцем, родился в Мангейме, учился в Германии. Во время войны служил в немецкой армии и воевал в Африканском корпусе Роммеля. Именно в Африке, по словам Лотца, он научился обращаться с лошадьми. После окончания войны переехал в Австралию, где прожил одиннадцать лет. Затем возвратился в ФРГ. Там, используя свой опыт и знание лошадей, устроился тренером в скаковой клуб в Берлине, в котором проработал несколько месяцев. В этом клубе Лотц получил весьма заманчивое предложение. Один из преуспевающих членов клуба Элиас Гордон посоветовал ему основать собственное предприятие по разведению арабских скакунов. Лотц с радостью принял предложение: ведь это было его мечтой с тех пор, как он побывал в Африке и поездил там на этих замечательных лошадях.

Гордон свел Лотца со своим другом, бизнесменом и любителем лошадей Руби Бернштейном. При встрече Бернштейн и Гордон сказали, что будущее коневодческое предприятие будет располагаться в Египте. Лотцу оплатят поездку на место, чтобы найти подходящее помещение. По словам Вольфганга, ему нравится легкая жизнь, и он с радостью согласился поехать в Египет. Предложенные условия устраивали Лотца. К тому же, по его мнению, возможность открыть конный завод была весьма перспективной.

«Я и не предполагал тогда, что попаду в такой переpleт», — пожаловался он египетским контрразведчикам. Он рассказал, что не так давно, когда он был в Германии, его посетили два «партнера», которые представили третьего — Жозефа. «Этот Жозеф был высоким худощавым мужчиной. Говорил на плохом немецком языке. Он мне прямо сказал, что возглавляет израильских разведчиков, действующих на террито-

рии Европы. Элиас и Руби — его агенты. Понятно, что это не настоящие имена. Я был буквально убит — я-то считал их своими друзьями. Я попал в трудное положение. Меня, бывшего офицера немецкой армии, вербовали для работы на израильскую разведку в Египте. Но они дали мне возможность заняться разведанием лошадей. Я долго мечтал об этом. Теперь наступило время платить по долгам. Я должен был передавать информацию Израилю. Я слабый человек и поэтому легко согласился с их предложением. Я даже не колебался. В то же время я боялся за свою жизнь и жизнь моей жены. Все евреи безжалостны, поэтому я посчитал, что лучше уж я приму их предложение».

Позже Лотц рассказал египтянам о задании, данном ему руководством Моссад. Они все время требовали от Вольфганга все больше секретных сведений. Его научили фотографировать военные объекты, посылать посылки, начиненные бомбами, немецким ученым. И ко всему прочему он регулярно отправлял радиogramмы в Тель-Авив.

«Они были подобно Шейлоку из пьесы Шекспира, которую мы читали на уроках английского в школе, — пожаловался Лотц. — Они требовали платить сторицей. Я ничего не мог с ними поделать».

Лотц был очень убедителен в роли доверчивого, тупого солдата, его поведение не вызывало у следователей подозрений. Для этого у них были веские причины. С одной стороны, в интересах правительства Египта нужно было постараться не испортить отношения с ФРГ. Египтяне знали, что этому будет способствовать мягкое обращение с немецким шпионом. Тем более что как раз в это время арабская печать была заполнена рассказами о том, как Эли Коген внедрил в высшие эшелоны правительства Сирии. По всему арабскому миру ходила история «об агенте Моссад, который едва не стал министром обороны Сирии».

Отношения между Сирией и Египтом были разорваны после упразднения в 1961 году Объединенной Арабской Республики. С тех пор две страны находились в состоянии вражды. И Насеру не хотелось услышать от сирийцев: «Вы ничем не лучше нас! У вас тоже есть шпион Моссад!» Однако если Лотц действительно тот, за кого он себя выдает, — немец, завер-

бованный Моссад, то это еще полбеды. Вот почему египтяне хотели верить в его историю.

Но следователи, занимавшиеся делом Лотца, настаивали на унижительной проверке: подвергался ли он обряду обрезания. Для этого был приглашен врач. Лотца попросили раздеться. Процедура проверки длилась несколько минут. В эти минуты Лотц горячо благодарил своих родителей за то, что они не были слишком религиозны, ведь от того, прошел он обряд обрезания или нет, зависела его жизнь. Лотц старался держать голову прямо, а глаза широко раскрытыми, несмотря на то что две мощные лампы буквально ослепляли его.

Наконец доктор закончил свое дело. Он дружески похлопал Лотца по плечу, как бы желая сказать: «Не беспокойтесь! Вы не еврей!», и подошел к сотрудникам контрразведки. Наклонившись, доктор прошептал что-то одному из них, лысому человеку среднего возраста. Лотц сразу признал в нем Салаха Насра, шефа египетской службы безопасности и контрразведки. Он решил лично допросить Лотца. На хорошем английском языке Наср обратился к нему: «Вы можете одеться, Лотц». При этом его голос звучал мягко.

Лампы были погашены, и, после того как Вольфганг оделся, ему позволили сесть. «Не хотите ли сигарету, господин Лотц? Или, может, чашечку кофе? Давайте не будем терять время. Извините, что мы подвергли вас столь унижительной процедуре. Но для нас было очень важно, еврей вы или нет на самом деле. Вы понимаете, что мы не могли принять на веру ваши слова о том, что вы не прошли обряд обрезания и являетесь чистокровным арийцем».

На лице Салаха Насра появилась легкая улыбка, когда он посмотрел на Абдула Хакима, одного из высших офицеров разведки. Мягкое обращение со шпионом не встретило одобрения у Хакима: «Какая разница, немец он или еврей? Отдайте мне его на два часа, и он у меня запоет!» Салах Наср резко возразил Хакиму: «У вас мозги осла! Вы ничего не смыслите в политике». Повернувшись к Лотцу, который притворился, что не понимает, о чем они говорят, он сказал: «Господин Лотц, мы не собираемся вас вешать. Это не в наших интересах. Как-никак ваша карьера шпиона окончена. Я прошу вас верить мне. Я даю вам слово, что позабочусь о вас, если вы будете с нами сотрудни-

чать. Я хочу знать правду о ваших связях в Египте, имена ваших агентов. Нам интересно, как вы готовились к работе и кто вас учил. Мне нужны точные сведения о руководителях, которые послали вас на задание. Все, что вы скажете, господин Хаким, который присутствует здесь, тщательно зафиксирует и проверит потом. Помните, Лотц, что от вашего поведения зависит не только ваша жизнь, но и жизнь ваших близких».

Слова Насра были как нож в сердце Лотца. Незадолго до этого допроса Вольфганг слышал душераздирающие крики женщины, которую пытали в соседней камере. Эти крики все еще стояли в его ушах. По тому, как тюремщики относились к заключенным, можно было понять, что в случае отказа Лотца от сотрудничества с египетской разведкой Вальтрауд и ее родителей ждут пытки и смерть.

Лотц знал, что ему надо четко придерживаться выбранной линии поведения. Через несколько дней ему удалось убедить своих следователей в невинности родителей Вальтрауд, и вскоре они были освобождены. Сделать то же самое по отношению к самой Вальтрауд ему не удалось. Египетские власти вполне справедливо не верили, что жена Лотца не могла не заметить, что ее муж по ночам передает сообщения по миниатюрному радиопередатчику, и не понять, чем он занимается в действительности.

Лотц, его жена Вальтрауд, как и их друг Франц Кнессов, были преданы суду сразу по десяти статьям преступлений против египетского народа.

Для Моссад наступили черные дни: сразу два лучших агента были схвачены во враждебных Израилю странах, обоим ждали пытки и смерть. Как раз в это время Эли Когена пытали в тюрьме Дамаска. О причинах задержания Лотца в Моссад никто ничего не знал. Если Вольфганга выдал предатель, то у того есть доказательства, при помощи которых Лотца могут отправить на виселицу.

Но Лотцу повезло. Египетские власти не хотели убивать его. Дело в том, что казнь Эли Когена была необходима руководителям Сирии из-за политических распрей в стране. В Египте ситуация была другая. Более того, Лотцу удалось договориться о сотрудни-

честве с египетскими властями так, что это устраивало и его, и Израиль. Логика его поведения была следующей: делая вид, что честно сотрудничает с египтянами, он сможет давать Израилю и какую-то долю достоверных данных. В конце концов, умело используя правдивую информацию, Лотцу удалось скрыть главное и никого не скомпрометировать.

Перед началом судебного процесса Лотц согласился обратиться по телевидению к своим соотечественникам. Сидя перед кинокамерой вместе с Вальтрауд, он прямо и спокойно заявил: «Я занимался шпионской деятельностью против Египта в пользу Израиля с 1961 года. Я передавал израильтянам чертежи советских ракет, размещенных в районе Суэцкого канала, и выполнял другие разведывательные задания». После того как он это сказал, камера показала Вальтрауд, которая жалобно плакала. Лотц продолжал: «Я очень сожалею о содеянном мною. Только теперь я понимаю, что из-за денег нанес Египту большой ущерб. Египтяне хорошо обращаются со мной в тюрьме». Последние его слова были абсолютно справедливы.

«Если в будущем Израиль захочет послать своих шпионов в Египет, то пускай для этого он использует своих собственных граждан, а не вербует честных немцев. Я очень советую всем немцам, к которым обратились с таким предложением, решительно отказаться».

Египтяне были в восторге от поведения своего раскаявшегося узника, который был теперь их лучшим пропагандистом. Однако телевизионное обращение Лотца с не меньшим удовлетворением смотрели и в Моссад. Для них стало ясно, что египтяне пока еще верят легенде Вольфганга и он в безопасности.

Судебный процесс открылся в июле 1965 года. Он транслировался по египетскому телевидению. Это был преднамеренный выпад против сирийцев, которые судили Эли Когена тайно и показывали по телевидению лишь отрывки процесса. Лотцу и Вальтрауд назначили адвоката. Кроме того, на процессе было разрешено присутствовать наблюдателю от ФРГ. По сравнению с процессом над Когеном в Сирии суд в Египте проходил по всем правилам.

В ходе процесса выявилось стремление египетских властей не только продемонстрировать, насколько гуманен их суд, но и подтвердить версию Лотца о его

немцем происхождении. А Лотц мастерски подыгрывал им, прекрасно сочетая истину и ложь в своих показаниях. Например, он потратил много времени, чтобы выпутаться из нелегкого положения, когда ему надо было объяснить, как он избавился от своего первого радиопередатчика, который не смог сам починить. Лотц сказал, что он разбил его на части, а затем якобы поехал на пикник на берег Нила. Взяв напрокат лодку, он выехал на середину реки и бросил сломанный передатчик в воду. Вольфганг заявил, что готов точно указать следователям это место: «Оно находится напротив группы из пяти пальм вниз по реке...» Затем он долго перечислял массу других деталей. Присутствующие в суде и телевизионная аудитория приняли его слова на веру.

Вновь и вновь Лотц настаивал в своих показаниях на том, что жена совершенно не причастна к его деятельности: «Я случайно встретил ее в поезде. Она знала, что я передаю радиосообщения из нашей спальни, и наблюдала за моей работой. Но жена полагала, что я делаю это в интересах стран НАТО».

Одетая в элегантное белое платье, Вальтрауд полностью завоевала симпатии как судей, так и телевизионной аудитории, заявив: «Я была буквально ошеломлена, когда узнала, чем в действительности занимается мой муж, но считаю своей обязанностью поддержать его в тяжелую минуту. Пусть это покажется вам странным, но сейчас я даже больше люблю своего мужа, чем прежде. Его судьба в ваших руках, и я прошу вас не быть к нему слишком жестокими».

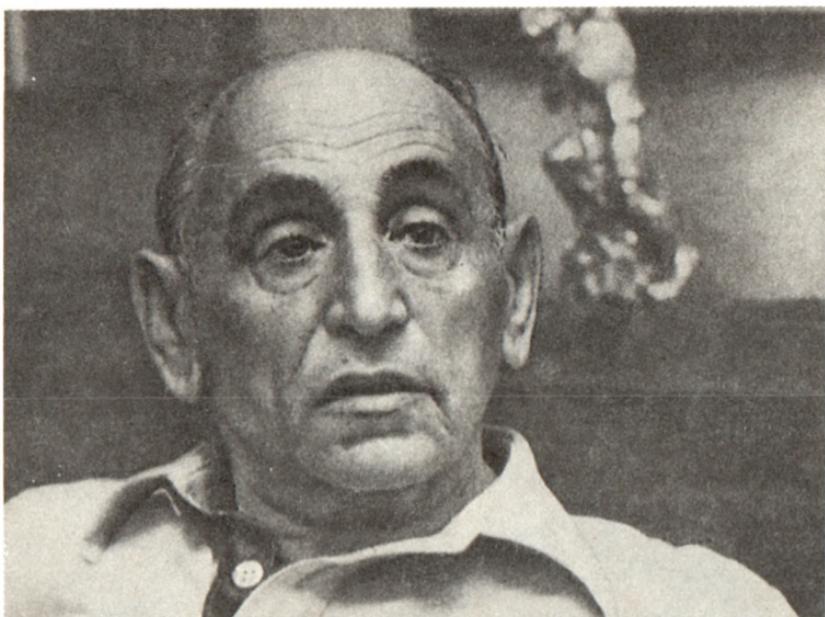
Обращаясь к делу Вальтрауд, ее защитник сказал: «Совершенно очевидно, что на скамью подсудимых миссис Вальтрауд привела ее любовь к мужу. Она знала, что он занимается шпионской деятельностью, но полагала, что он делает это в интересах НАТО. Он никогда не говорил Вальтрауд об истинных целях своей работы. Для нее Вольфганг был антисемитом и ненавидел Израиль».

В ходе судебного процесса стало ясно: Лотцы убедили всех, что говорят правду. Конечно, говорили представители египетских властей, Лотц — шпион, но, по крайней мере, он и его очаровательная жена были немцами, а не евреями. Без сомнения, они должны понести наказание, но справедливое.

Если египетское общество прислушивалось к каж-

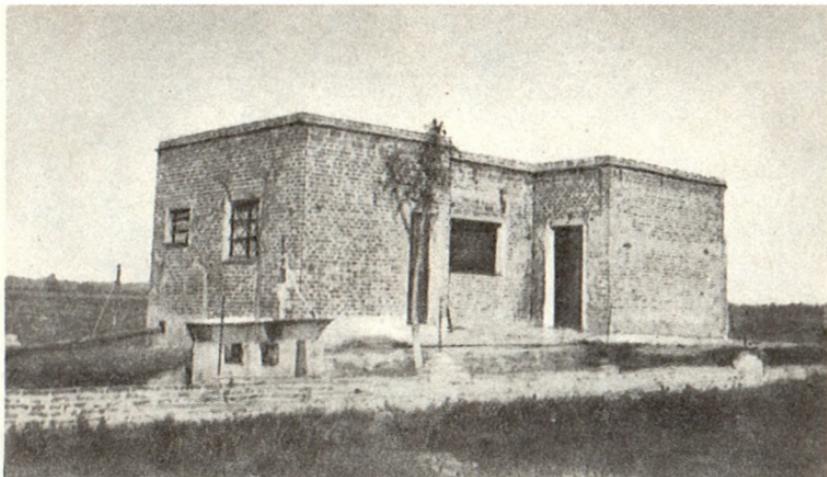
Р. Шилоах — первый директор Моссад

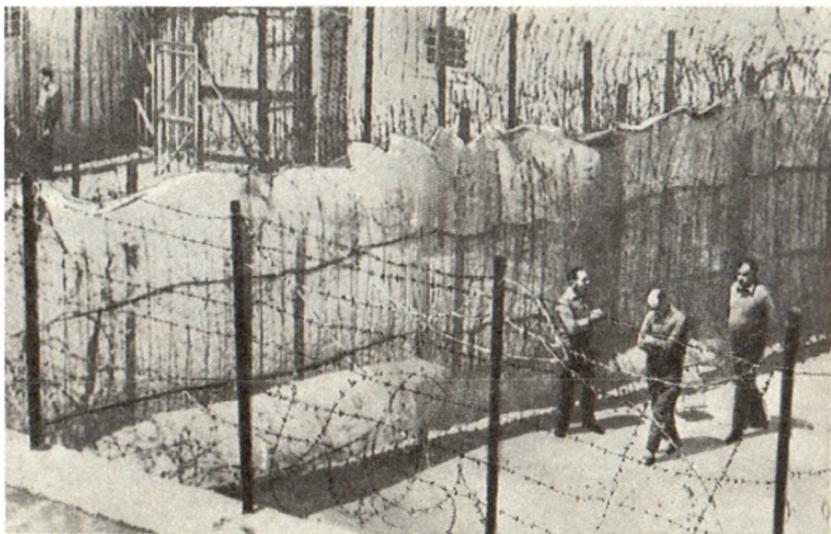
И. Харел — директор Моссад в 1952—1963 годах

Адольф Эйхман

Место, где содержался Эйхман после похищения

Эйхман в израильской тюрьме

Нахман Штарк

Ида Шумахер с сыном Исселе после возвращения в Израиль

Освобождение израильскими командос заложников в Энтеббе.

Эли Коген

Альфред Фраункнехт

**Вольфганг Лотц
(в центре)
с женой Вальтрауд**

Марсель Ниньо в Каирской тюрьме

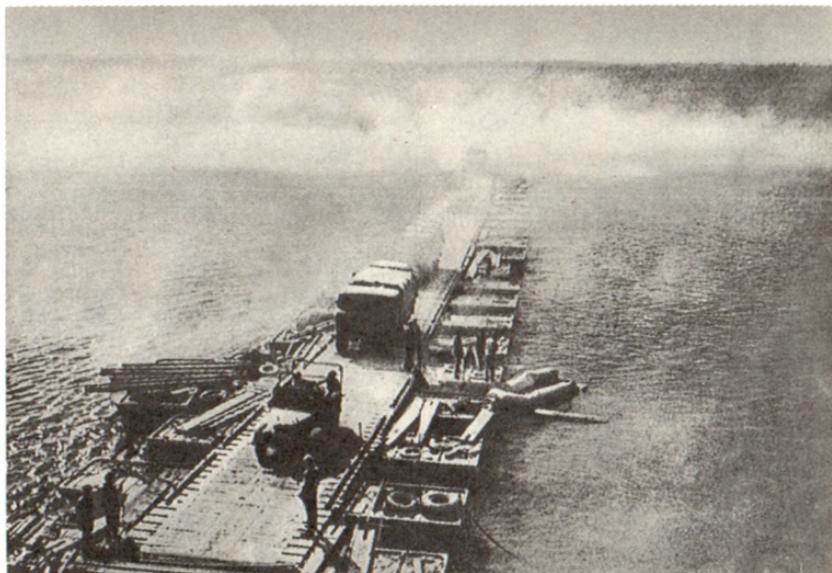
Свадьба Марсель Нино (слева премьер-министр Израиля Голда Меир)

Меир Амит — единственный человек, который возглавлял военную разведку (1962—1963) и Моссад (1963—1968)

Мордехай Лимон — организатор похищения катеров из Шербура

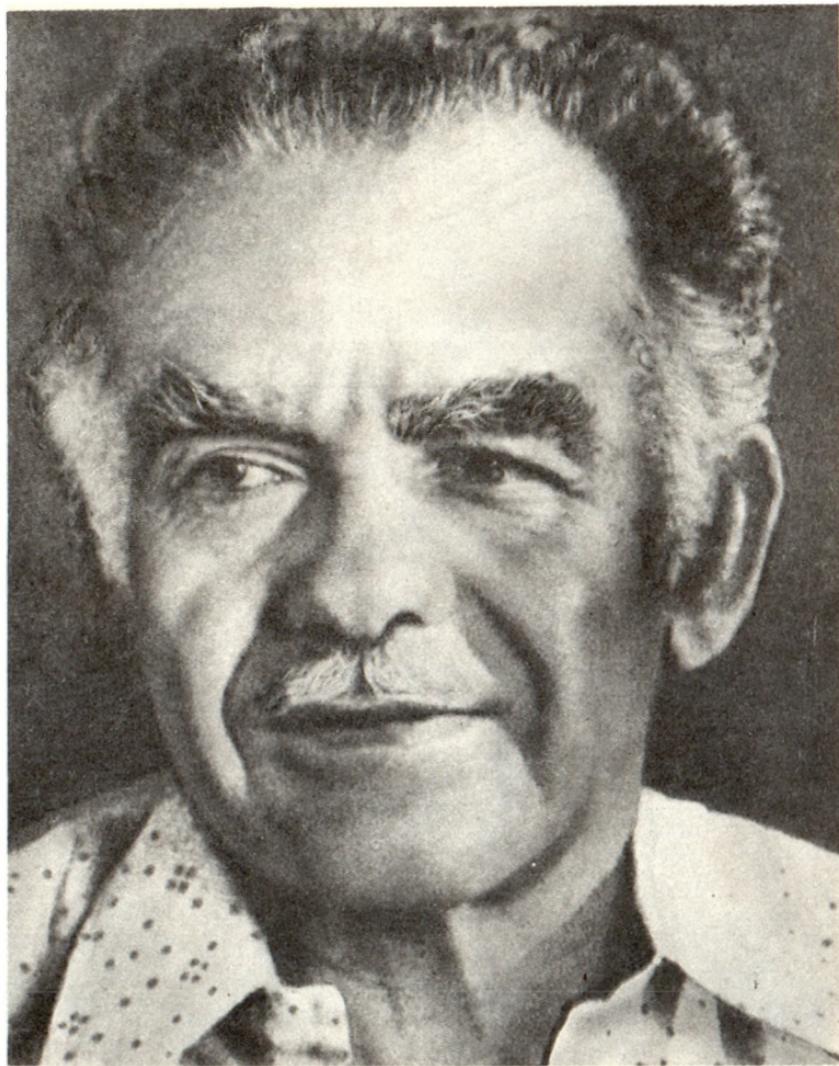
**Руководитель
разведки ФРГ
Р. Гелен**

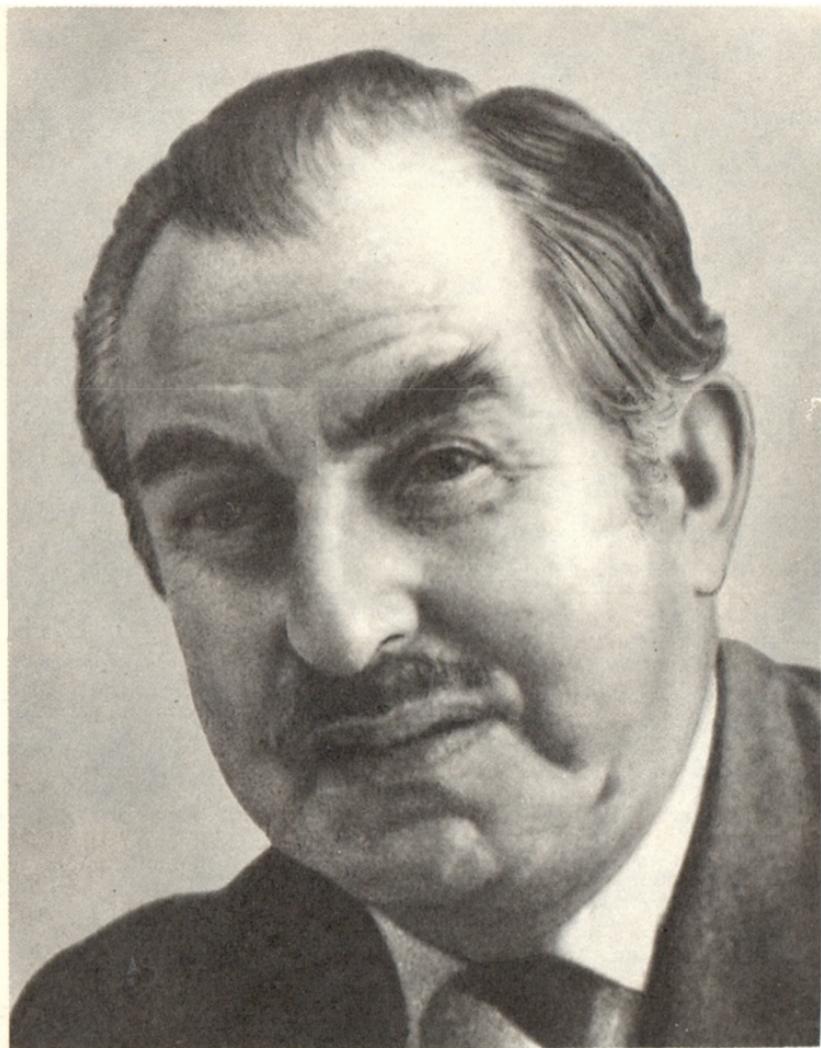
Египетские войска форсируют Суэцкий канал

Команда Моссад при ликвидации «палестинских террористов» в Норвегии (следственный эксперимент)

Премьер-министр Израиля И. Шамир

Президент Израиля Х. Герцог

дому слову, которое произносилось в зале суда, то в штаб-квартире Моссад были еще более внимательны. Каждый кусочек информации, каждое слово признания очень тщательно изучались. А самое главное, что же египтяне действительно знали о «Глазе Тель-Авива в Каире»?

Трагический момент наступил для Лотцев, когда в конце судебного процесса было получено письмо из Германии. Его послал юрист из Мюнхена Альфред Сейдл, защищавший интересы родственников тех немцев, которые стали жертвами начиненных взрывчаткой посылок. Сейдл проинформировал суд, что Лотц в действительности является гражданином Израиля. Он точно указал в своем письме дату отъезда Лотца в Израиль и заявил, что его мать была еврейкой.

В письме также указывались факты о службе Вольфганга как офицера израильской армии. Кроме того, сообщалось, что Моссад послал своих сотрудников в Германию, чтобы они арестовали Сейдла и не допустили предания гласности этих фактов. Когда письмо показали Лотцу, мужество покинуло его. Но он взял себя в руки и ответил: «Таким образом люди, которые представляют интересы немецких ученых, работавших над созданием ракет для Египта, пытаются отомстить мне».

На закрытом заседании суда Лотц поклялся в том, что его показания правдивы и что его мать была протестанткой, которая погибла во время налета авиации союзников на Берлин в 1944 году.

21 августа 1965 г. каирский суд вынес приговор по делу Вольфганга и Вальтрауд Лотцев. Вольфганг был приговорен к пожизненному тюремному заключению с принудительными работами и штрафу в 32 тысячи 539 египетских фунтов. Его жена Вальтрауд приговорена к трем годам лишения свободы и штрафу в тысячу египетских фунтов. Франц Киесов был освобожден. В результате разоблачения шпионской деятельности Лотца из египтян пострадал только один — генерал Гахураб, которого разжаловали и посадили в тюрьму.

Заклученный Вольфганг Лотц ни разу не был на принудительных работах. Он не только имел привилегии в тюрьме, ему также были время от времени позво-

лены свидания с женой. Вольфганг заказывал еду в каирском ресторане, камеру убирали заключенные.

В тюрьме Тура Лотц встретил других заключенных евреев. В их числе находился и Виктор Леви, друг Эли Когена, приговоренный к пожизненному тюремному заключению за террористическую деятельность в Египте. Хотя он был еще сравнительно молод, его голова была седой. Леви провел в египетской тюрьме одиннадцать лет.

Вместе с ним сидели задержанные в то же время Филипп Натансон и Роберт Дасса. Работавшая с ними Марсель Ниньо отбывала свой пятнадцатилетний срок в женской тюрьме, там же находилась и Вальтрауд.

Лотца тепло встретили его «коллеги-шпионы», хотя первое время они думали, что он немец. Наконец Вольфганг открыл им правду и, к удивлению Виктора Леви, заговорил на иврите. После этого они еще больше сдружились.

Эта группа вместе с другими заключенными относилась к категории «политических» и размещалась на верхнем этаже тюрьмы Тура. Хотя жизнь для Виктора Леви и других осужденных за шпионаж была нелегкой, поскольку все они были приговорены к работам в каменном карьере в первые три года отбывания своего срока, эта группа была сплоченной. Подкупив стражу сигаретами, заключенные получили возможность сами готовить себе пищу в камерах и даже провели от главного кабеля электричество, так что могли читать по ночам.

Прошло более двух лет заключения Вольфганга, когда началась шестидневная война 1967 года. Положение изменилось не только для этой группы, но и для всех других осужденных шпионов. Они были переведены в особые камеры и с ужасом ждали, что погибнут либо от рук разгневанных египтян, либо под бомбами израильских самолетов. Однако ничего не произошло. Война закончилась, и заключенные вернулись в свои старые камеры.

Наступило Рождество 1967 года. Прошло восемь месяцев после окончания войны. Время для Вольфганга тянулось медленно: пожизненное заключение по египетским законам означало двадцать пять лет тюрь-

мы — ему оставалось еще двадцать два года. Его моральный дух поддерживало то, что он знал: главным принципом Моссад было содействовать освобождению своих провалившихся агентов, а в случае их смерти — возвращать на родину останки. Но Лотц также знал, что Моссад не всемогущ: израильские разведчики не смогли спасти от виселицы Эли Когена. Подтверждением этого являлось присутствие в тюрьме Тура Виктора Леви и его коллег. Несмотря на настойчивые усилия, все попытки выволочить их были безрезультатны.

Однако Лотц не знал, что в это самое время между Египтом и Израилем ведутся невероятно сложные переговоры под наблюдением генерального секретаря ООН У Тана и его личного представителя на Ближнем Востоке Гунара Ярринга. Уже были достигнуты первые результаты. В обмен на пять тысяч египетских солдат, захваченных в ходе войны 1967 года, Израиль потребовал освобождения группы водолазов и летчиков, находившихся в Каире. У Израиля было еще одно предложение: в израильских лагерях для военнопленных содержалось девять генералов и несчетное количество высших офицеров египетской армии. В обмен на них Израиль потребовал от Египта освободить десять израильских шпионов, которые содержались в этой стране.

Первыми в списке стояли имена Вольфганга и Вальтрауд Лотцев. Израильцы были вынуждены признать и официально заявить, что «немец», содержащийся в тюрьме Тура, в действительности является евреем.

На переговоры с неуступчивым Насером ушло восемь месяцев. Египет не должен потерять свой авторитет в арабском мире. Все должно быть сделано в условиях строжайшей секретности, в газетах не должно появиться ни одного слова об освобождении израильских шпионов. Наконец Насеру было отправлено письмо, в котором всячески превозносились его гуманистические взгляды и говорилось, что израильцы готовы поверить данному им слову чести. В знак доверия Израиль освободил нескольких египетских генералов еще до того, как был освобожден первый израильский шпион.

Насер сдержал свое слово. Всех шпионов признали больными «неизлечимыми болезнями» и всем выдали медицинские свидетельства. Вскоре без всякой огласки

их освободили и отправили в Израиль*. 4 февраля 1968 г. семью Лотца отвезли в аэропорт Каира. Здесь их посадили на самолет «Люфтганза», следующий в Мюнхен через Афины. В Греции они пересели на другой самолет, следующий в Лондон, а спустя 48 часов чета Лотцев прибыла в Тель-Авив.

Некоторое время Вольфганг и Вальтрауд жили в современном доме недалеко от Тель-Авива. Их часто навещали Отто и Клара Науман, родители Вальтрауд, которые проживали в своем родном городе Хейлбронне в ФРГ.

Вольфганг, прозванный своими соседями «Сус» (на иврите — «лошадь»), открыл небольшую школу верховой езды. Вальтрауд изучила иврит и стала правоверной израильтянкой. Несколько лет спустя Вальтрауд внезапно заболела и умерла. Товарищи Вольфганга по тюрьме Тура Марсель Ниньо, Виктор Леви и Филипп Натансон часто приходили, чтобы утешить его. Лотца мучила мысль о том, что здоровье его жены было подорвано двумя годами тюрьмы в Египте.

Школа Лотца «прогорела». Он выехал в Соединенные Штаты, чтобы «заработать немного денег». «В Израиле мало таких богачей, каких я встречал в Египте и Германии», — говорил он.

Поначалу Лотц поселился в Лос-Анджелесе, затем переехал в Сиэтл, где с новой женой, израильтянкой по имени Наоми, поселился в девятикомнатной квартире. Вместе со своим партнером Лотц открыл частное детективное агентство. Он говорил: «Я кое-что смыслю в этом».

Предприятие лопнуло, когда жена партнера Вольфганга сбежала, забрав все деньги компании.

Вскоре после этого Лотц с тысячью долларами в кармане приехал в ФРГ. В одном из универсальных магазинов Мюнхена он нашел место в отделе продажи рыболовных принадлежностей. Он говорил: «Я ухлопал все свои деньги и компенсацию, полученную от Моссад, на школу верховой езды в Израиле. Но все потерял. Сейчас получаю от них лишь 200 долларов

---

* В обмен на Лотца и содержащихся с ним израильских шпионов Израиль передал Египту 500 военнослужащих египтян, включая 9 генералов.

пенсии ежемесячно. Я не думаю, что это очень великодушно».

После визита президента Садата в Иерусалим, когда мир между Израилем и Египтом мог стать реальностью, Лотц обдумывал, как он говорил, «блестящую идею». «Возможно, они позволят мне вернуться в Египет, — сказал он тогда. — Я хотел бы основать школу верховой езды на берегу Нила». Но, подумав, добавил: «Скорее всего, ничего не выйдет... Я так одурачил их тогда, что вряд ли они когда-либо простят меня».

Противостояние

Ранним утром 1 июня 1967 г. в доме директора ЦРУ Ричарда Хелмса раздался телефонный звонок. Это озадачило Хелмса: телефон, по которому звонили, был подключен к его персональной линии, не зарегистрированной в справочниках. Подняв трубку, Хелмс тотчас узнал голос звонившего ему человека. Это был Меир Амит — его старый приятель, дружба с которым началась еще во время совместной учебы в Колумбийском университете. В 1962 году Амит возглавил Моссад. По голосу израильтянина Хелмс понял, что тот звонит ему не ради приятельской беседы.

— Дик, мне необходимо встретиться с тобой, — сказал Амит. — Я звоню из телефона-автомата в аэропорту. Никто не знает, что я здесь. Я только что прилетел. Это очень срочно.

Застигнутый врасплох, Хелмс тем не менее быстро сориентировался.

— На утро у меня назначено несколько важных встреч, — ответил он. — Но я смогу встретиться с тобой во второй половине дня. А до этого, если ты приедешь, могу организовать тебе встречу с моими людьми. Если ты введешь их в курс дела, к тому времени, как я освобожусь, мне сообщат, о чем ты хотел поговорить со мной.

— Договорились, — сказал Амит.

Необычный визит Амита в Вашингтон был кульминацией нескольких недель беспокойства, охватившего Тель-Авив.

Всю весну Советский Союз вел войну нервов. Основной поставщик вооружений в Сирию и Египет, Москва не переставала убеждать своих арабских союз-

ников в том, что Израиль планирует полномасштабную агрессию против них. 13 мая советский посол позвонил президенту Насеру, чтобы предупредить о скором падении Израиля на Сирию. В течение последующих дней русские снабжали руководство Сирии и Египта информацией о наращивании израильскими войсками ударной группировки на Голанских высотах.

На эти предупреждения Египет отреагировал полной мобилизацией своих вооруженных сил. Начальник генерального штаба Мухаммед Фавзи вылетел в Сирию для координации совместных действий. Вскоре обе страны привели свои армии в состояние полной боевой готовности. При этом Египет сосредоточил на Синае сотысячную группировку.

Дилемма, вставшая перед израильским руководством, была предельно проста: Египет и Сирия либо подыгрывали Советскому Союзу в проводимой им политике «контролируемой напряженности», либо хотели начать полномасштабную войну. Агентуре Моссад было дано указание собирать любую информацию, которая помогла бы решить эту дилемму.

20 мая Моссад, используя «горячую линию связи», передал в Каир короткое послание премьер-министра Леви Эшколя президенту Насеру: «Мы не хотим войны. Мы отведем все наши подразделения, дислоцированные в настоящее время на границах, в случае, если вы вернете группировку с Синая на прежние позиции».

Ответ Насера был жестким: «В свое время вы получите наш ответ».

Израилю не пришлось долго ждать. 48 часов спустя президент Насер приказал заблокировать Тиранский пролив, отрезая таким образом Израилю выход в Африку и Азию через Красное море.

Для руководства вооруженных сил и разведывательных органов Израиля этот шаг означал только одно: война неизбежна. Единственный шанс, чтобы преодолеть колоссальное превосходство противника в живой силе и технике, заключался в превентивном ударе.

Меир Амит сделал все возможное, чтобы убедить в этом премьер-министра Леви Эшколя. Однако осторожный Эшколь, следуя политике Соединенных Штатов, направленной на сотрудничество при решении спорных вопросов, колебался и пытался выиграть время. Он предложил советскому послу Зубакину совершить по-

ездку в приграничные районы страны, с тем чтобы тот своими глазами убедился, что Израиль не готовится к войне.

Предложение было отклонено. Зубакин, обычно мягкий и приятный человек, внезапно стал грубым и резким. Он обрушился на Эшколя с обвинениями по поводу готовящейся израильской агрессии. Сдержанный и обходительный Эшколь едва не потерял самообладание.

В Израиле в это время крайне накалилась обстановка. На Эшколя обрушилась волна критики со стороны прессы и его более воинственных советников.

Степень напряженности в окружении премьер-министра проявилась на совещании, состоявшемся в последние дни мая. Генерал Ариель (Арик) Шарон прибыл в кабинет Эшколя с пистолетом. Когда руководитель кабинета деликатно напомнил ему, что министры обычно не ходят на заседания с оружием, Шарон выложил пистолет на стол и сказал достаточно громко, чтобы его услышал Эшколь.

— Если вы считаете, что кто-то носит пистолет для того, чтобы арестовать премьер-министра, то вы сошли с ума. Вам достаточно прикрикнуть на нас, и мы уберемся отсюда вон!

Это заявление сильно расстроило Леви Эшколя, который, в конце концов, был таким же патриотом, как и любой генерал. Просто он хотел как можно дольше идти по пути переговоров.

Тем временем обстановка ухудшалась. В дополнение к протестам в самом Израиле президент де Голь предостерег Тель-Авив от нападения на арабов. Такое заявление из уст хорошего друга Израиля, от которого зависели поставки вооружения, вызывало серьезную озабоченность.

Вот в такой обстановке и решил Меир Амит тайно слетать в Вашингтон. Он был уверен, что ключ к победе в предстоящей войне находится в руках Соединенных Штатов, а министру иностранных дел Аббе Эбану не удалось убедить президента Джонсона в серьезности положения. Как Амит рассказывал позже, у него было такое чувство, что само существование Израиля зависело от исхода его переговоров с руководителями ЦРУ в Лэнгли.

В штаб-квартире ЦРУ Амита приняли лучшие специалисты американской разведки по Ближнему Востоку. Это были бесстрастные люди, в задачу которых входил трезвый и объективный анализ поступающей информации. Амит знал, что ему предстоит трудный разговор. Разложив перед ними карты, схемы и другие документы, он сразу приступил к делу.

— Будет война, — сказал он. — Наши вооруженные силы в настоящее время полностью отобилизованы. Но мы не можем оставаться в таком положении долго. Так как наша армия состоит в основном из гражданских лиц, может остановиться промышленное производство. Уже сегодня у нас не хватает людей для уборки урожая. Сахарная свекла гибнет. Мы вынуждены быстро принимать решения. Если мы не начнем наступление на Египет, нас уничтожат.

После этого Амит подробно изложил анализ обстановки, подготовленный Моссад. Его сообщение постоянно прерывалось уточняющими вопросами. Американцы, по сути, устроили ему жесткий допрос. Сохраняя абсолютное спокойствие, будто речь шла о здоровье его родственников, они хотели знать, каковы будут ожидаемые потери в живой силе и технике в случае, если первым начнет Израиль, и в случае, если это сделают египтяне.

— Если нам удастся быстро прорвать оборону противника, потери будут относительно небольшими, — отвечал Амит. — Сотни убитых, не больше. Если же мы будем сидеть и ждать атаки египтян, мы все равно победим, но наши потери будут исчисляться десятками тысячами.

На экспертов ЦРУ холодный, логический анализ Амита произвел впечатление. Им не надо было объяснять, что потеря десяти тысяч человек станет для Израиля национальной катастрофой. Однако они старались выжать из него как можно больше информации. Когда Амит закончил, американцы развернули свои собственные карты и достали информацию, полученную по каналам ЦРУ.

Амит облегченно вздохнул, увидев, что его данные полностью совпадали с американскими. Эксперты ЦРУ понимали, что Амит не блефует. Более того, они приняли все его доводы, за исключением одного.

— По нашему мнению, — сказал один из них, — египетские войска развернуты в пустыне в оборони-

тельном порядке. Наши военные эксперты согласились с этим после внимательного изучения снимков, полученных воздушной разведкой. Мы не верим, что Египет собирается атаковать.

Амит вспыхнул:

— А я вам скажу, что считают наши эксперты: египтяне готовятся наступать. Зачем им вывозить войска в пустыню, если они собираются обороняться?

Американец спокойно ответил:

— Затем, что они убеждены: вы собираетесь атаковать их!

Временами спор принимал острый характер, однако в конце концов Амит склонил чашу весов на свою сторону.

— Подождите, — сказал он. — Не столь важно, какие позиции они заняли — оборонительные или наступательные. Нам пришлось провести мобилизацию независимо от их планов. Мы не можем позволить египетской армии стоять у наших границ в надежде, что Каир всего-навсего играет с нами. Мы были вынуждены призвать резервистов после того, как египетская армия выдвинулась в район Синая. И вы прекрасно знаете это из своих источников: они начали первыми, а мы предприняли ответные действия. От того, что на самом деле задумали египтяне, дело не меняется. Если практически вся страна будет находиться под ружьем в течение длительного времени, наша экономика рухнет. И в любом случае, а вы знаете это не хуже меня, войска, занимающие оборону, могут очень быстро перегруппироваться для проведения наступательной операции. Что бы ни планировали египтяне, сегодня они уверены, что смогут разгромить нас. Русские убеждали их в этом очень долго. А Москва свою позицию быстро не изменит и не будет советовать Дамаску и Каиру отвести свои войска. Русским нужна война, и они уже убедили арабов, что час для нее настал.

Дело шло к вечеру, и участники изнурительного совещания, длившегося с девяти часов, решили сделать перерыв.

Когда они возобновили работу, Меир Амит почувствовал, что аналитики ЦРУ близки к тому, чтобы согласиться с ним. Он был достаточно опытен и понимал:

если они примут его точку зрения, то это отвечает интересам Соединенных Штатов. Этих людей нельзя было убедить лишь доводами о безопасности Израиля.

Тем не менее ко времени прибытия Ричарда Хелмса Амит уж не мог сдерживать эмоции.

— Послушай, Дик, мы не можем более терпеть. Израиль — маленькая страна. Речь идет о нашем существовании. Я говорю о моей семье, о моей жене и трех дочерях, о семьях всех мужчин, которые в настоящее время надели на себя военную форму.

Хелмса не надо было убеждать. Ему уже успели сообщить, о чем разговаривали Амит и эксперты. Поэтому шеф ЦРУ согласился со своим однокашником.

— Я хочу, чтобы ты встретился с Макнамарой, — произнес он.

В шесть часов вечера того же дня Меир Амит вошел в кабинет министра обороны Роберта Макнамары. Уже в третий раз за этот день он говорил об этой проблеме. Говорил он внешне спокойно, но, понимая важность того, какое впечатление он произведет на Макнамару, время от времени не мог скрыть волнения.

Когда Амит закончил, он вдруг ощутил, как страх сковывает его тело. Макнамара не произнес ни слова. Ничем, даже легким движением бровей, он не показал, что глава Моссад убедил его в своей правоте.

В этот момент помощник министра, извинившись, открыл дверь и положил на стол срочную телеграмму. Макнамара внимательно прочитал ее, потом посмотрел на Амита и негромко объявил:

— Моше Даян назначен министром обороны Израиля.

Руководитель Моссад немедленно понял последствия этого назначения. Даян все время поддерживал идею о превентивном ударе. Его включение в кабинет министров означало, что он употребит все свое влияние для претворения этой идеи в жизнь. Колебаниям израильского руководства приходил конец.

Эти мысли промелькнули в голове Амита, пока министр продолжал:

— Я очень хорошо знаю Моше Даяна. Мы встречались во время его визита в Вашингтон. Я очень рад его назначению. Пожалуйста, пожелайте ему успеха от моего имени.

После этого Макнамара твердо взглянул на Амита и, тщательно подбирая каждое слово, добавил:

— Какое бы решение вы ни приняли, я желаю вам удачи.

Пожелание, высказанное Макнамарой, было несколько расплывчатым, однако Амит совершенно четко понял его смысл: правительство США окажет Израилю поддержку в случае, если Тель-Авив нанесет превентивный удар по Сирии и Египту.

Из Пентагона Меир Амит немедленно поехал в израильское посольство. Вместе с военным атташе Джозефом Гевой он подготовил пространный отчет о том, что произошло в тот день. Меир Амит направил шифrogramму следующего содержания: «Американцы считают нас суверенным государством и полагают, что мы имеем право принимать любое решение, которое, по нашему мнению, необходимо для спасения страны. Со стороны США не следует возражений в случае, если мы нанесем удар первыми. Они поймут наши мотивы. И я думаю, что американцы поставят на место русских, если те будут планировать открытую интервенцию».

Стремясь поскорее вернуться домой, Амит поехал в аэропорт и успел на транспортный самолет компании «Эл Ал». Самолет вез в Израиль партию противогазов, срочно запрошенных израильскими военными, которые опасались, что египтяне могут использовать поставленное им Советским Союзом химическое оружие. На борту самолета находился еще только один пассажир — Абе Харман, посол Израиля в США. Тысячи американцев стремились попасть в Израиль, чтобы оказать помощь стране, попавшей в тяжелое положение, однако в тот момент туда полетели только два человека.

Израильская авиация нанесла сокрушительный удар по Каиру на рассвете 5 июня. Первыми целями стали военные аэродромы египтян. Израильские летчики точно знали расположение зенитной артиллерии и радиолокационных станций Египта. Это позволило им незамеченными пройти зону ПВО и неожиданно для противника выйти к цели. Кроме того, израильтянам было известно точное время, когда египетские пилоты завтракали. Именно этот момент и был выбран для нанесения удара.

В результате первого налета израильской авиации

удалось практически уничтожить военно-воздушные силы Египта. Эскадрилья за эскадрильей наносили бомбовые удары. К ужасу египтян, израильские «миражи» точно знали, где расположены настоящие цели, а где маскировочные. На макеты не была сброшена ни одна бомба. За короткое время израильская авиация уничтожила систему ПВО Египта. Был полностью разрушен жизненно важный для противника военный завод в Хелване, месторасположение которого считалось одним из наиболее охраняемых секретов в Египте.

Большая часть информации, которая обеспечила столь ошеломляющий успех Израилю, поступила в Тель-Авив от Вольфганга Лотца — шпиона, любившего лошадей, который в это время еще находился в каирской тюрьме в самом начале, как он считал, своего долгого, двадцатипятилетнего заключения.

В первые дни войны мощнейшие оборонительные сооружения, возведенные сирийцами на Голанских высотах, не были атакованы. С этих позиций велся обстрел израильских поселений. Однако 9 июня картина резко изменилась. Сначала истребители-бомбардировщики нанесли уничтожающий удар по позициям сирийских войск на высотах, а затем на горы и холмы, считавшиеся ранее неприступными, двинулись танковые подразделения. Танкистам были известны позиция каждого орудия, расположение каждой противотанковой мины и ходов сообщения. После жестокого боя израильтяне оттеснили сирийцев с их позиций, захватив при этом тысячи пленных. Сложнейшая система обороны с ее танками, артиллерией и минометами превратилась для сирийцев в ловушку.

Эта блестящая победа на Голанских высотах стала возможной только благодаря сведениям, направленным из Дамаска Эли Когеном. Он указал расположение каждой огневой точки противника настолько точно, что израильские танки, самолеты и пехота могли безошибочно наносить свои удары.

Когда сирийцы и египтяне смогли все-таки поднять в воздух свои оставшиеся целыми самолеты, они обнаружили, что их «миги» не могут равняться с израильскими «миражами». Военные эксперты признавали,

что ВВС Израиля были очень хорошо подготовлены, пилоты имели очень высокую квалификацию. Однако арабские летчики были поражены тем, что израильтяне помимо всего прочего хорошо знали технические характеристики и возможности «мигов». Они умело пользовались небольшим преимуществом «миражей» в скорости и маневренности. Они также хорошо знали, что у «мигов» в отличие от «миражей», имевших обзор на 360°, имеются так называемые слепые секторы обзора, то есть такие направления, с которых летчик не в состоянии заметить атакующий самолет. Знание этих слабых мест позволило израильтянам несколько скорректировать тактику ведения воздушного боя и добиться, таким образом, стратегического преимущества над авиацией противника.

Не менее важным оказался и тот факт, что стартовые ускорители «мигов» работали на обыкновенном бензине. Это обеспечивало высокую скорость отрыва, но одновременно означало, что дополнительный топливный бак, установленный на стыке крыльев и фюзеляжа, очень легко воспламеняется. Израильским летчикам достаточно было точно прицелиться в этот бак и открыть огонь, чтобы самолет противника вспыхнул как спичка. Один из израильских летчиков, С. Йехуда, так описывал виденную им картину: «Мне стало жаль летчика. У него не было ни малейшего шанса на спасение».

Отличное знание израильтянами конструкции «МиГа», его достоинств и недостатков — результат работы сотрудницы Моссад, которой удалось убедить одного из иракских летчиков-асов — Мунира Редфу — угнать такой самолет в Израиль.

Три истории, повествующие о Вольфганге Лотце, Эли Когене и Мунире Редфе, — лишь часть вклада Моссад в победу Израиля в шестидневной войне. Многие другие разведчики и их коллеги в Израиле сделали свой, пусть меньший, но не менее важный вклад в эту победу. Когда-нибудь мы узнаем и их имена.

Падение Исера Харела

Сведения о том, что Насер пользовался услугами немецких ученых и специалистов, работавших в нацистской Германии, стали поступать в штаб-квартиру Моссад еще в 1956 году от Эли Когена, который в то время работал в Каире. В этот период Моссад больше всего беспокоила военная помощь Советского Союза Египту. Стремясь усилить свое влияние на Ближнем Востоке, Москва почти ежедневно направляла транспорты с вооружением в порт Александрию.

Однако Египет испытывал трудности с твердой валютой и к 1958 году оказался не в состоянии оплачивать советские поставки. Недовольные таким поворотом событий, русские прекратили оказание помощи.

Возникла угроза крушения планов Насера создать мощные вооруженные силы, способные достойно противостоять Израилю. В связи с этим он стал все больше внимания обращать на бывших нацистов, нашедших убежище в Египте. Он надеялся на их помощь в вербовке немецких ученых, которые смогли бы создать не зависящую от экспорта военную индустрию страны. Предлагая высокую, освобожденную от налогов, зарплату, Насер вскоре сумел привлечь в Египет некоторых крупных немецких ученых.

Вилли Мессершмитт, известный авиаконструктор, в послевоенные годы работал в Испании на компанию «Испано-Суиза». Когда к нему обратились с выгодным предложением немцы, работавшие на Насера, он с готовностью согласился отправиться в Египет. В качестве своего главного помощника Мессершмитт взял профессора Александра Бранднера, ведущего конструктора фирмы «Юнкерс» в годы второй мировой войны. В самом конце войны Бранднер попал к русским в плен вместе со многими другими специалистами по ави-

ации. Не желая оставаться в лагере для военнопленных, он предложил свои услуги как инженер. Позже он стал создателем авиационного двигателя, который был установлен на советском реактивном самолете «Ту-11».

Для Бранднера и Мессершмитта были построены два завода. Они находились в местечке Хелван, в пятнадцати милях к югу от Каира. При поддержке десятков высококвалифицированных немецких инженеров и техников, а также имея бюджет приблизительно в 500 миллионов долларов, они приступили к разработке двух типов сверхзвуковых самолетов для Насера.

Еще больше беспокоило Израиль участие сотен немецких специалистов в работе по созданию ракетной техники. Большинство из них прошли отличную школу в исследовательском ракетном центре в Пенемюнде, где были разработаны и построены мощные ракеты «Фау-1» и «Фау-2». В Египте немцы продолжили свою работу. Правда, на этот раз создаваемое ими оружие дальнего действия было нацелено на Израиль.

Всей этой деятельностью руководил швейцарский бизнесмен египетского происхождения Хассан Саид Камиль. Среди ученых, работавших в Египте, были: Эуген Сазнгер, который в 1935 году создал первую немецкую экспериментальную ракету в Люнебург-Хит, Вольфганг Пильц, работавший вместе с Сазнгером над ракетами «Фау-1» и «Фау-2». После войны Пильц некоторое время работал во Франции, а затем переехал в Египет.

Не имея в Египте квалифицированных сотрудников, немцы пользовались услугами посреднических фирм в ФРГ и Швейцарии для покупки современной технологии. Кроме того, они часто выезжали за границу для закупок необходимых материалов. Наиболее важными поставщиками для проекта стали цюрихские компании «Меко» и МТП, а также штутгартская «Интра».

Как призраки, вставшие по зову нацистов, Пильц, Сазнгер и их коллеги приступили к созданию таких ракет, как «Аль-Зафар» («Победитель») с пятисоткилограммовой боеголовкой и дальностью в 375 миль, «Аль-Аред» («Исследователь») с дальностью в 600 миль, и самой опасной из них «Аль-Кахир» («Завоеватель»), которая была способна нести заряд весом в одну тонну.

Бывшие нацисты, создававшие в Египте оружие, предназначенное для уничтожения Израиля, не давали покоя Исеру Харелу. Для таких людей, как он, память об этой бойне, в которой погибла треть всего еврейского населения Земли, была живой реальностью. Мало у кого из сотрудников Моссад не было друзей или родственников, не погибших в годы реализации программы Гитлера по «окончательному решению еврейского вопроса».

Угроза, создаваемая Израилю немецкими учеными, для Исера Харела превратилась в навязчивую идею, и поэтому он распорядился о начале операции, которая положила бы конец деятельности бывших нацистов в Египте. Частью этой операции стало обнаружение в израильских и немецких газетах имен многих ученых.

В опубликованных материалах рассказывалось, чем они занимались на самом деле. Настоящей сенсацией стало сообщение о том, что бывший полковник СС, проводивший в свое время эксперименты с нервно-паралитическим газом на заключенных концентрационных лагерей Дахау и Равенсбрюк, возглавлял теперь проект по созданию египетского химического оружия. Кроме того, были раскрыты документы, свидетельствовавшие, что Вольфганг Пильц направлял своих людей в Европу и Северную Америку для закупки кобальта-60 и других радиоактивных материалов. Стало совершенно очевидным: египтяне планируют создать ядерное оружие.

Чтобы подчеркнуть озабоченность Израиля, Исер Харел нанес визит Рейнхардту Гелену, шефу западно-германской разведки. Он обвинил Гелена в том, что тот намеренно закрывает глаза на деятельность своих соотечественников в Египте.

Гелен предложил Исеру предоставить решение этого вопроса немецкой разведке. «Мы используем некоторых из этих немцев для сбора важной для Запада информации», — продолжал Гелен. Он заверил Исера, что сможет положить конец деятельности немецких ученых в Египте при помощи своих методов.

Это не убедило Исера. «Я хочу одного: они должны прекратить работу и сделать это немедленно, — настаивал он. — Меня не интересуют долговременные планы. У нас очень мало времени. Длительная перспек-

тива означает ракетную атаку со стороны Египта. А в этом случае нас всех уничтожат».

Исер дал ясно понять, что, если западногерманское правительство немедленно не вернет ученых в ФРГ, он будет вынужден принять меры.

В начале 1962 года активные мероприятия, осуществленные Моссад, привели к тому, что канцлер ФРГ Конрад Аденауэр распорядился оказать давление на немецких ученых в Египте. Ведущие германские фирмы обещали обеспечить использование немецких специалистов в Египте в невоенных областях.

Однако это не дало каких-либо ощутимых результатов: несколько человек вернулись в ФРГ, остальные остались в Египте. Во-первых, их никто не мог заставить уехать, а во-вторых, они не хотели расставаться с обеспеченной жизнью в Египте.

22 июля 1962 г. Египет испытал две первые ракеты среднего радиуса действия. Насер с гордостью заявил: «Теперь мы можем поразить любую цель, расположенную южнее Бейрута». Не надо было обладать богатым воображением, чтобы понять: он имел в виду израильскую территорию. Нетрудно было предугадать и масштабы разрушений, к которым приведет массированная ракетная атака. Население Израиля, сконцентрированное в нескольких крупных центрах, так же как и промышленность, может быть легко уничтожено.

Ухудшало ситуацию и то, что вскоре после испытаний египетских ракет Моссад получил подробную информацию о планах египетского руководства по скоординированному нападению на Израиль. Уничтожению должны были подвергнуться наиболее важные города и военные базы, после чего последовали бы массированные артиллерийские и воздушные налеты. Немецкие советники разрабатывали также проект использования против Израиля химического оружия.

Исер Харел решил, что не может больше сидеть сложа руки и наблюдать, как Египет создает колоссальный арсенал. До предела расширив свои и без того огромные полномочия руководителя всех разведывательных служб Израиля, он распорядился развернуть кампанию террора против военных специалистов Насера.

В сентябре пропал немец по имени Хайнц Крюг. Через несколько дней была обнаружена его машина. Больше о нем никто никогда не слышал. Крюг был менеджером мюнхенского филиала компании «Интра» — одного из главных поставщиков ракетных деталей.

В ноябре Вольфганг Пильц* получил письмо, отправленное на адрес его офиса в Каире. При вскрытии письмо взорвалось. Секретарь Пильца, Ханнелора, распечатывая письмо, была тяжело ранена и ослепла. Через несколько дней при вскрытии посылки, направленной на имя генерала Камаля Аззаза, погибли пять египетских инженеров. Генерал Аззаз отвечал за работу с немецкими специалистами.

В течение нескольких недель египетские эксперты-взрывники обнаружили еще целый ряд подобных посылок. Предупреждение было недвусмысленным. Напоминание об этом последовало в феврале 1963 года, когда некий Ганс Клейнвахтер, возглавлявший исследования по системам наведения ракет, приехал в немецкий городок в Лорахе. Клейнвахтер ехал на автомашине по узкой улице, когда внезапно путь ему преградила другая машина. Из нее выскочил человек и несколько раз выстрелил в Клейнвахтера в упор из пистолета с глушителем. Немец едва избежал смерти.

Примерно в то же время в Швейцарии Хейди Горк, дочь австрийского ученого Пауля Горка, встретила человека, который представился другом отца. Человек посоветовал Хейди поехать в Египет, где работал ее отец, и сказать ему, что его жизнь будет в опасности до тех пор, пока он не переменит род своей деятельности. Испугавшись, Хейди направилась прямо в полицию, которая убедила ее еще раз встретиться с этим человеком. Во время второй встречи полиция записала на магнитофон содержание беседы и после изучения записи сотрудниками швейцарских спецслужб задержала этого человека и его сообщника.

«Другом отца» Хейди оказался австрийский бизнесмен по имени Отто Йоклик, физик, служивший в немецкой армии в годы войны, а позднее ставший директором итальянского Института атомной физики и

---

* Пильц возглавлял знаменитую фабрику № 333, на которой производились ракеты для египетской армии.

ядерной технологии. Его сообщником был израильский гражданин по имени Жозеф Бен Гал.

Йоклику в свое время предложили работу в Египте в группе, занимавшейся разработкой ракет, под руководством полковника Эль-Дина. Только в Каире австриец понял, что конечной целью этих исследований является уничтожение Израиля. Придя в ужас от этого плана, Йоклик принял решение о сотрудничестве с израильянами.

На суде, который состоялся в Швейцарии, Йоклик и Бен Гал, ссылаясь на документальные свидетельства, рассказали о чудовищных планах Египта по уничтожению Израиля. Йоклик рассказал, что сам занимался закупкой радиоактивных материалов, которые использовались для ракетных боеголовок. Другие планы включали подготовку к химической и бактериологической войне. Йоклик вызвал волнение общественности, дав показания о сотрудничестве швейцарских властей с Египтом в программе создания оружия массового уничтожения. Своим поведением на суде Йоклик и Бен Гал завоевали симпатии швейцарцев.

В конце концов суд был настолько тронут озабоченностью обвиняемых судьбой Израиля, что даже прокурор Ганс Виланд запросил чисто символический срок наказания. Он сказал: «Деятельность немецких ученых вызывает глубокую тревогу всего мира».

Этот процесс означал моральную победу Моссад. Под давлением общественного мнения, представлявшего деятельность германских ученых в Египте как «дьявольскую», правительство ФРГ издало закон, запрещающий своим гражданам работать на ракетных и других военных заводах Насера. Постепенно все немецкие специалисты вернулись на родину.

Конечно, Моссад преувеличил опасность, которую несли Израилу немецкие друзья Насера. Немецким специалистам так и не удалось усовершенствовать систему наведения ракет, без которой ракета как оружие была практически бесполезной. Когда маршал Абдель Хаким Амер приехал на испытания одной из последних ракет, которая, как ему доложили, была в отличном рабочем состоянии, он чуть было не погиб: ракета оторвалась от земли на несколько метров и рухнула, охваченная огнем. В докладе Моссад об этом инциденте говорилось: «Ракета перевернулась в воздухе и упала почти что на голову маршалу, который спасся бегством».

Ничего не получилось и со сверхзвуковым самолетом, обещанным Вилли Мессершмиттом. В ярости Насер набросился на своего друга Хассана Камилля и потребовал, чтобы тот возвратил деньги, которые он получил как посредник. Камилль, однако, не вернул ничего: он объявил в швейцарском суде о своем банкротстве. Программа вооружения Египта провалилась.

И все же скандал вокруг военной программы Насера привел к одной жертве в Израиле: он стал причиной острейшего конфликта между Исером Харелом и его метром Бен-Гурионом.

Втайне от Исера Бен-Гурион заключил секретное соглашение с канцлером Аденауэром. На встрече, состоявшейся в нью-йоркском отеле «Вальдорф Астория», они договорились, что ФРГ выплатит Израилю крупные суммы в качестве возмещения за преступления нацистов, а также поставит Тель-Авиву большие партии современного вооружения.

Таким образом, ФРГ выступала главным поставщиком вооружения Израилю в то время, когда Моссад разворачивал свою кампанию террора против немецких ученых. Это обстоятельство вызывало у Бен-Гуриона глубокую озабоченность. Он был убежден, что реальная опасность Израилю не так серьезна, как ее пытался представить Исер. Но даже если шеф Моссад был полностью прав, направление писем и посылок, начиненных взрывчаткой, в адрес граждан ФРГ могло бы поставить под угрозу добрые отношения, которые с таким трудом ему удалось установить с Аденауэром. Он смотрел в будущее и надеялся на полную нормализацию отношений между Израилем и ФРГ. Бен-Гурион понимал, что в интересах страны нужно было делать все для улучшения, а не для осложнения отношений с ФРГ.

В конце марта 1963 года Исер и Бен-Гурион обсуждали сложившееся положение. Они разговаривали в отеле на берегу Тивериадского озера, где премьер-министр находился на отдыхе. Бен-Гурион поставил вопрос прямо: «Исер, Бонн помогает нам танками, вертолетами, кораблями и другими вооружениями. Как тебе известно, делегация из ФРГ уже побывала здесь, для того чтобы обсудить вопросы, связанные с дальнейшими поставками. Развернутая тобой кампания

террора вызывает недовольство немцев в Бонне, ведет к вражде. Поэтому ты должен немедленно это остановить».

Исер всегда боготворил Бен-Гуриона, человека, возглавлявшего Израиль в самые трудные годы — рождения и становления как независимого государства. Но по вопросу о германских ученых позиция премьера была однозначной. Такое, как он это называл, «умиротворение», несомненно, приведет к катастрофе.

В то время Исер находился на вершине славы. Престиж его организации был очень высок. Похищение Эйхмана было все еще свежо в памяти его соотечественников. Исер знал, что Бен-Гурион приближался к тому возрасту, когда пора уже думать о покое, и видел себя как наиболее подходящую кандидатуру в качестве его преемника. За годы работы Харел приобрел такой огромный опыт, что считал своим долгом выйти из тени и открыто противопоставить себя человеку, которому он преданно служил больше десяти лет.

Несмотря на пожелание Бен-Гуриона, шеф Моссад приказал значительно активизировать проведение террористических актов против немецких ученых. Это был первый и единственный случай, когда он пошел против воли премьер-министра.

Через неделю после встречи на Тивериадском озере те же собеседники имели сложный разговор в кабинете премьер-министра.

Наблюдатель наверняка отметил бы внешнее сходство между Исером и Бен-Гурионом: оба невысокие, с жестким выражением лиц. Даже походка у них была похожа — быстрая и неровная. Более десяти лет они работали рука об руку при полнейшем взаимопонимании и доверии, но характер их отношений можно было безошибочно угадать с первого взгляда: Исер был подчиненным, Бен-Гурион — начальником.

Теперь эти взаимоотношения были испорчены, доверие подорвано.

Они взглянули друг на друга, и премьер-министр сказал:

— Я хочу лично посмотреть все документы. Я хочу сам убедиться в достоверности информации о немецких ученых и об их ракетах.

Это был первый случай, когда Бен-Гурион выразил сомнение в сделанных Исером выводах. Более того,

впервые он хотел увидеть все собственными глазами, впервые поставил под сомнение мудрость и опыт начальника Моссад. Исер был оскорблен до глубины души.

— Если вы мне не верите, — объявил он, — я готов подать в отставку.

Не сказав больше ни слова, он поднялся, повернулся к Бен-Гуриону спиной и пошел к дверям. Перед тем как покинуть кабинет, он обернулся и сказал:

— Ответ вы получите у моего преемника!

Спустя несколько часов премьер-министр понял, что Исер не намерен брать свои слова обратно. Своему помощнику он сказал:

— Этот солдат действительно уйдет в отставку.

Бен-Гурион предпринял попытку примирения. В тот же день после обеда он позвонил Исери. Это был редкий случай, когда он прибегал к такому способу общения, который назвал «американским». На его звонок никто не ответил.

На следующий день на стол Бен-Гуриона легло официальное прошение об отставке. Появившееся в газетах сообщение об этом ошеломило всю страну. В Моссад встретили эту весть с большой озабоченностью. Один из близких к Исери сотрудников сравнил положение с землетрясением. «Харел сконцентрировал в своих руках очень большую власть, — сказал он, — и им лично принималось столько важнейших решений, что некоторое время мы чувствовали себя на корабле, у которого потерял руль. Он создал Моссад и сделал его тем, чем он является. Никто из нас даже не подозревал, как много значило для всей организации иметь Исера во главе. ...Конечно, было большой ошибкой наделять одного человека такой большой властью».

Для расследования причин отставки Исера был создан секретный комитет, который допросил Бен-Гуриона, что привело последнего в ярость. Он считал, что всем этим манипулировал Исер, который хотел оказать давление на прессу и поэтому представил свою собственную версию случившегося. В течение последних месяцев премьер-министр чувствовал некоторую отчужденность и нарастающую усталость. Возня вокруг отставки Исера стала последним толчком и к его отставке через некоторое время. Он передал бразды правления Леви Эшколю.

Тем не менее Бен-Гурион написал Исеру: «Даже после всего, что случилось после вашей отставки, мое мнение о таланте, лояльности, патриотизме, которые всегда были вам присущи, не изменилось ни на йоту. Я был против вашего ухода. Но вы отвергли мою просьбу забрать назад прошение об отставке. Это, конечно, ваше личное дело, и тут я вам не судья».

Меир Амит, заменивший Исера Харела на посту директора Моссад, разительно отличался от своего предшественника. Выпускник Колумбийского университета, возглавлявший ранее военную разведку, он был культурным, даже утонченным военным, говорившим на нескольких иностранных языках. Вскоре после своего назначения директором Моссад Амит приступил к реорганизации службы в соответствии с современными, более демократичными требованиями.

Понимая, что ему никогда не стать таким же авторитетным лидером, каким был Исер Харел, он отказался концентрировать в своих руках огромную власть. Он считал, что интуиция и риск будут играть меньшую роль в деятельности его службы, нежели наука и тщательный анализ. Он дал своим подчиненным гораздо большую свободу для принятия самостоятельных решений. Постепенно и осторожно он завоевывал доверие со стороны сотрудников, привыкших к другому стилю руководства.

Это потребовало времени, но в конце концов Амит добился своего. Особое впечатление на его подчиненных произвело то, как много усилий потратил он, чтобы спасти жизнь Эли Когена и освободить израильских разведчиков, арестованных египтянами. Они убедились, что гибкое, но твердое руководство не менее эффективно, чем непоследовательные, импульсивные методы Исера.

Исер провел два года в отставке. Два нелегких, тревожных года. Он вернулся в разведку в 1965 году, когда целый ряд случайностей грозил подорвать доверие к руководству разведывательной деятельностью в стране. Сначала боннское правительство разорвало соглашение о поставках вооружения в Израиль, что вызвало волну упреков и обвинений в адрес правительства и дало возможность Исеру торжествующе заявить: «Я предупредил, что немцам верить нельзя. Меня

заставили прекратить проведение терактов против немецких ученых в Египте только потому, что ФРГ поставляла нам оружие. А теперь оружие больше не поставляется!»

Все это совпало с арестом Вольфганга Лотца и визитом председателя Государственного совета ГДР В. Ульбрихта в Каир. Все складывалось не очень хорошо.

Испытывая постоянное давление со стороны агрессивно настроенного Исера, Леви Эшколь согласился наконец вернуть его в разведку, назначив «специальным советником премьер-министра по вопросам разведывательной деятельности». Эшколь, видимо, считал, что такое назначение являлось лучшим способом успокоить Исера, однако Меир Амит совершенно справедливо увидел в этом шаге угрозу своему авторитету. Исер не оставит его в покое до тех пор, пока вновь не поставит разведку под свой полный контроль. В результате назначения Исера на новый пост руководство Моссад оказалось втянутым в сложную междоусобную борьбу, которая отнимала много времени. В результате Леви Эшколю пришлось выбирать между старым и новым шефом.

Он решил, что времена единоначалия в Моссад закончились. Исер был освобожден со своего поста, а Меир Амит встал во главе Моссад. Окончательно отвергнутый, Исер навсегда ушел из политической жизни страны. Сегодня он тихо живет со своей женой Ривкой в пригороде Тель-Авива и пишет воспоминания о работе в разведке. Если рано утром вы пойдете на пляж, вы почти наверняка встретите там Исера — худощавого человека, совершающего утреннюю пробежку.

Дома у Исера хранится фотография, которую хозяин бережет как зеницу ока. В июне 1966 года Паула Бен-Гурион, супруга бывшего премьер-министра, устроила встречу двух бывших соратников у себя дома — впервые после трех лет размолвки. Это был драматический момент встречи двух гигантов, сыгравших выдающуюся роль в становлении Государства Израиль. Они обнялись, и Исер заплакал, не скрывая слез. Бен-Гурион подарил ему фотографию, на обороте которой были написаны следующие слова: «Исеру, защитнику чести и безопасности страны. Давид Бен-Гурион».

Преодолевая эмбарго

2 июня 1967 г. Шарль де Голль объявил о решении Франции немедленно прекратить поставки наступательных вооружений Ближнему Востоку. Это означало, что Израиль больше не будет получать вооружение из страны, которая на протяжении нескольких лет была его главным поставщиком. Если бы война 1967 года продолжалась более длительный срок, находившиеся на вооружении израильских ВВС французские «миражи» оказались бы в бездействии из-за отсутствия запасных частей. Страна осталась бы без воздушного флота.

После окончания войны эмбарго Франции продолжалось и даже усилилось, поставив тем самым Израиль в такое сложное положение, какого руководители страны даже не предполагали. Ситуация требовала чрезвычайных мер, и вновь на помощь был призван Моссад.

В следующих двух главах рассказывается лишь о маленькой части того, что было сделано израильской разведкой, чтобы преодолеть французское эмбарго на поставки вооружения.

Ракетные катера из Шербура

В 1962 году агентура Моссад в Египте сообщила в штаб-квартиру в Тель-Авиве о том, что Советский Союз планирует усилить ВМС этой страны некоторым количеством скоростных ракетных катеров типа «Комар» и «Оса». Каждый из этих катеров имел на вооружении ракеты класса «море — море» с дальностью пуска до 25 миль. Совершенно очевидная угроза нависла над прибрежными городами Израиля, среди которых были такие крупные центры, как Тель-Авив и Хайфа.

В то время ВМС Израиля насчитывали всего-навсего две старые подводные лодки английской постройки, дюжину торпедных катеров и пару тихоходных и неуклюжих эсминцев. У Египта же было двенадцать современных подводных лодок, десять фрегатов, шесть эсминцев и более пятидесяти торпедных катеров. Усиленные еще и ракетными катерами, египетские ВМС получали подавляющее превосходство.

Израильские военные эксперты решили, что лучшей защитой от надвигающейся угрозы станут небольшие скоростные ракетные катера того же класса, что и поставляемые Советским Союзом Египту. Времена огромных боевых кораблей прошли: они были слишком уязвимы для современных ракет большого радиуса действия. Израильтянам было известно, что западные немцы приступили к созданию самых совершенных в то время в мире катеров типа «Ягуар». Сверхманевренные «ягуары» могли развивать скорость до сорока пяти узлов в час.

Именно этот тип катеров полностью отвечал требованиям израильского флота. Имея эти катера, вооруженные израильскими ракетами «Габриэль», он действительно мог противостоять египетской угрозе. Ракеты

«Габриэль» имели преимущество перед аналогичными советскими ракетами, которое заключалось в способности лететь низко над водой, что значительно затрудняло их обнаружение.

В том же 1962 году премьер-министр Бен-Гурион направил в Бонн заместителя министра обороны Шимона Переса для встречи с канцлером Аденауэром. Последний согласился поставлять оружие Израилю в качестве компенсации за преступления, совершенные фашистской Германией против евреев. Это соглашение включало и поставку израильтянам двенадцати катеров типа «Ягуар». Их планировалось построить на военноморской верфи в Киле в ближайшие несколько лет. Единственное условие, выдвинутое Аденауэром при совершении сделки, заключалось в следующем: в силу того, что существовала потенциальная возможность вызвать недовольство арабских стран, с которыми у ФРГ в то время были хорошие деловые отношения, сделка с катерами должна оставаться секретной.

К декабрю 1964 года, примерно через два года после подписания контракта, в Израиль были поставлены первые три катера. Именно в это время в газете «Нью-Йорк таймс» просочилась информация относительно этих поставок по вине сотрудника администрации ФРГ, который, как и многие его коллеги, остался верен нацизму. Он яростно протестовал против проводимой Бонном политики, направленной на то, чтобы «быть хорошим для всех евреев».

Когда статья появилась на страницах «Нью-Йорк таймс», она вызвала бурю возмущения в арабских странах. На западногерманское правительство было оказано давление, и оно было предупреждено, что в случае продолжения поставок оружия Израилю арабские страны предпримут по отношению к ФРГ экономические санкции, вплоть до полного торгового бойкота. Давление оказалось слишком сильным: ФРГ согласилась с тем, что на верфи в Киле больше не должны строиться ракетные катера «Ягуар» для ВМС Израиля.

Вместе с тем, чтобы не обижать израильтян, немцы пошли на то, чтобы разместить заказ на какой-либо другой верфи. После достаточно длительных колебаний израильтяне договорились о выполнении заказа на верфях Шербура во Франции. Это было вполне логично, так как в тот период Франция поставляла Израилю 75 процентов всего импортируемого им оружия.

Такое решение вопроса вполне удовлетворило Израиль и Феликса Амьо — генерального директора верфей Шербур. Он был рад возможности сохранить рабочие места на своем производстве.

Через пару месяцев уже более 200 израильтян жили и работали в портовом французском городе Шербуре. Город стал напоминать небольшой филиал главного штаба израильского военно-морского флота после того, как техники и инженеры из Хайфы поселились в домах и квартирах в районе доков. Они работали в тесном контакте со своими французскими коллегами. Израильские специалисты предлагали много новых идей, которые впоследствии использовались при конструировании французских боевых кораблей.

Тель-Авив старался направлять в Шербур военных, приехавших в свое время в Израиль из стран Северной Африки — Алжира или Марокко, то есть бывших французских колоний. Если это было невозможно, то в первую очередь во Францию направлялись специалисты, свободно владеющие французским языком. Это помогло им быстро освоиться в Шербуре и стать своими для местных жителей. Их жены свободно изъяснялись в местных магазинах, а дети не испытывали проблем с обучением в местных школах.

Однако военнотружущие израильтяне находились под постоянным контролем своего начальства. Матросы, даже холостые, питавшиеся в местных ресторанах и кафе, почти не пили алкогольных напитков. Когда они хотели присоединиться к компании молодых шербурцев, чтобы сходить в бар где-нибудь на улице Гамбетта, они обязаны были получить на это разрешение своих офицеров. Мадам Гийо, пожилая консьержка в местном отеле, где жили израильтяне, с восторгом отзывалась об их безупречном поведении. «Они называли меня «мадам», — говорила она, — и очень редко мне приходилось просить их не шуметь, когда они поздно возвращались домой».

Конечно, были и проблемы. Один израильский матрос однажды был арестован за появление в нетрезвом виде. Он отказался следовать в участок, и, для того чтобы усмирить его, пришлось вызвать машину с жандармами. Более того, он оказался в компании проститутки, которая также была арестована. Все это застави-

ло на следующее утро покраснеть некоторых израильских и французских офицеров, которые пытались замять инцидент.

В другой раз местный молодой человек умудрился проскользнуть мимо часовых, охранявших верфь, и стал фотографировать строящиеся ракетные катера. За этим занятием его и застали. Не на шутку рассерженные израильтяне отобрали у него фотоаппарат и выдворили юношу за территорию верфи. Когда тот пришел домой без фотоаппарата, отец, имевший солидный вес в деловых кругах города, устроил скандал. В результате потребовались неимоверные усилия, чтобы урегулировать проблему. Израильтянам пришлось купить незадачливому фотографу пленку и торжественно вручить ее вместе с изъятой камерой. Но полюбоваться снимками ракетных катеров ему уже, конечно, не пришлось.

Шербурским строительством руководил Мордехай Лимон. Бригадный генерал по званию, Лимон отвечал за закупки оружия в европейских странах для Израиля.

Несмотря на то что ему только что перевалило за сорок, генерал имел более чем двадцатилетний опыт военно-морской службы. Впервые он увидел море восьмилетним мальчиком, когда его родители эмигрировали из Польши в Палестину. Как только он достиг соответствующего возраста, Лимон вступил в «Пал-Ам» — военно-морское формирование подпольных вооруженных сил евреев в Палестине. С началом второй мировой войны он, как и многие молодые евреи, добровольно поступил на службу в торговый флот Великобритании: здесь он получил возможность не только сражаться против нацистов, но и приобрести бесценный опыт, который так ему пригодился после окончания войны.

Во время службы Лимона в британском флоте в одной из характеристик о нем было написано следующее: «Он полностью соответствует типу английского джентльмена и в то же время может быстро и правильно реагировать на экстремальную ситуацию». В годы войны он ходил на британских кораблях в составе конвоев, доставлявших американские грузы по ленд-лизу в порт Мурманск. Несколько раз ему и его товарищам приходилось бороться за жизнь: суда, на которых они служили, торпедировались немцами.

В конце войны, несмотря на молодость (ему был всего двадцать один год), Лимон был назначен командиром утлого спасательного суденышка, которое прини-

мало участие в попытках преодолеть британскую военно-морскую блокаду Палестины. Это была работа, связанная с постоянным риском. Во время одного из рейсов отказал двигатель судна: застопорился винт. К тому же они были обнаружены английским сторожевиком. Лимон нырнул в воду и принялся вручную освобождать винт. После нескольких попыток это удалось. Однако англичане успели захватить судно израильтян и взять его на бордаж. Лимон спрятался в одной из кают и тем самым избежал ареста. Англичане доставили судно на Кипр, где Лимону удалось незамеченным покинуть борт корабля. Через несколько дней он вновь оказался в Палестине и начал подготовку к отплытию в Марсель, где принял под командование другой корабль, перевозивший в Палестину еврейских беженцев.

В другой раз, в 1948 году, Лимон осуществил казавшуюся самоубийственной операцию против египетских военных кораблей, стоявших в Порт-Саиде. На маленьком скоростном катере — практически единственной боевой единице, имевшейся в распоряжении израильского флота в то время, — он пробрался в акваторию порта и установил мину на днище египетского корабля. Чтобы убедиться, что все сделано как следует, Лимон остался в воде неподалеку от заминированного корабля. Единственной защитой от взрыва ему послужил старый матрац, который он обернул вокруг своего тела. Когда мина взорвалась, Лимона выбросило из воды и он остался жив только чудом. Однако корабль противника затонул.

Невероятные подвиги сделали Мордехая Лимона национальным героем, и поэтому ни для кого не было сюрпризом, когда в 1950 году двадцатилетний Лимон стал главнокомандующим алочисленных ВМС Израиля.

Через четыре года, почувствовав себя старым для того, чтобы занимать этот пост, Лимон ушел в отставку и отправился в Нью-Йорк, где получил диплом Колумбийского университета. Таким образом, через несколько лет, когда Мордехая назначили ответственным за производство вооружений для Израиля, он имел прекрасную подготовку для того, чтобы с толком распорядиться миллионами долларов, которые оказались в его распоряжении. Он сыграл решающую роль в деле модернизации вооруженных сил Израиля в конце 50 — начале 60-х годов.

Работая в тесном контакте с генеральным директором Феликсом Амьо и техническими специалистами, принимавшими участие в постройке ракетных катеров в Шербуре, Лимон вел этот проект с самого начала.

Поэтому не случайно один из апрельских дней 1967 года, когда был спущен на воду первый из катеров, названный «Мивташ», стал для него счастливым. Лимон и его французские и израильские коллеги собрались в шербурском отеле «Софитель» отпраздновать это событие. Пока из бутылок вылетали пробки, он представил Феликсу Амьо, с которым успел подружиться, командира первого катера — капитана второго ранга Эцру Кедема. Эцра, косматый светловолосый гигант, имел такой свирепый вид, что французы тут же прозвали его «Эцра-акула». Через несколько дней после завершения строительства катера он принял над ним командование и ушел в Хайфу. Второй катер был сдан через месяц и тоже быстро был отведен в Израиль.

К великому сожалению израильтян, катера поступили слишком поздно и не принимали участия в шестидневной войне, так как не оставалось времени установить на них вооружение.

Однако к тому времени израильтян больше волновали другие проблемы. Генерал де Голль прекратил все поставки наступательных вооружений Израилю, что означало невозможность для израильских ВВС подготовить необходимое количество самолетов, запчастей к ним и другое оборудование к войне.

В Париже Мордехай Лимон возглавил израильскую делегацию, которая пыталась убедить французское правительство выполнить свои обязательства. Однако Франция явно заняла проарабскую позицию.

Вместе с тем в Шербуре, казалось, никто не слышал об эмбарго. Осенью к израильским берегам ушли еще два готовых катера и продолжалось строительство остальных.

В декабре, однако, события начали принимать нежелательный оборот. 28-го числа группа израильских командос предприняла ответный налет на бейрутский аэропорт. Не пролив ни капли крови, они взорвали тринадцать самолетов и вернулись в Тель-Авив.

Похоже, что де Голль был полон решимости использовать этот инцидент для того, чтобы серьезно проучить Израиль. Не поставив в известность даже членов

парламента, он приказал французской таможне не пропускать никакие вооружения в Израиль.

Теперь эмбарго стало полным. Контейнеры с запасными частями для «миражей» были задержаны в Марселе. Было запрещено загружать электронным оборудованием израильский транспортный самолет, готовый уже подняться в воздух из аэропорта Ле Бурже. Поставка ракетных катеров из Шербурга также была заморожена. Вначале Лимон думал, что эти поставки будут исключены из списка запрещенных к экспорту и осуществляться в «порядке исключения». Он был удивлен и взбешен, когда ему по секрету сообщили о решении де Голля (оно не обнародовалось правительством Франции).

Немедленно Лимон направил телеграмму министру обороны Моше Даяну. Через несколько часов телеграмму доставили министру домой, в пригород Тель-Авива Цахал, где проживали многие высшие офицеры израильской армии. Прочитав телеграмму, Даян задумчиво провел рукой по черной повязке на глазу, что было верным признаком интенсивных раздумий.

«Любопытно, — сказал он, — что генерал де Голль всегда умудряется нагадить нам в пятницу, накануне святой Субботы». Он не мог не припомнить такой же телеграммы, полученной 2 июня 1967 года, когда де Голль объявил об эмбарго на поставки наступательных вооружений Израилю. Та телеграмма подтолкнула израильское руководство к принятию решения о превентивном ударе по Египту с целью завершить войну в кратчайшие сроки еще до того, как будет полностью израсходован резерв запасных частей для боевой техники.

Моше Даян долгое время боготворил президента Франции. Он потерял глаз в Сирии, сражаясь с войсками правительства Виши — главными врагами де Голля в годы второй мировой войны. Когда в конце 50-х годов стали укрепляться связи между Францией и Израилем, Даян полностью поддержал Давида Бен-Гуриона, назвавшего де Голля «настоящим другом и верным союзником». Более того, де Голль направил Моше Даяну личное поздравление по поводу выпуска книги «Синайская кампания 1956 года».

Теперь тот же де Голль вводил полное эмбарго на поставки уже оплаченного Израилем вооружения; тот же человек стал именоваться «героем» в арабской прес-

се. «Настоящий союзник» отказывался возвратить деньги, уплаченные за «миражи», которые он не собирался поставлять Израилю.

Когда Даян сообщил новость на заседании кабинета министров в воскресенье, министр внутренних дел, который одновременно возглавлял религиозную партию, процитировал из «Книги царств»: «И в смерти ты обрящешь?»

Три ракетных катера, готовые к отправке, стояли в Шербурской гавани. По их палубам были разбросаны пустые баллоны из-под кислорода, инструменты, пустые термосы и винные бутылки, оставленные французскими рабочими.

В пять часов утра 4 января 1969 г., через неделю после драматического заявления де Голля, основные экипажи трех катеров спокойно проследовали через пустынный двор. Рабочие уже разъехались на выходные. Не проявляя излишней суеты, израильские матросы в течение трех часов интенсивно работали, пытаясь полностью подготовить катера к выходу в море. Когда все было готово, а моторы прогреты, они смело подняли над катерами израильские флаги и отчалили. Никто не обратил на это внимания. Катера просто вышли в воды Ла-Манша и исчезли навсегда.

Когда новость об этой беспрецедентной акции достигла Парижа, министр обороны Франции спросил у Мордехая Лимона, куда ушли катера. На это он получил простой и однозначный ответ: «Катерам приказано взять курс на Хайфу. Они принадлежат нам».

Президент де Голль был взбешен. Мишель Дебре, внук раввина, принявшего христианство, был среди тех, кто требовал принять по отношению к Израилю самые суровые санкции. Он призывал кабинет немедленно разорвать с этой страной дипломатические отношения. Более умеренные члены кабинета призывали к сдержанности, но, так или иначе, началось расследование этого инцидента.

Военно-морские и таможенные власти в Шербуре сделали вид, что ничего не случилось. По невероятному совпадению оказалось, что никто не читал газет, не смотрел телевидения и не слушал радио в предыдущие дни. Как сказал один из них: «Мы ничего не знали об эмбарго».

Официальные лица заявили, что впервые они услышали об эмбарго только 6 января — через два дня после ухода катеров. Они представили документы и почтовые ведомости в подтверждение своих слов. Конечно, соглашались они, этот инцидент поставил правительство в очень неловкое положение, но они же неоднократно жаловались на плохую работу почты, не обеспечивавшей быструю доставку корреспонденции из столицы в их город. Может быть, теперь сам президент обратит на это внимание министра связи...

Противостояние Парижа и Шербура продолжалось несколько недель. Было все: и объемные доклады, и взаимные обвинения, кочевавшие из одного ведомства в другое. А тем временем продолжалось строительство последних пяти ракетных катеров.

Тель-Авив завалил Мордехая Лимона срочными телеграммами: Израиль обязательно должен получить оставшиеся катера.

Однако военно-морские и таможенные власти Шербура после обвинений в ротозействе были настороже: заказанные Израилем катера находились под постоянным наблюдением. Теперь невозможно было просто увести их в море в выходной день.

В ноябре 1969 года Мордехай Лимон был срочно вызван в Тель-Авив для консультаций с Моше Даяном, другими высшими военными руководителями и представителями разведки Израиля. Цель консультаций: найти способ доставки ракетных катеров из Франции. Несмотря на то что все были согласны с необходимостью осуществления этого шага, обсуждение конкретных деталей операции вызвало бурные споры.

Несомненно, наиболее предпочтительным было убедить французское правительство выполнить взятые обязательства.

Имелись подписанные соглашения и документы, подтверждающие оплату заказа. Катера принадлежали Израилю. Однако никто не представлял себе лучше, чем Мордехай Лимон, что французы не скоро изменят свое решение по поводу эмбарго, что официальная линия правительства Франции четко определена. Эмбарго было реальностью, которая не изменится в ближайшее время. Израилю не удастся получить свои катера с помощью дипломатов. Было очевидно, что придется

действовать какими-то другими, окольными путями. Однако такое решение предполагало моральные компромиссы, по поводу которых у многих участников совещания возникли вполне обоснованные сомнения. Все хорошо помнили волну критики, обрушившейся на Израиль, по поводу нарушения суверенитета Аргентины, когда в эту страну были направлены агенты секретной службы с целью выкрасть Адольфа Эйхмана. Никто не хотел, чтобы Израиль завоевал славу страны, не уважающей законы и нормы международного права во благо своих собственных интересов.

Верх, однако, взяла точка зрения тех, кто считал такими же незаконными обстрелы израильских кораблей и имущества на берегу отлично вооруженными египетскими катерами. Эти люди утверждали, что под угрозу поставлено само существование Израиля. Ракетные катера помогут выравнить соотношение сил. Конечно, неприятно, когда тебя обвиняют в пиратстве, но это лучше, чем наблюдать парад египетских войск в Тель-Авиве.

После нескольких дней острых дебатов руководство вооруженных сил и разведки пришло к общему мнению: только при помощи чрезвычайных мер можно заполучить принадлежащие Израилю ракетные катера.

Оставалось решить: как это сделать?

В тесном контакте с бригадным генералом Лимонном сотрудники Моссад и военные офицеры в течение долгих часов рассматривали различные варианты. Когда был выработан окончательный план, совещавшиеся приступили к его детальной разработке. Учитывались каждая мелочь, все возможные обстоятельства. Моссад понимал, что осуществить план будет необычайно сложно, так как в его реализации должны были принять участие не только хорошо подготовленные разведчики, но также и техники, матросы и другие лица, не имеющие опыта работы в разведке. Кроме того, от каждого участника операции требовалось соблюдение строжайшей конспирации.

Мордехай Лимон заверил, что его люди не подведут. Операция под кодовым названием «Ноев ковчег» должна была завершиться успешно.

Через десять дней Лимон вернулся в Париж. Он сразу же позвонил Феликсу Амью и официально объявил

директору верфей Шербура, что Израиль больше не нуждается в ракетных катерах. Их придется ждать слишком долго, сказал он, а Израиль не настолько заинтересован в них, чтобы позволить себе такую трату времени. Израильтяне готовы уступить катера любому подходящему покупателю. Единственное условие сделки заключалось в том, чтобы Израилю были возвращены деньги, которые уже израсходованы на строительство. Амьо согласился со справедливостью этого требования.

Вскоре после этого телефонного разговора Феликса Амьо посетил некий Мартин Сим, который представился как владелец строительной компании и директор норвежской судоходной компании «Старбоут энд вейл». До этого Сим встречался с Амьо в Париже, и француз напомнил ему об их встрече.

— Насколько я помню, вы из Осло, — сказал Амьо.

— И да, и нет. Моя компания зарегистрирована в Панаме, но Осло я называю своим домом.

Вскоре они перешли к цели визита Сима. Он сказал Амьо, что слышал о продаже израильских кораблей и заинтересован в их приобретении.

— Этот тип судов — как раз то, что необходимо моей компании для ведения нефтеразведки, которую мы осуществляем в настоящее время у берегов Аляски. Единственная проблема — время. Эти катера нужны мне как можно скорее. Нас поджимают сроки.

Все финансовые вопросы, связанные со сделкой, были улажены довольно быстро, и удовлетворенные бизнесмены пожали друг другу руки. Амьо гордился тем, что оказался таким деловым и быстро заключил сделку.

На следующий день Амьо написал письмо министру обороны, который должен был утвердить сделку. Амьо сообщил, что у него есть серьезный клиент, готовый заплатить неплохую цену за катера.

Запрос поступил на утверждение в Межведомственный комитет по контролю за экспортом оружия (МККЭО). Там препятствий для совершения сделки не нашли. У Феликса Амьо было официальное письмо израильтян, в котором те отказывались от катеров, а так как катера не были оснащены оружием, их не следовало рассматривать как военные. Норвегия не Ближний Восток, эмбарго на нее не распространяется.

Таким образом, 18 ноября МККЭО одобрил продажу катеров компании «Старбоут энд вейл».

Если бы французы более внимательно подошли к изучению вопроса, они бы обнаружили, что компания «Старбоут энд вейл» была создана всего несколько дней назад, 5 ноября, на базе панамской юридической фирмы «Ариас фабрега и фабрега». Они без труда узнали бы, что Мартин Сим имел тесные контакты с сотрудником израильской паровой компании Якобом Меридором и с другим израильтянином Милой Бреннером, директором компании «Мартила фрут карьерс, лтд.». Можно было бы поинтересоваться, зачем использовать в нефтеразведке высокоскоростные катера, созданные для военных целей; или почему владелец строительной компании не хочет сам построить катера, специально разработанные для нефтеразведки.

Однако французам хотелось поскорее избавиться от катеров. Их продажа норвежцу и возвращение денег Израилю решат проблему, вставшую перед политиками, которые уже устали от шумихи вокруг эмбарго. Никто даже не подумал о том, чтобы сообщить о сделке президенту или его кабинету.

Работая, на удивление, быстро, гражданские власти оформили необходимые для совершения сделки документы всего за несколько недель. Документы были отправлены в Шербур экспресс-почтой. Почтовые власти Шербура решили доставить пакет прямо в руки Феликсу Амьо. Они не желали более выслушивать упреки за свою медлительность.

Тем временем в Шербур стали прибывать в большом количестве молодые матросы. Удивившимся вначале местным жителям, которым было известно, что израильтяне отказались от катеров, скоро объяснили, в чем дело: катера купили какие-то норвежцы и теперь приехали их забирать. Стало понятно, почему среди прибывающих моряков так много голубоглазых блондинов.

Норвежцы не собирались долго засиживаться в Шербуре. Это сразу понял владелец небольшого магазина «Табак Дюмон», расположенного по соседству с гаванью. Он делал отличный бизнес на матросах, которые покупали блоки сигарет вместо обычных пачек. Когда у него появлялась свободная минутка, он наблюдал через окно, как матросы старательно закрашивают

названия катеров на иврите и выводят на бортах новые: «Старбоут-1», «Старбоут-2».

Израильтяне, оставшиеся в Шербуре, напротив, вели себя так, будто еще долго намеревались здесь жить. По мере приближения Рождества некоторые из них сказали своим приятелям, что собираются в Париж, чтобы навестить родных и друзей. Другие (более 70 человек) заказали столики в «Кафе дю театр» на Рождество. Всем своим поведением они старались показать, что ничего не происходит, даже несмотря на то, что их катера уже проданы и им никакого смысла не было оставаться в Шербуре.

Правда, некоторые жители города все же заметили несколько необычное поведение своих израильских гостей. Так, в местном казино израильский матрос, обычно делавший маленькие ставки, вдруг стал играть покрупному. Крупье, хорошо знавший этого матроса, спросил его о причинах такой перемены. Моряк ответил: «Не имеет значения. Все равно я скоро уеду». Это вызвало моментальную реакцию двух компаньонов израильянина, которые стали что-то резко выговаривать ему на иврите. Было совершенно очевидно, что их товарищ допустил непростительную ошибку.

Другие шербурцы обратили внимание на то, что прибывшие норвежцы оказались настоящими полиглотами: они знали иностранные языки, в том числе и иврит.

Еще более странным было регулярное появление в гавани капитана второго ранга Эцры Кедема, который командовал первым ракетным катером, ушедшим из Шербура восемнадцать месяцев назад.

18 декабря были завершены все формальности по продаже катеров компании «Старбоут энд вейл». В ту же ночь жители Шербура слышали рев моторов: это норвежцы приступили к испытаниям катеров. Испытания продолжались несколько ночей подряд, и вскоре шербурцы привыкли к ним.

Наконец одна из жительниц города получила возможность узнать все точно об этих катерах и их скором отплытии. Это была жена владельца местного кафе — Стефани. В течение нескольких месяцев у Стефани был роман с израильянином по имени Негемия — симпатичным моряком алжирского происхождения, который готовился стать командиром одного из катеров.

Стефани и Негемия любили друг друга и подумыва-

ли о возвращении в Израиль вместе. Женщина была готова оставить мужа ради двадцативосьмилетнего израильянина. В декабре ей стало ясно, что Негемия скоро уедет. Он никогда не говорил ей об этом, но догадаться было нетрудно. Столкнувшись с необходимостью немедленного выбора, Стефани пришла к выводу, что любовник — это любовник, а муж — это муж. Поэтому она решила не разрывать брак. На память она подарила израильянину белого щенка. Вначале Негемия не знал, что с ним делать. Как отнесутся матросы к собаке на борту катера, которому предстояло совершить трудный и долгий переход в Хайфу? Но щенок понравился всем и быстро стал полноправным членом экипажа.

С 18 по 23 декабря израильские экипажи интенсивно работали по ночам, проверяя и подготавливая катера к длительному походу. Накануне Рождества все было готово.

В то утро Мордехай Лимон попрощался с женой Рашель, дочерью Нили и сыном Цвикой и покинул парижский дом. Заглянув по пути в офис на бульваре Малешерб, адмирал направился в Шербур.

Наблюдательные прохожие в этом городе могли заметить, как долго Эзра-акула стоял на берегу, рассматривая в бинокль море и бухту. Особый интерес для него представляли два фарватера, которыми пользовались корабли для захода в Шербур и выхода из него. Западный фарватер глубиной в 65 футов, находившийся под охраной, использовался чаще. Но внимание Кедема привлекал восточный, который был значительно уже и реже использовался. Капитаны кораблей недолюбливали этот фарватер не только потому, что он был узким, но и потому, что в нем встречались перемещающиеся камни, накопившиеся здесь за многие годы. Проходить по восточному фарватеру всегда было очень сложно, а в описываемый период стало еще сложнее.

Тем не менее именно через этот фарватер уже ушли три катера. Преимущество его заключалось в том, что на пути следования по этому фарватеру было несколько закрытых зон, в которых радарные станции, установленные в гавани, не могли засечь движущиеся объекты. Эзра знал это от своих французских друзей. Совершенно очевидно, что израильянам следует воспользоваться

восточным фарватером и на этот раз. Предстояла опасная работа.

У Эцры Кедема был еще один повод для беспокойства. Он был не на шутку встревожен, когда 12 декабря Мишель Дебре, антиизраильски настроенный премьер-министр, прибыл в сопровождении пяти членов кабинета на церемонию спуска на воду новой атомной подводной лодки «Терибль». Наблюдательный военный советник обратил внимание на то, что пять ракетных катеров стоят в доке близко друг к другу, и предложил развести их по разным местам. «С этими израильтянами связываться опасно, — сказал он, — они могут стать объектом теракта со стороны арабов».

Феликс Амьо успокоил офицера. Охрана была на высшем уровне, а кроме того, израильтян больше не интересовали катера. Они проданы «каким-то норвежцам». Однако, чтобы подстраховаться, Амьо посетил редактора местной газеты «Ле фар де Ла-Манш» и напомнил ему об уговоре сохранять полное молчание о нахождении ракетных катеров в Шербуре. В результате в местной печати не было опубликовано ни одного сообщения относительно катеров.

Операция «Ноев ковчег» вступала в решающую, финальную стадию.

Лимон прибыл в район шербурской гавани в четыре часа дня и сразу же зарегистрировался в отеле «Софитель». После этого он направился в гавань, где встретился с капитаном Эцрой Кедемом и одним из «голубоглазых норвежцев» — хорошо известным ему моряком, с которым они были знакомы уже двадцать лет, — капитаном второго ранга Ходом. Они пожали друг другу руки и отправились инспектировать катера.

На борту каждого из катеров находилось двадцать израильских моряков.

Обсуждая создавшуюся ситуацию, все трое выглядели встревоженными: даже в закрытой бухте был сильный ветер. В открытом море был настоящий шторм. Крупнотоннажные суда, приспособленные к дальним походам, с трудом могли выдержать подобное испытание. А что говорить о ракетных катерах, конструкция которых не предусматривала плавание в шторм в открытом море?

Кто-то нервно пошутил, что «это станет хорошей практикой для экипажей, назначенных для ведения

нефтяной разведки у берегов Аляски». Никто не засмеялся.

Лимон недовольно пробурчал:

— Если ветер не успокоится, вам не удастся выйти в море сегодня ночью. А если вы не уйдете сегодня, вполне возможно, что катера никогда не придут в Хайфу. Вряд ли у нас будет еще одна такая возможность.

— Ветер дует как раз в противоположную сторону, — согласился Ход. — Это очень плохо. Нам предстоит тяжелейшая работа.

Эзра-акула молча уставился на небо. Он передернул плечами и просто сказал:

— Встречный ветер. Боковой ветер. Попутный ветер. Какая разница? У нас нет выбора. Мы должны уходить сегодня. А пока мне надо сходить в город и купить окорок, который я кое-кому обещал дома. Пожалуй, я сделаю это прямо сейчас.

Мордехай Лимон положил руку на плечо своего друга:

— У тебя есть более важные дела, которыми следует заняться сейчас. Я схожу в город и куплю тебе окорок, — сказал он и отправился за покупкой.

Следующие несколько часов прошли в спешной, но методичной работе.

Все экипажи проверили запасы продовольствия, инструментов и другого необходимого оборудования. Топливные баки были заправлены полностью, на борт были приняты дополнительные емкости с горючим. Эзра Кедем, который командовал головным катером, до последнего момента внимательно следил за погодой и обстановкой в бухте.

Ровно в девять вечера взрехали моторы.

В это время в городе шли приготовления другого рода. Был канун Рождества. Жители Шербура заканчивали наряжать елки и открывали бутылки с шампанским. Усаживаясь за праздничные столы, они, конечно, слышали шум работающих двигателей. Но этот шум стал частью их жизни в последние дни, поэтому они не придали ему особого значения.

Удивились только сотрудники «Кафе дю театр», так как столы, заказанные израильянами, остались незанятыми. Служащим кафе не потребовалось много времени, чтобы догадаться о том, что случилось.

Сами же израильяне не были уверены, что их

хитроумный план, детально проработанный в штаб-квартире Моссад, ввел в заблуждение все секретные службы Франции. И действительно, французы обратили внимание на внезапный отъезд из Шербурга большого количества семей израильских моряков. Они перехватили интенсивную двустороннюю связь с Израилем. Им было известно о том, как «проговаривались» израильтяне, например, как это случилось в казино. Они слышали о норвежцах, говоривших на иврите. Не заметить все эти совпадения было невозможно.

20 декабря агенты спецслужб сообщили в Париж об этих фактах. Совершенно очевидно, что израильтяне и норвежцы на катерах отбывали в одно и то же время. Но до Рождества оставалось всего пять дней, и на это не обратили особого внимания. Предупреждение было положено под сукно непрочитанным.

К полуночи рев двигателей слился со звоном колоколов и звуками сирен всех кораблей, стоявших в гавани. Шербург праздновал Рождество. В церквах началась торжественная месса.

Через пять минут были взяты швартова, и катера осторожно вошли в опасный восточный фарватер. Пройдя его, они дали полный ход и взяли курс на Ла-Манш.

Всего лишь два человека наблюдали уход катеров. Это были Мордехай Лимон и Феликс Амьо.

Впервые Амьо не праздновал Рождество в своем доме на Лазурном берегу. Он ничего не сказал родным о срочном деле, которое заставило провести эту праздничную ночь в Шербуре.

Амьо и Лимон наблюдали за катерами до тех пор, пока они не скрылись из виду. Затем, пожав друг другу руки, они расстались. Лимон поехал в Париж, а Амьо понесся домой к праздничному столу.

На следующий день, рано утром, несколько человек появились в районе доков, чтобы подышать свежим морским воздухом. Они сразу же увидели, что причал, у которого еще несколько часов назад стояли ракетные катера, опустел. Не сговариваясь, они решили «забыть» об увиденном. В ближайшем кафе бармен, подавая посетителю стаканчик вина, заметил: «Я видел, как норвежцы уходили на Аляску». Его слова были встречены дружным смехом.

В Париже Мордехай Лимон был далеко не в веселом настроении. Окончательное решение о выходе катеров принимал он. В результате его распоряжения сотня молодых израильтян в настоящее время находилась в штормовом море на катерах, не приспособленных для плавания в подобных условиях. На катерах находилось всего по двадцать членов экипажей, в то время как по штату было положено иметь сорок пять.

Лимон не отходил от радиоприемника, слушая метеосводки и ожидая узнать первые новости о таинственном исчезновении катеров из Шербурской бухты. Он знал, что, как только пропажа обнаружится, он тоже попадет в «сильнейший шторм». Но в тот момент его больше волновала судьба ста молодых смельчаков, за чью жизнь он нес полную ответственность.

Дипломатический шторм, которого ожидал Мордехай Лимон, мог разразиться уже в полдень в Рождество, когда одному из репортеров «Ле фар де Ла-Манш» сообщили об уходе катеров. Однако сознательный журналист уважал «обет молчания», о котором его редактор условился с Феликсом Амьо, и поэтому решил попридержать информацию до поры до времени.

Втайне от Феликса Амьо, Моссад и, конечно, от репортера, получившего первую информацию, конкурирующая газета «Ост Франс» незадолго до того решила направить своих корреспондентов в Шербур с целью «обскакать» своих конкурентов. Лучшим способом для этого представлялся сбор местных слухов.

Таким образом, 26 декабря, на день позже, чем репортер «Ле фар де Ла-Манш», один из конкурирующих журналистов получил информацию о катерах. Не будучи связанным «обетом молчания», он немедленно передал по телефону статью в редакцию своей газеты в город Ренн. Вскоре Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернэншл подхватили информацию через своих стрингеров в Ренне. Информация попала в Париж, а на следующее утро — на страницы газет во всем мире.

Целый день не умолкали телефоны в министерстве обороны Франции и в доме Мордехая Лимона. Пресс-секретарь министерства обороны имел дело с журналистами практически всех национальностей: «Франция уже отменила эмбарго?», «Что за норвежец купил катера?», «Почему они решили использовать ракетные катера для ведения нефтяной разведки?», «Можем ли мы проци-

тировать вас, что катера взяли курс на Аляску?»

Если француз был суетлив, адмирал Лимон предстал перед журналистами спокойным и вежливым.

— Думаю, что не смогу помочь вам, — сказал он. — Как я понял из сообщения французского правительства, катера были проданы некой норвежской компании. Я сейчас не могу вспомнить ее название. В настоящее время я нахожусь дома, а не в своем офисе. Быть может, вам лучше обратиться к французскому правительству...

В течение дня поступило сообщение: катера обнаружены. Они идут курсом на Гибралтар. Стало ясно, что они выбрали не самый короткий путь к Аляске.

Президент Жорж Помпиду, сменивший на этом посту генерала де Голля в апреле, получил сообщение, находясь на рождественских каникулах с семьей в своем загородном доме. Генеральный секретарь Мишель Жобер, которому пришлось докладывать о случившемся, вспоминал, что Помпиду был взбешен. Так же отреагировал и министр иностранных дел Морис Шуман, который только что вернулся из очень удачного турне по Алжиру и Египту, во время которого он обещал арабам дружественное отношение и крупные поставки французского оружия в обмен на нефть. Теперь арабы подумают, что Франция позволила Израилю получить заказанные катера. Шуман то и дело повторял своим сотрудникам, что он унижен, и требовал немедленного принятия санкций против Израиля.

Президент Помпиду, однако, был реалистом. Кто бы ни управлял в тот момент ракетными катерами — норвежцы, израильтяне или панамцы, вряд ли он что-либо мог сделать. Он спросил Шумана: «Вы предлагаете бомбардировать их? Торпедировать?» Командование ВМС Франции уже доложило, что в их распоряжении нет кораблей, способных сейчас же перехватить ракетные катера.

Морис Шуман позвонил в резиденцию посла Израиля в пять часов вечера 28 декабря и потребовал, чтобы тот немедленно явился к нему. К сожалению, в это время Эйтан находился в Швейцарии на встрече с друзьями. Тогда Шуман потребовал, чтобы к нему прибыл кто угодно, раз не может посол.

Таким образом, к министру иностранных дел приехали два дипломата низшего ранга. Шуман кричал на них более часа:

— Что вы сделали с ракетными катерами? Я требую ответа! Я требую ответа срочно! Это просто невообразимо, что катера держат курс на Израиль! Но если они все же придут туда, Израиль ждет самые серьезные последствия.

Как можно спокойнее старший из дипломатов, пресс-атташе Ави Примор, ответил, что ему ничего не известно о ракетных катерах, но он обязательно направит соответствующее сообщение своему правительству в Иерусалим.

На следующий день премьер-министр Голда Меир созвала совещание кабинета. По окончании совещания в Париж была послана телеграмма, в которой говорилось, что правительство Франции само продало катера норвежской фирме «Старбоут энд вейл». Конечно, отмечалось в телеграмме, вполне возможно, что норвежцы сдали в аренду купленные катера какой-либо израильской фирме.

Спокойный тон телеграммы из Иерусалима не передавал бурю страстей, разразившуюся на заседании кабинета. Голда Меир и Моше Даян хотели с самого начала признать, что катера идут курсом на Хайфу. Придерживавшийся традиционных установок в политике Абба Эбан настаивал на том, чтобы все отрицать. В конце концов был найден компромисс.

В это самое время Насер встречался с полковником Муамаром Каддафи. Зная, что катера идут без оружия, они обсуждали идею перехватить и потопить их. Для этих целей выделялась подводная лодка, однако предусмотрительные израильтяне уже направили свои боевые корабли навстречу безоружным катерам. Египетская подводная лодка вернулась на базу, не сделав ни одного выстрела.

Хотя попыток потопить катера не было, без внимания их не оставили. Французские «миражи» постоянно кружили над ними. То же делали ВВС США и других стран НАТО. Командование 6-го флота США направило в район авианосец, с которого фотографировали катера. Русские тоже вмешались, направив несколько боевых кораблей, которые затеяли некую игру в кошки-мышки. Недалеко от берегов Кипра один из советских кораблей настолько близко подошел к израильскому катеру, что создалась реальная угроза столкновения. Но все обошлось.

Международная шумиха вокруг израильских катеров

принесла совершенно неожиданный дивиденд. На катере, которым командовал молодой Негемия, все были в восторге от Милоу — белого щенка терьера. Он очень быстро привык к качке и не страдал морской болезнью, чего нельзя было сказать о других членах экипажа. Щенок быстро выучился ходить по палубе большими шагами, чтобы сохранить равновесие на волне.

Уже после того как катер вышел в Средиземное море, с щенком стали твориться непонятные вещи. Без видимых причин он начинал дрожать и поскуливать. Через несколько мгновений после этого оператор суперсовременной радиолокационной станции, установленной на катере, объявлял, что он засек цель. И действительно, вскоре над катером появлялся французский «Мираж». Когда эти совпадения повторились несколько раз (странное поведение щенка и фиксация сигнала на радаре), команда поняла, что любимец экипажа, милый и веселый щенок, представляет собой более эффективное и быстрое средство обнаружения противника, чем самое современное электронное оборудование.

Во время войны 1973 года Негемия вновь взял на борт своего катера Милоу. По крайней мере трижды безошибочная реакция собаки предупреждала Негемию о грозящей опасности, и капитан успевал принять соответствующие упреждающие меры. В современном морском бою электроника заменила человеческий глаз, однако щенок терьера оказался наиболее полезным помощником.

Как только ракетные катера подошли достаточно близко к берегам Израиля, их стали прикрывать с воздуха израильские истребители. В течение всего остального пути катера ни на секунду не расставались со своим эскортом. Эзра Кедем говорил, что впервые почувствовал себя в безопасности, только когда увидел над катерами израильские самолеты.

Через несколько дней необычный конвой прибыл в бухту Хайфы. Катера были встречены с ликованием.

В Париже реакция не была такой радостной. Два генерала, давшие «добро» на продажу катеров компании «Старбуот энд вейл», были сняты со своих постов. Мордехай Лимон был выдворен из Франции — решение, которое сильно расстроило израильтянина, прожившего в Париже около семи лет, но он вынуж-

ден был подчиниться. Лимон отказался делать какие-либо официальные заявления. По пути в аэропорт репортер поинтересовался у Мордехая, командовал ли он когда-нибудь такими же катерами, как те, которые были построены в Шербуре. С абсолютно спокойным лицом он ответил:

— Нет. Они слишком малы для меня. И в любом случае меня не интересует нефтяная разведка.

Даже после отъезда Лимона общественное мнение не успокоилось. Феликса Амь обвинили в организации заговора, но он защищался:

— Безопасность — это не мое дело. Моя работа заключается в том, чтобы строить корабли. Я очень хорошо ладил с израильтянами, а, насколько мне известно, это не является преступлением.

Амь дал понять, что ни президенту Помпиду, ни кому-либо другому не удастся сбить его с толку. Он не считал необходимым даже принести публичные извинения.

Что касается остальных граждан Шербура, то официальное правительственное расследование констатировало: «Создается впечатление всеобщего заговора молчания по этому делу среди жителей Шербура».

Несомненно, этот тезис не был лишен оснований. Чувства горожан можно обобщить словами мадам Гийо, консьержки отеля, где проживало большинство израильтян. Она знала, что в канун Рождества катера отойдут, потому что в тот вечер один из матросов, немногим старше ее сына, поцеловал ее на прощание. «Я чувствовала, что пришел час расставания, — говорила мадам Гийо, — но я все хранила в тайне. Они не сделали нам ничего плохого, более того, с их помощью появились новые рабочие места. Они полностью расплатились за свои катера. Я никогда не понимала, в чем заключалась проблема».

Единственным жителем Шербура, у которого остались плохие воспоминания об израильтянах, был хозяин кафе, где семьдесят четыре матроса заказали рождественский обед, но оставили его нетронутым и неоплаченным. Он злился около двух недель, до того дня, как с почтой ему пришли оплаченный чек за несъеденный обед и самые искренние извинения.

Владелец кафе, конечно, не догадался, что этот чек был подписан в штаб-квартире Моссад.

Альфред Фраункнехт и бумажные самолеты

Альфред Фраункнехт был беспокойным человеком. В начале июня 1967 года, как только он услышал об объявлении генералом Шарлем де Голлем эмбарго на поставки наступательных вооружений Израилю, он подумал, что эмбарго для страны, находящейся на грани войны со своими могущественными арабскими соседями, станет катастрофой. Если израильские истребители-бомбардировщики «миражи» получают повреждения в ходе боевых действий, для их ремонта у Израиля не будет запасных частей.

Как никто другой Фраункнехт понимал вставшую перед Израилем проблему.

Он был главным инженером отделения швейцарской фирмы «Шульцер бразерз», занимавшегося строительством реактивных истребителей типа «Мираж». Дело в том, что швейцарское правительство купило самолеты у французской фирмы «Дассо» с тем условием, что они будут строиться в Швейцарии. Контракт получила фирма «Шульцер бразерз» из Винтертура. Как куратор проекта Фраункнехт во время своих поездок в Париж часто встречался с израильскими инженерами, приезжавшими на фирму «Дассо» для решения различных технических вопросов. Он подружился с некоторыми из них и часто разговаривал с израильянами на политические и военные темы. Поэтому естественно, что Фраункнехт с неподдельной радостью воспринял победу Израиля в войне.

Однако скоро он понял, что до решения всех проблем Израилю было еще очень далеко. Бескомпромиссный де Голль даже после войны не снял эмбарго и, по всей видимости, не собирался делать этого в ближайшее время.

В декабре в Париж были приглашены представи-

тели стран, закупавших «миражи», чтобы обсудить необходимость внесения изменений в конструкцию самолета. Появлению такой необходимости способствовал опыт, приобретенный израильскими летчиками в ходе шестидневной войны. Фраункнехт представлял на этой встрече «Шульцер бразерз».

Швейцарский инженер был шокирован тем, что происходило на совещании. Французы максимально использовали все, что израильтяне сумели узнать о боевом применении «миражей», однако даже не затронули вопроса о снятии эмбарго. Для Фраункнехта это было грубым нарушением правил честной игры.

Более того, он воспринял это как оскорбление, так как относился к этой стране с большим сочувствием и глубокой симпатией. Как и многие швейцарцы германского происхождения, он был на стороне Германии перед второй мировой войной. А потом, как и многие его соотечественники, испытывал острое чувство вины за свою поддержку Гитлера. Отчасти поэтому он стал ярым сторонником Израиля. По его мнению, Европа осталась в огромном долгу перед евреями за все, что она с ними сделала. А знакомство с израильтянами в процессе работы над «миражами» окончательно убедило его в правильности выбранной позиции.

Однажды вечером в начале 1967 года он ужинал в ресторане со своими израильскими друзьями. Когда он мыл руки, его внимание привлекла татуировка на локте одного израильтянина, стоявшего рядом. Он спросил, что означают вытатуированные цифры.

— Это память о пребывании в Дахау, — ответил израильтянин.

Любой, кому довелось встречаться с уцелевшими узниками гитлеровских лагерей смерти, знает, как сложно ответить на такое признание. Особенно тяжело это было сделать Фраункнехту, чувствовавшему за собой долю вины за преступления нацистов.

Вскоре после этой встречи Фраункнехт решил сам посетить Дахау. Этот вроде бы символический жест с его стороны произвел на швейцарца глубокое впечатление. Он вспомнил о самых страшных моментах в истории мирового сионизма.

Поэтому, когда Фраункнехт увидел, как французы «наносят Израилю удар в спину», он был глубоко встревожен.

Во время ланча с французскими коллегами он очень

пылко защищал интересы Израиля. Эмбарго, говорил он, это непростительная ошибка. Франция задерживала поставку пятидесяти израильских «миражей», которые уже оплачены Тель-Авивом. Действия французов создавали угрозу самому существованию маленькой нации.

— Это дело чести, — сказал он своим коллегам.

— Но что мы можем сделать? — ответил один французский бизнесмен. — Вы же знаете, что тут замешана большая политика. Мы здесь ни при чем. Давайте-ка лучше закажем еще одну бутылочку вина.

Фраункнехт не собирался оставаться в стороне. Он был готов сделать все, что в его силах, чтобы помочь Израилю. И скоро ему представился такой случай.

В конце 1967 года израильтяне внимательно изучали любую возможность получить запасные части к «миражам». Некоторые инженеры, работавшие с Фраункнехтом, знали о его симпатиях к Израилю и считали, что можно было бы обратиться к нему за помощью. Однажды вечером, перед отъездом Фраункнехта в Париж, к нему подошли два знакомых израильтянина и без обиняков спросили, может ли он помочь Израилю приобрести запасные части к самолетам.

— Они стоят сейчас на вес золота, — сказал один из них.

Как и ожидали израильтяне, Фраункнехт с пониманием отнесся к просьбе.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам, — ответил он, — но я не в состоянии заключить сделку такого рода. Мне придется иметь дело со своим руководством. Кроме того, вам необходимо напрямую выйти на правительство Швейцарии.

В январе израильское правительство сделало так, как говорил Фраункнехт. Очень осторожно израильтяне обратились к швейцарскому руководству с вопросом, может ли оно обеспечить поставку запасных частей, которые задерживают французы.

В феврале был получен отрицательный ответ. Все приходилось начинать сначала.

В Тель-Авиве и Иерусалиме вновь и вновь рассматривались возможные альтернативы. Даже несмотря на то что французские секретные службы и военные власти с пониманием относились к проблемам Израиля,

правительство Франции упорно отказывалось снять эмбарго. Некоторые французские летчики, учившиеся вместе с израильянами, предлагали перегнать несколько самолетов в Израиль. Их предложение с благодарностью было отвергнуто из-за необходимости дозаправки самолетов в воздухе во время их перелета, а при таких условиях операция становилась трудноосуществимой и опасной.

Руководство Моссад было в отчаянии. Кто-то предложил еще раз обратиться к Альфреду Фраункнехту. Возможно, он придумает какой-нибудь выход из создавшегося положения?

В апреле 1968 года два сотрудника Моссад вновь нанесли визит Фраункнехту. Полковник Цви Аллон и полковник Негемия Каин встретились с инженером в номере цюрихской гостиницы «Амбассадор» и, представившись вымышленными именами, сказали, что они хотели бы вернуться к известному ему делу.

Ответ на их просьбу вновь был положительным, но, так же как и в прошлый раз, малообещающим. Он сделает все, что в его силах, но гарантировать ничего не может. Аллон и Каин вылетели в Израиль ближайшим рейсом. Они не были уверены, что из этого что-нибудь получится.

Однажды вечером в посольстве Израиля в Париже раздался телефонный звонок. Телефонистка, поднимая трубку, деловым тоном, который иностранцы часто принимают за невежливый, объяснила звонившему, что Цви Аллон, с которым тот хотел поговорить, уже закончил работу и уехал домой.

— Вы не могли бы ему позвонить утром?

Однако человек на другом конце провода настаивал на срочном разговоре. На французском языке с немецким акцентом он объяснил, что звонит из Цюриха по очень важному делу. Нет ли возможности соединить его с полковником Аллоном?

В голосе звонившего слышалась мольба. Телефонистка соединила его с домом Аллона. Когда израильянин поднял трубку, показавшийся ему знакомым голос произнес всего два предложения:

— Я Альфред Фраункнехт. Мне необходимо срочно встретиться с вами.

Затем в трубке раздались гудки.

В эту ночь в израильском посольстве началась лихорадочная деятельность. Уже через несколько часов Цви Аллон спешил в аэропорт Орли, чтобы успеть на ближайший рейс до Цюриха. Из Рима навстречу ему летел Негемия Каин. В штаб-квартиру Моссад была направлена шифрограмма с сообщением о звонке Фраункнехта.

Сотрудники Моссад были взбудоражены. Они знали, что Фраункнехт не станет беспокоить их до тех пор, пока у него не будет чего-либо существенного.

Неужели Фраункнехт нашел способ получить запасные части? Может быть, он сумел убедить швейцарское правительство продать Израилю части и детали сорока семи «миражей», которые оказались не нужными швейцарским ВВС?

Когда они встретились с Фраункнехтом в гостинице «Амбассадор», израильтяне не могли сдержать своего нетерпения. Однако инженер предложил подыскать для беседы более уединенное место.

К удивлению израильтян, он повез их в Видердорф, небольшой район в Цюрихе, пользовавшийся дурной репутацией. Не сошел ли с ума Фраункнехт?

Однако он прекрасно знал, что делает. Видердорф посещали главным образом иностранцы, приезжавшие в Цюрих по своим банковским делам. И Фраункнехт знал, что ни один швейцарский бизнесмен или правительственный чиновник никогда не пойдет сюда. Именно поэтому здесь было безопасно разговаривать с визитерами из Израиля. Они взяли такси до Видердорфа и вскоре сидели за незаметным столиком в одном кабаре со стриптизом.

Фраункнехт заговорил без обиняков:

— Вы теряете время в поисках запасных частей. Я могу достать вам «Мираж» в собранном виде.

— Но это же невозможно, — ответил полковник Аллон. — Как мы сможем украсть швейцарские «миражи»? Насколько нам известно, они хранятся в подземных бункерах в Альпах. Толщина стен и дверей в этих бункерах такова, что их не возьмет даже ядерный взрыв. Да и если бы это было возможно, мы не хотим ссориться с правительством Швейцарии.

Сделав нетерпеливый жест рукой, Фраункнехт прервал израильтянина:

— Я никогда не пойду на это. Отдать вам наши «миражи» было бы предательством. А я не предатель.

Сотрудники Моссад в недоумении взглянули на Фраункнехта. Не теряют ли они здесь время даром?

Угадав их мысли, швейцарец заговорил вновь:

— Я имею в виду чертежи самолета, с помощью которых вы сможете самостоятельно производить «миражи». Я знаю господина Швиммера, президента «Израиль эйркрафт индастриз». И я уверен, что он сможет построить такой самолет. Но для разработки технической документации потребуются годы. Много времени уйдет и на создание необходимых станков и оборудования. Но если в вашем распоряжении будут кальки чертежей, всех чертежей, включая те, которые необходимы для создания станков и оборудования, перед вами откроется кратчайший путь к решению всех проблем. При этом вы получаете возможность не только производить самолеты, но и запчасти к ним уже в течение ближайших месяцев.

Теперь израильтяне старались не пропустить ни одного слова. Пока они с восхищением смотрели на Фраункнехта, он мягко продолжал:

— Вам, конечно, хотелось бы знать цену? Хочу, чтобы вы поняли: я иду на этот шаг не ради денег. Я хочу помочь вам. Но мне будет необходима некая сумма для поддержки семьи на случай, если я буду арестован. То, что я хочу предложить вам, — это опасная и трудная работа. Я предупреждаю вас об этом. Все чертежи занимают объем целого железнодорожного вагона. В качестве страховки за работу мне потребуется 200 тысяч долларов. Это все.

Израильтяне посмотрели друг на друга в полном изумлении. И они, и Фраункнехт прекрасно понимали, что за такую работу можно было смело просить пять, десять миллионов, сколько угодно. Такие деньги найти сложно, но они были бы найдены в любом случае. Не было такой цены, которая оказалась бы слишком высокой за такую работу.

Просить 200 тысяч долларов за полные чертежи «миражей» означало отдавать их даром. Все трое прекрасно понимали это. Однако Фраункнехт попросил эту сумму, значит, так тому и быть. Ничего не требовалось платить вперед. Инженер объяснил, что деньги понадобятся, когда все будет готово. И ни одного пенни до того.

Фраункнехт не стал объяснять израильтянам, где и как он достанет чертежи. Оставалось только верить ему.

— Я сообщу вам, как идет дело, — сказал он. На этом встреча закончилась. Израильтяне покидали ее озадаченные, однако обнадеженные как никогда. Этот Фраункнехт, подумали они, не такой уж простак. Кажется, он знает, что делает.

Теперь нужно было ждать.

В начале лета 1968 года Альфред Фраункнехт завтракал в кафетерии своей фирмы с управляющим доктором Шмидтом. Как бы между прочим Фраункнехт сказал:

— Господин доктор, у меня возник план, с помощью которого мы могли бы ежегодно экономить по меньшей мере 100 тысяч франков.

Глаза у Шмидта широко раскрылись. Нет лучшего средства добавить адреналина в кровь бизнесмена, чем перспектива экономии денег. Фраункнехт продолжил:

— Как вам известно, ящики с кальками и чертежами «Миража» занимают очень много места. Теперь, когда программа строительства остановлена, мы не пользуемся ими постоянно — только в случае крайней необходимости, я предлагаю микрофильмировать их. Громоздкие чертежи можно уничтожить, а освободившееся пространство использовать с большей пользой. По моим подсчетам, это принесет нам не менее 100 тысяч франков в год.

Руководство фирмы «Шульцер» было просто потрясено простотой идеи. Дела их шли превосходно, приходилось нанимать дополнительные складские помещения для хранения излишков материалов. Поэтому оно не только согласилось с предложением Фраункнехта, но и поручило ему реализацию этого плана.

Фраункнехт знал, что служба безопасности будет начеку. Дело в том, что на фабрике выполнялось много совершенно секретных заказов правительства, и поэтому швейцарская военная контрразведка, отличающаяся своей эффективностью, держала фирму под своим неусыпным контролем. Фраункнехт предложил уничтожать кальки чертежей на городской мусоросжигательной станции. Контрразведка согласилась, что такой способ уничтожения секретных документов наиболее предпочтителен, но обязательным условием выдвинула присутствие при операции одного из ее офицеров.

Кроме того, представители контрразведки потребовали, чтобы делалось только по одной копии каждого документа, и определили тип аппаратуры для этой работы. После приобретения аппаратуры представители контрразведки занялись поиском места для ее размещения. Нужна была комната без окон, расположенная в безлюдном месте, в помещении, где могут находиться люди, имеющие допуск к секретной информации.

К сожалению, как и предполагал Фраункнехт, установка аппаратуры и режим ее работы очень внимательно контролировались спецслужбами. Переснятые документы планировалось вывозить на автофургоне «Фиат» без номеров.

Каждый четверг в четко установленное время на фургон будут грузиться документы и отвозиться на сжигание. Причем эту операцию будет лично осуществлять Фраункнехт. Осторожный инженер специально попросил выделять ему в этот день вооруженных охранников, которые должны присутствовать при погрузке и выгрузке документов. Всегда с большой ответственностью относящийся к порученному делу, Фраункнехт не забыл и об обеспечении безопасности на коротком пути к месту сжигания. Он сам подобрал надежного шофера — своего двоюродного брата, у которого были прекрасные характеристики. В течение недели брат Фраункнехта работал водителем городского автобуса, а по четвергам у него был выходной.

Операция осуществлялась с четкостью работы швейцарских часов. Одной из местных фирм заказали изготовление специальных ящиков для вывоза документов к месту сжигания. После погрузки на фабрике «Шульцер бразерз» и при разгрузке ящики пересчитывались. Контролер присутствовал также при вскрытии ящиков, чтобы убедиться в наличии там чертежей. И только после того как чертежи полностью исчезали в горячей печи, контролер подписывал документы об уничтожении. Каждый из этих документов составлялся в двух экземплярах, как того требовал Фраункнехт, ссылаясь на швейцарские военные власти.

Переснимались чертежи всех частей самолета, а также деталей технологических процессов по их производству. Особую важность представляла техническая документация на станки, необходимые для производ-

ства планера и двигателя. Только на один из таких станков было составлено более 45 тысяч чертежей.

День за днем работал специалист по микрофильмированию.

Он разворачивал акры инструкций и схем. Некоторые пачки были в несколько футов толщиной. За его работой непрерывно наблюдал представитель службы безопасности. Кроме того, каждый раз, когда ему надо было покинуть по своим делам рабочее помещение, он подвергался обыску.

Работа шла медленно. Ведь общий вес документации составлял более двух тонн, в то время как за рабочую неделю можно было микрофильмировать только около 50 килограммов. По окончании рабочего дня переснятые документы укладывались в ящики и записались до следующего четверга, когда Фраункнехт и его двоюродный брат отвозили их на сжигание.

Во всем мире швейцарцы славятся своей тщательностью в работе, и операция по микрофильмированию лишней раз подтверждала это. План Фраункнехта настолько понравился его руководству, что ему даже было обещано вознаграждение к Рождеству.

Когда Цви Аллон и Негемия Каин расстались с Альфредом Фраункнехтом, они пошутили над его педантичностью: «Мы уже думали, что он вот-вот достанет из кармана готовый контракт и даст нам его подписать». Они и представить себе не могли, как этот мягкий человек сможет выполнить свое обещание.

Однако Фраункнехт доказал, что их скептицизм не имел под собой никаких оснований.

Отлично зная психологию и особенности мышления швейцарских бизнесменов, Фраункнехт так разработал свой план, что он не мог вызвать даже малейшего подозрения. Ни одному из бдительных сотрудников спецслужб и в голову не пришло, что наиболее слабым звеном в цепочке доверенных лиц окажется тот, которому доверяли больше всего, — сам Фраункнехт. Вся ответственность за операцию ложилась на инженера. И он знал, что никому и в голову не придет спрашивать о мотивах тех или иных его действий.

Самоуверенность Фраункнехта на первый взгляд могла показаться странной, однако он знал, что делал. Как доверенный и высокопоставленный сотрудник фир-

мы, он был хорошо известен швейцарской полиции. Вот что написано в полицейском рапорте о нем: «Этому человеку можно доверять. Его личная жизнь и профессиональная деятельность безупречны. Он честный гражданин, преданный муж и сознательный сотрудник. Он регулярно посещает церковь. Руководство полностью доверяет ему».

Фраункнехт никогда не видел этого отзыва, но не сомневался, что он содержит именно такие слова. Именно безупречная репутация должна была помочь ему осуществить эту операцию, но Фраункнехт мог рассчитывать только на себя.

Разработанный Фраункнехтом план был прост. Задолго до того, как он приступил к вывозу документации на сжигание, Фраункнехт арендовал частный гараж в районе Винтертур. Гараж находился недалеко от дороги, по которой предполагалось вывозить на сжигание документы.

На той же фирме, где делали ящики для «Шульцер бразерз», Фраункнехт заказал точно такие же ящики для себя. Он отвез их в арендованный гараж.

И наконец, за несколько недель до того, как началась операция по микрофильмированию, Фраункнехт несколько раз съездил в Берн. Осторожно наведя справки, он выяснил, что Швейцарскому федеральному патентному агентству разрешено избавиться от документов, находящихся на хранении более пятидесяти лет. Представившись скупщиком макулатуры, он выразил желание приобрести ненужные агентству бумаги. Предложение было с радостью принято. Практически за бесценок Фраункнехт купил все старые бумаги, среди которых были и чертежи.

Сотрудник патентного агентства объяснил Фраункнехту: «Пространство, как и время, — это деньги. Поэтому вы получаете эти материалы так дешево. Мы буквально задыхаемся от нехватки места».

Фраункнехт понимающе кивнул и в течение ближайших недель перевез на своем фургончике огромное количество различных документов.

Теперь, имея на руках «фальшивые» чертежи, Фраункнехт и его двоюродный брат приступили к осуществлению самой сложной части операции. Они рассчитали, что по пути на место сжигания документации они будут заезжать в гараж. В гараже им предстояло просто заменить ящики с чертежами самолета

на ящики, заполненные документацией, купленной Фраункнехтом в Берне.

Заранее они отрепетировали эту замену. В конце концов им удалось сократить время на ее осуществление до пяти минут. Никто ни на фабрике, ни на месте уничтожения документов не обратил бы внимания на такую незначительную задержку.

Как и ожидал Фраункнехт, план сработал отлично. Контролеру, наблюдавшему за разгрузкой документации у печи, и в голову не пришло просматривать документы с грифом «Секретно». Все, что от него требовалось, так это проследить, чтобы содержимое ящиков попало в печь. И он четко выполнял свои обязанности. Довольны были все: «Шульцер бразерз» освобождала рабочие помещения, сотрудники безопасности были уверены, что документация не попадет в руки противника, контролеры были удовлетворены тем, что операция идет как по маслу.

Никто не знал, что инженер и его брат каждую субботу после поездки на мусоросжигательную станцию приходили в гараж для того, чтобы приготовить очередную порцию никому не нужных документов для уничтожения в следующий четверг. После того как все было готово, неуничтоженная в прошлый раз партия документации загружалась в фургон и они ехали в городок Кайзерагст, приблизительно в 30 милях от Цюриха.

Расположенный на берегу Рейна, рядом с германской границей, Кайзерагст был построен еще римлянами как крепость, защищавшая империю от германских племен. В наши дни этот городок, с его достопримечательностями и великолепными видами, превратился в место паломничества туристов. Поэтому появление здесь двух незнакомцев не могло привлечь к себе чье-либо внимание, даже несмотря на то, что их визиты стали регулярными.

Нигде не останавливаясь, Фраункнехт и его спутник ехали прямо на окраину городка к складу швейцарского отделения фирмы «Ротзингер и К°».

Склад располагался в промышленной зоне, где по субботам никого не было; таким образом, приезд фургона и его быструю разгрузку вряд ли кто-либо мог заметить.

После разгрузки Фраункнехт и его брат возвращались в город. Там они обязательно выпивали по бутыл-

ке хорошего немецкого пива в вечно переполненном ресторане «Хиршен». Потягивая пиво, Фраункнехт отыскивал глазами человека, который всегда сидел за столиком в углу. Встретившись взглядом с человеком, Фраункнехт незаметно кивал ему. Рабочие, заглядывавшие сюда, не замечали ничего необычного в поведении Фраункнехта. А он с братом еще около часа провозил там, разговаривая и потягивая пиво.

Однако человек, получавший от Фраункнехта сигнал, в ресторане не засиживался. Это был немец, которого инженер знал под именем Ганс Штрекер, «приятель» полковника Негемии Каина. Штрекер работал на компанию «Ротзингер» всего один год, но уже успел зарекомендовать себя отличным работником, в обязанности которого входило встречать грузовики фирмы, колесившие по всей Европе, а также оформлять все соответствующие документы. Хозяева были довольны своим сотрудником: он даже выходил на работу по субботам, чтобы подготовиться к встрече грузовиков на следующей неделе.

Как только Штрекер получал сигнал от Фраункнехта, он ехал прямо на склад. Там он перегружал коробки с документацией на «Мираж» в багажник своего «мерседеса», закрывал склад и направлялся в сторону германской границы.

У Штрекера никогда не возникало проблем с таможенной службой. Еще задолго до начала перевозок секретной документации этот умный и опытный агент множество раз пересек границу на своей машине. Таможенники привыкли к дружелюбному и услужливому парню, который никогда не возмущался бюрократическими проволочками, а иногда даже помогал им. Более того, он был просто отличным парнем, который время от времени угощал таможенников пивом в одном из кафе по ту или другую сторону границы или выполнял их небольшие просьбы в Германии или Швейцарии.

Таким образом, к черному «мерседесу» Штрекера уже давно привыкли на таможе. Знакомые таможенники всегда охотно пропускали его.

Оказавшись в Германии, Штрекер, прибавив скорость, направлялся в сторону Штутгарта. Немного не доезжая до города, он сворачивал с автобана в сторону небольшого аэродрома, где держали свои самолеты наиболее богатые и влиятельные жители этого района.

Уже через несколько минут документация перегружалась на борт «Чесны», зарегистрированной в Италии, и двухмоторный самолет вылетал в Бриндизи, город на юге Италии. В воскресенье утром, через двадцать четыре часа после того, как они покидали Винтертур, документы доставлялись в Израиль самолетом «Эл Ал» из Бриндизи.

В Израиле этот рейс ждали с нетерпением. В аэропорту всегда наготове стояла бронемашина, которая без промедления доставляла документацию в «Израиль эйркрафт индастриз».

Первая партия документов поступила от Фраункнехта 5 октября 1968 г. Затем операция в точности повторялась каждую неделю.

Неделю за неделей работал оператор по микрофильмированию. Подписанные и зарегистрированные документы об уничтожении тщательно подшивались, сотни килограммов бумаги сжигалось в печи в Винтертуре. Фраункнехт продолжал поездки в Берн в патентное агентство, где он получал очередные партии никому не нужных бумаг, и вместе со своим двоюродным братом еженедельно ездил в старинный город Кайзерагст.

Для проведения операции инженеру потребовался почти год. Единственной передышкой стал его очередной отпуск.

В конце сентября 1969 года Фраункнехт доставил последнюю партию документов на склад «Ротзингер». Теперь, как он сказал брату, он впервые за год сможет спокойно уснуть. Несомненно, он заслужил коньяк, который на этот раз они заказали в ресторане «Хиршен».

Пока они болтали в баре, Фраункнехт не мог знать, что в тот самый момент Ганса Штрекера застали с поличным во время погрузки документов в багажник «мерседеса».

Владельцы компании, Карл и Ганс Ротзингер, получили сообщение от бдительного прохожего, которому показался подозрительным незнакомец, крутившийся каждую субботу у принадлежавшего им склада. Прохожий, который в эти часы прогуливал в том районе свою собаку, сообщил, что незнакомец регулярно загружает в багажник своей личной автомашины какие-то коробки.

Когда Ротзингеры услышали о странном незнакомце, они решили сами выяснить, в чем дело. Они подъехали к складу и стали наблюдать. К их изумлению, в незнакомце они узнали своего преданного сотрудника Ганса Штрекера, который загружал какие-то ящики в багажник автомобиля. Заинтригованные, Ротзингеры окликнули Штрекера.

Как только он увидел хозяев, Штрекер прыгнул в машину и сорвался с места.

Теперь Ротзингеры были уже не на шутку встревожены. Они подошли к складу и увидели там одну коробку, которую в спешке Штрекер не успел положить в багажник. Открыв ее, Ротзингеры увидели чертежи, на верхнем из которых было написано: «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. СОБСТВЕННОСТЬ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ ШВЕЙЦАРИИ**».

Ротзингеры немедленно отправились в ближайшее отделение полиции. Уже через час в стране был объявлен розыск Ганса Штрекера.

Но к тому времени «Чесна» уже находилась в воздухе, взяв курс на Альпы. С тех пор на таможенном посту никто Штрекера не видел.

Однако у швейцарской полиции помимо поимки Штрекера появились другие дела. Необходимо было выяснить, каким образом документы из печи в Винтертуре оказались на складе компании «Ротзингер»?

Потребовалось семьдесят два часа непрерывной работы, чтобы выйти на Альфреда Фраункнехта.

Инженер был уже в курсе провала Штрекера. Он узнал о случившемся из анонимного телефонного звонка. Но Фраункнехт ничем не выдал своего состояния и в понедельник утром, как обычно, прибыл в офис. Он работал как ни в чем не бывало целый день, а вечером отправился домой. Утром во вторник он поехал на военный аэродром в Дюбендорфе, недалеко от Цюриха, чтобы обсудить с заинтересованными лицами кое-какие вопросы относительно нужд ВВС.

На аэродроме его ожидала группа офицеров безопасности и полиции, включая высокопоставленного сотрудника контрразведки. Его арестовали и отвезли в тюрьму Басле, где поместили в одиночную камеру.

В тюрьме Фраункнехт не потерял присутствия духа. Он предложил сделку: операция с чертежами «Миража» останется в тайне, если власти согласятся на его условия.

— Я готов перенести позор тюрьмы, — сказал он. — Но французы будут разъярены. Ведь если это дело получит огласку, я буду вынужден признать, что передал полностью все чертежи, касающиеся «Миража». Вы прекрасно знаете французов: они спровоцируют политический скандал, который испортит отношения между нашими странами на многие годы. В любом случае у Швейцарии есть все эти чертежи на микрофильмах. Они нам не нужны, так как мы не собираемся больше строить эти самолеты.

Фраункнехт признал, что с точки зрения закона он совершил преступление; но с точки зрения морали он был невиновен. Швейцарии не был нанесен ущерб. Следователям, которые ожидали от Фраункнехта мольбы о пощаде, он сказал:

— Если вы обещаете сохранить все в секрете и отпустить меня на свободу, я обещаю ничего не сообщать французам. Никому не нужно знать об этом.

Рассказывая полиции и службе безопасности о том, что он переправил чертежи в Израиль, Фраункнехт оправдывал себя полностью:

— Я сделал это для того, чтобы помочь Израилю. И делал это из моральных побуждений. Для израильтян это вопрос жизни и смерти. А что касается меня, убежденного христианина, то в моей памяти стоят Дахау и Аушвиц.

Тем не менее мотивы поступка Фраункнехта не убедили швейцарские власти в его невиновности. Закон есть закон, и преступник должен быть наказан. А пока он останется в заключении.

Фраункнехт содержался в тюрьме без суда и предъявления обвинения в течение 18 месяцев. Тюремщики относились к нему очень хорошо. Ему была предоставлена привилегированная должность тюремного библиотекаря. Фраункнехт заявил, что, пока ему не предъявлено обвинение, он не является преступником и имеет право на установку телевизора в камере. Тюремные власти отказались сделать это, но он обратился в местный суд. Когда и здесь ему не пошли навстречу, он подал прошение в Верховный суд, который решил вопрос положительно для Фраункнехта. А однажды Фраункнехт совершенно серьезно заявил начальнику

тюрьмы, вызвав у него улыбку, что придумал способ сэкономить место в тюрьме.

Когда дело наконец дошло до суда, Фраункнехт не стал отрицать, что нарушил закон Швейцарии. Но он настаивал, что в своих действиях руководствовался добрыми намерениями и ни в чем не раскаивается. Рассказывая о причинах, побудивших его совершить этот поступок, он привлек на свою сторону многих людей в зале суда.

А в это же самое время швейцарская контрразведка переживала не менее трудные дни, пытаясь отвести от себя обвинения в некомпетентности. Представитель службы безопасности в суде говорил: «Мы тщательно проверяли Фраункнехта. У нас не было абсолютно никаких оснований подозревать его».

В результате, однако, закон оказался не на стороне Фраункнехта. 23 апреля 1971 г. он был признан виновным в промышленном шпионаже и в разглашении военной тайны. Его приговорили к четырем с половиной годам тюрьмы. Позднее инженер признался, что в тот момент он ожидал получить полный, двадцатилетний срок — максимальный по этой статье.

Фраункнехт провел эти годы в тюрьме Басле, где к нему продолжали относиться как к особенному заключенному.

В октябре 1971 года, через семь месяцев после того, как он начал отбывать свой срок, Фраункнехт обратил внимание на небольшую заметку в одной из газет. Заметка касалась первого испытательного полета нового израильского самолета, который получил наименование «Нешер» («Орел»). Из этой заметки, а также из других сообщений, которые появились в газетах в последующие дни, Фраункнехт понял, что речь шла об израильском варианте «Миража», чертежи которого он помог получить израильтянам.

Когда Фраункнехт наконец вышел из тюрьмы, один из израильских друзей пригласил его вместе с женой к себе в гости. Этот визит «совпал» с торжеством, посвященным первому публичному показу гордости израильской авиастроительной индустрии — истребителя-бомбардировщика «Кфир» («Молодой лев»). На демонстрацию сверхзвукового самолета прибыли журналисты со всего мира. И все они немедленно узнали в этом самолете «родного брата» французского «Миража-5».

Военный эксперт из ФРГ, толкнув в бок своего коллегу из Франции, сказал: «Сын “Миража”».

Стоявший невдалеке невысокий человек с коротко подстриженными волосами и бледным лицом услышал шутку и слегка улыбнулся. Альфред Фраункнехт лучше, чем кто-либо еще из присутствовавших, понял смущение француза, вызванное словами его коллеги. До сих пор французы очень тяжело переживают случившееся.

Когда «Кфир» взлетел в небо над Тель-Авивом, Фраункнехт почувствовал особенную гордость, увидев результаты своего труда. Но гордость эта была с примесью горечи: Фраункнехт вдруг понял, что слава шпиона — это слава одиночки.

Он ожидал, что в Израиле его будут встречать оркестрами и букетами цветов. Однако он был просто проигнорирован израильскими официальными лицами. Казалось, никто не знал, кто он такой. Правительство даже не оплатило его проезд в Израиль — это сделал владелец отеля, симпатизировавший Фраункнехту. Единственный правительственный чиновник, с которым ему удалось встретиться, сказал ему по секрету, что ни Моссад, ни любое другое правительственное учреждение не признают его роли в создании «Кфира». Признанием заслуг Фраункнехта они сознаются в том, что ведут шпионаж на территории Швейцарии.

Уже в Швейцарии один знакомый адвокат сказал Фраункнехту:

— Ну, что же, это совершенно естественно для разведки. Никто никогда ничего не признает.

Альфред и Элизабет Фраункнехты живут теперь в пятикомнатном домике на улице Флора в швейцарской деревеньке Аардорф, недалеко от Винтертура.

Соседи называют их дом «маленький Израиль» благодаря многочисленным книгам и сувенирам из этой страны, которые присылают бывшему инженеру его почитатели. Есть также книги на немецком, французском и английском языках; стаканы, присланные стеклодувами Хеброна. Но на самом видном месте — подарок ВВС Израиля: альбом с фотографиями.

В кафе, расположенном рядом с его домом, Альфред Фраункнехт пользуется необычайной популярностью. Несмотря на судимость, его приятели относятся к нему с благоговением. Как сказал один из них, «его

единственным, на наш взгляд, преступлением, было то, что он позволил себя схватить! Обычно мы, в Швейцарии, не прощаем такого рода преступления, но для Альфреда Фраункнехта мы делаем исключение».

Выйдя из тюрьмы, Альфред поменял несколько мест работы. Теперь он занимается изобретательством. Одно из его наиболее удачных изобретений — дешевый кондиционер воздуха для маленьких автомобилей.

Но особое удовлетворение ему принесло другое изобретение. Это — устройство, используемое в офисах для автоматического скрепления ненужных документов прямо в корзинах, куда они складываются, и для последующего их удаления оттуда. Бережливые швейцарские бизнесмены приобрели уже более 15 тысяч таких полезных приспособлений.

Не так давно Фраункнехт направил образец этого приспособления в министерство обороны Франции. К сожалению, там никто не оценил его изобретение: его не поблагодарили и не вернули приспособление. До сих пор в этом учреждении очень болезненно воспринимается все, что связано с ненужными документами.

Фраункнехт по-своему воспринимает невежливость французов.

— Это на них похоже, — говорит он. — А говорят, у швейцарцев нет чувства юмора!

Шпионаж против Израиля

В то время как Моссад неусыпно следил за тем, что происходило во враждебных Израилю странах, иностранные разведки не ослабляли своего внимания к Израилю. Поэтому Моссад, как и другие разведывательные израильские службы, вел непрерывную войну против разведок государств — противников Израиля.

В следующих главах говорится лишь о нескольких контрразведывательных операциях, которые были осуществлены при участии Моссад.

Израиль Беэр — друг Бен-Гуриона

Израиль Беэр, или «Пипке», как все звали его за глаза, бурно негодовал по поводу вызова, полученного им от Исера Харела. Он получил записку, написанную в категорическом тоне, не допускавшем никаких возражений: «Зайдите ко мне в кабинет!»

Общепризнанный в Израиле эксперт по военным вопросам и ближайший друг самого Бен-Гуриона, Беэр был заметной фигурой в политической жизни еврейского государства. Эмигрировав в Палестину из Австрии в 1938 году, он вступил в подпольную армию «Хагана» и прослужил в ней много лет. Имея прекрасные аналитические способности и блестящее военное образование, он легко продвигался по службе, быстро дослужившись до полковника*. В конце Войны за независимость Беэр был назначен на должность начальника оперативного отдела генерального штаба израильской армии. Его частенько видели рядом с Бен-Гурионом на официальных церемониях.

В 1950 году Беэр, выйдя в отставку, занялся политической деятельностью, сохранив, однако, интерес к военной сфере и хорошие контакты среди сотрудников министерства обороны Израиля. Он присутствовал на сверхсекретных заседаниях в генеральном штабе, имел доступ к любой информации**. Планы передвижения войск, проекты секретных документов, касающиеся обороны Израиля, проходили через Беэра. В 1955 году его попросили написать официальную историю Войны за независимость, предоставив специальное

---

* Беэр был самым молодым полковником в израильской армии.

** По некоторым данным, Беэр занимал также посты заместителя начальника военной разведки и офицера связи между израильской и английской разведками.

помещение в здании министерства обороны, где он мог работать.

Известность Беэра как военного эксперта распространилась далеко за пределы Израиля. Он читал лекции по военному искусству в ряде европейских стран, в частности в ФРГ, где произвел глубокое впечатление на таких крупных политических деятелей, как Франц Йозеф Штраус и генерал Рейнгардт Гелен, возглавлявший в то время разведку Западной Германии. Выступая с лекциями перед молодежной аудиторией в ходе поездки по ФРГ, Беэр напоминал им о долге перед родиной, о необходимости превратить страну в сильное демократическое государство перед лицом «коммунистической угрозы, исходящей с Востока».

Блестящий анализ стратегии, необходимой в условиях войны в Европе, принес Беэру заслуженный авторитет среди высокопоставленных военных в руководстве НАТО. Официальные представители министерства обороны Франции открыто превозносили его глубокое понимание военных проблем.

Вот почему, когда осенним вечером 1960 года Беэр был вызван к Исеру Харелу в столь категоричной форме, он почувствовал только раздражение: тон записки не соответствовал столь важной фигуре, какой был Беэр. Поэтому он даже не попытался скрыть чувство раздражения, войдя в кабинет Исера Харела с сигарой в зубах и плюхнувшись без приглашения хозяина в кресло напротив стола шефа Моссад. Стряхнув пепел с сигары небрежным щелчком большого пальца, он наклонился вперед и сказал: «Давайте прямо к делу. Я спешу!»

Исер посмотрел в немигающие глаза лысого профессора Беэра. Буквально все на лице пришедшего, вплоть до его желтых усов со следами пепла от сигары, выражало презрение к Харелу. Но Исер был не из тех, кого можно смутить. Он продолжал изучать лицо Беэра, затем задал два коротких, но многозначительных вопроса: «Почему вы продолжаете посещать Восточный Берлин? Для чего вы ездили в Польшу?» Затем Харел властно повысил голос: «Я вас уже предостерегал против связей с коммунистами». Грохнув кулаками по столу, Исер буквально взорвался: «Я в последний раз предупреждаю тебя, Беэр! Я запрещаю тебе ездить в Европу!»

Услышав эти слова, профессор резко вскочил на но-

ги. Никто, даже премьер-министр Израиля Бен-Гурион, не позволял себе говорить с ним в таком тоне. «Не суйтесь не в свое дело! — крикнул он Исеру на прощание. — Я буду жаловаться премьер-министру. Более того, я пожалуюсь на вас партийному руководству!» С этими словами он выскочил из кабинета Харела.

Несколько минут шеф Моссад сидел, молча раздумывая над происшедшим. Уже в течение нескольких лет у него было предчувствие, не подкрепленное ничем, кроме интуиции, в отношении Беэра. В свое время Исер отметил про себя, что во время корейской войны именно Беэр написал несколько антиамериканских статей. Харел также знал, что Беэр, хотя и состоявший в настоящее время в партии МАПАЙ, которую возглавлял Бен-Гурион, ранее входил в более радикальную партию левого направления МАПАМ. В то время профессор занимал прокоммунистическую позицию и много спорил с представителями более умеренных взглядов в этой партии, которую он в конце концов покинул. Только по прошествии некоторого времени он присоединился к правящей коалиции Бен-Гуриона. Новым лозунгом Беэра стал: «Да здравствует Бен-Гурион, и делайте что хотите!»

Исер не имел ничего против членства Беэра в разных партиях, но он спрашивал себя, как человек может так решительно и быстро менять свои политические взгляды на диаметрально противоположные. Сам шеф Моссад не принадлежал ни к одной политической партии, но у него были твердые убеждения. А оппортунизм Беэра казался ему крайне подозрительным.

Теперь сидя в своем кабинете, который только что так стремительно покинул Беэр, Харел вновь и вновь размышлял над словами профессора. Что означало предупреждение, которое он бросил ему на прощание: «Я сообщу о вас руководству партии»? Беэр прекрасно знал, что Исер не является членом ни одной партии. Ну а если бы он принадлежал к партии МАПАЙ, возглавляемой Бен-Гурионом? Израиль — демократическое государство, люди свободны вступать в любую партию, и никто не может контролировать их частную жизнь.

Харел был удивлен не только содержанием странного заявления, сделанного Беэром, но и тем, каким тоном оно было высказано. Подобный тон скорее можно было услышать от человека, не умеющего управлять своими

эмоциями, чем от Беэра, которого все знали как здравомыслящего и хладнокровного политика.

Израиль Беэр не выходил у него из головы, и Исер решил рассказать о своих сомнениях Бен-Гуриону. Он уже высказывал свои опасения премьер-министру, но последний доверял теперь Беэру более чем когда-либо. По-видимому, Бен-Гурион считал, что Харел просто-напросто завидует авторитету и уважению, которыми пользуется Беэр. Тем не менее Исер немедленно отправился к своему начальнику и изложил ему причины своих подозрений относительно Беэра.

«Беэр интересуется военной информацией, которая никоим образом не касается его. В ходе своего путешествия по Европе он посещал коммунистические страны. Он находится в дружеских отношениях с советскими дипломатами, работающими в Израиле, и слишком часто встречается с ними. В последнее время изменился образ жизни профессора. Он часто бывает в ночных клубах в Тель-Авиве, где тратит больше денег, чем зарабатывает. Когда недавно Беэр был в Мюнхене, он оплатил вексель на 200 долларов. Кроме того, он покупал себе и своим любовницам (некоторые из них весьма подозрительные особы) множество дорогих вещей. В настоящее время Беэр находится в весьма плохих отношениях со своей женой Ривкой и поэтому проводит все вечера в барах, где сильно напивается. Он завсегдатой таких баров, как «Атом» на улице Бен-Иегуда». Голос Исера звучал осуждающе. Он никогда не одобрял такого образа жизни. «Мне совершенно ясно, — продолжал он, — что Беэр сейчас находится в положении человека, который испытывает на себе давление, подобное тому, которое испытывают агенты, ведущие двойную жизнь. Недавно профессор был вовлечен в публичный скандал: муж женщины, с которой Беэр поддерживает интимную связь, ударил его по лицу и выбил несколько зубов».

Незадолго до этого Беэр сказал Бен-Гуриону, что лишился зубов в автомобильной катастрофе, и премьер-министр ему поверил. Доводы Исера оказались для Бен-Гуриона неубедительными, и он холодно сказал: «Это твоя работа — подозревать всех. Что касается меня, то я полностью доверяю Беэру».

На этом их разговор закончился, но не закончилось дело, за которое взялся Харел. Одним из его величайших достоинств было то, что Исер никогда не

был простым исполнителем воли Бен-Гуриона. Более слабый человек на его месте, вероятнее всего, оставил бы в покое профессора, который находился в дружественных отношениях с самим премьер-министром. Харел же выбрал иную тактику поведения: он приказал своим сотрудникам усилить наблюдение за Израилем Беэром. Специальная исследовательская группа взялась за проверку прошлого Беэра с целью отыскания «черных пятен» в его биографии, проверку всего того, что он рассказывал о себе своим друзьям и коллегам.

Это случилось ночью 28 марта 1961 г., спустя восемь месяцев после известного разговора Исера Харела и Израиля Беэра в кабинете шефа Моссад. Был день еврейской Пасхи, наиболее почитаемый праздник в Израиле — освобождение евреев из рабства и исход их из Египта. В еврейских семьях всего мира в этот день садились за стол и ели традиционное пасхальное блюдо — седер, за которым обычно рассказывали историю об освобождении евреев.

В восемь часов вечера из дома на улице Брандейсса, 67, в Тель-Авиве вышел человек. Вечер был теплый, только прохладный бриз заставил его застегнуть куртку. В руках он держал портфель. Человек быстро шел вниз по улице, постоянно оглядываясь по сторонам, как бы желая убедиться, не следует ли кто за ним. Он свернул в боковую улочку и остановился в тени телефонной будки. Несмотря на то что незнакомец прошел не более ста метров от дома, было видно, что он запыхался. Остановившись на минуту, чтобы перевести дыхание, человек снова оглянулся вокруг. Не заметив никого поблизости, он устремился к небольшому кафе, расположенному в конце улицы.

Владелец кафе восседал за стойкой бара и был очень рад первому посетителю за весь вечер. Пришедший заказал коньяк и устроился за столиком в углу, куда не попадал свет ярких уличных фонарей. Портфель он положил на стул рядом с собой. Владелец кафе попытался завязать с посетителем беседу, но тот отвечал кратко, всем своим видом показывая, что не склонен к разговору. Закурив сигарету, он нервно взглянул на часы.

Примерно через пять минут в кафе вошел еще один посетитель. Он был одет в темный костюм и

широкополую шляпу. Кивнув головой сидевшему за столом, новичок устроился напротив него. Они не сказали друг другу ни слова. Через минуту пришедший взял портфель и вышел из кафе. Еще через некоторое время первый посетитель встал из-за стола и расплатился за выпивку.

Выйдя на улицу, опять осмотрелся по сторонам и пошел домой. Он проделал тот же самый маршрут, но на этот раз в руках у него ничего не было. В свой дом он вошел уже спокойно, не оглядываясь. Войдя в квартиру, человек направился в библиотеку, где на полках стояли книги на многих языках. Он сел в кресло и стал ждать.

В полночь тишина на улице Брандейсса была нарушена шумом автомобиля, ехавшего на большой скорости. Он остановился напротив дома № 67. Из него вышел незнакомец в шляпе — второй посетитель кафе. В руках он держал все тот же портфель. Поднявшись по лестнице, человек без стука вошел в квартиру. Было очевидно, что его ждали. Было очевидно и то, что он рассчитывал пробыть здесь недолго, поскольку оставил мотор невыключенным...

В доме Исера Харела зазвонил телефон. Хозяин сразу поднял трубку — он ждал звонка. Харел сразу узнал голос одного из своих старших сотрудников. Звонивший имел все основания беспокоить своего начальника в этот праздничный день. «Наш человек только что встречался с русским связным. Второй раз за сегодняшний вечер. Они встретились в кафе, которое вы знаете. У нашего человека был портфель, он передал его связному, после чего они расстались. Я проследовал за нашим человеком до его дома и сейчас нахожусь поблизости. Русский только что вошел в его дом с портфелем, который получил в кафе. Сейчас он в квартире нашего человека».

Исер был в сильном волнении, хотя и не удивился услышанному. В доме № 67 по улице Брандейсса проживал Израиль Безр. Харел решил, что наступило время действовать, но по всем правилам и с величайшей осторожностью. Если арестовать профессора сейчас, схватив на месте преступления во время передачи документов советскому дипломату — первоклассному разведчику, это вызовет крупные международные ос-

ложнения и может привести к падению правительства Бен-Гуриона.

Исер Харел решил не предпринимать ничего до тех пор, пока советский дипломат не покинет дом Безра. Тем временем он приказал своему сотруднику получить ордер на арест Израиля Безра и разрешение на обыск. Все нужно делать законно либо не делать вовсе.

После окончания разговора со своим сотрудником Исер Харел снова взял телефонную трубку и позвонил Бен-Гуриону. Их беседа длилась не более десяти секунд. Исер просто сказал: «Я начинаю акцию против Израиля Безра». Бен-Гурион ответил: «Делайте свое дело». На этом разговор закончился.

В 2 часа 30 минут Израиль Безр сидел в своей библиотеке. Кожаный портфель лежал рядом на столике, там, где его оставил, уходя, ночной посетитель. Содержимое портфеля оставалось нетронутым. Внезапно кто-то постучал в дверь. Безр не успел не только спрятать портфель, но даже встать со своего старинного кресла, как дверь с грохотом открылась. Одного хорошего удара хватило, чтобы выбить замок.

Семь человек ворвались в комнату и встали вокруг человека, прямо сидевшего в кресле. Один из вошедших тихо сказал: «Вы арестованы. У нас есть ордер на обыск». Безр заметил, что старший офицер смотрит на его портфель. Он спокойно ответил словами Бен-Гуриона, сказанными Харелу несколькими часами ранее по телефону: «Делайте свое дело».

Безр не впервые видел офицера контрразведки, который разговаривал с ним: они иногда встречались на службе. Безр попросил разрешения закурить.

Офицер, конечно, знал, что арестовывает человека, занимающего высокое положение в стране. Безр читал лекции в военном училище, где проходили подготовку офицеры сухопутных войск, был полковником запаса, советником министра обороны и самого премьер-министра. Сотрудники Моссад, прибывшие арестовывать Безра, с трудом верили, что он советский шпион. Может быть, они совершают ошибку? Они уже готовы были поверить в это.

Однако их сомнения моментально рассеялись, когда возглавлявший операцию офицер открыл лежащий на столе портфель. В нем находились совершенно секрет-

ные документы, включая подробный список израильских заводов, производящих военное снаряжение. И в довершение всего они увидели личный дневник Бен-Гуриона. Премьер-министр передал его на время Беэру, когда профессор решил написать серию статей о взглядах Бен-Гуриона на правление и лидерство. Однако в дневнике были и государственные секреты, не известные даже некоторым членам кабинета министров Израиля. Беэра немедленно препроводили в тюрьму.

Когда Исер Харел передавал Бен-Гуриону его дневник, премьер-министр устало сказал: «Я был окружен лжецами». Все происшедшее выбило его из колеи. Исер воздержался от того, чтобы напомнить о своих подозрениях насчет Беэра, возникших еще в 1953 году. В свое время было задокументировано, что он и Моше Даян выступали против возвращения Беэра на действительную военную службу. Но тогда Беэр использовал свои дружеские отношения с Бен-Гурионом, чтобы занять пост официального советника министра обороны и получить доступ ко всем его документам.

Теперь Исер Харел был уверен, что Беэр работал на Москву в течение многих лет. Однако в первые дни после задержания Израиль отказывался давать показания. Он лишь повторял свою биографию, не раз уже рассказанную друзьям и коллегам.

Согласно его версии, Беэр родился в 1912 году в Вене. Его родители эмигрировали в Соединенные Штаты, но вскоре вернулись в Европу. Беэр изучал гуманитарные науки и немецкую литературу в Венском университете, где, по его словам, учился у Макса Рейнгардта, весьма популярного в театральных кругах. Еще в университете Беэр присоединился к группе студентов, которые участвовали в борьбе против диктаторского режима Энгельберта Дольфуса* и в уличных схватках с фашистами в 1934 году. Он посещал также известную военную академию в Винер-Нойштадте и служил офицером в австрийском шуцбунде**.

---

* Э. Дольфус (1892—1934) — федеральный канцлер Австрии с 1932 г. В марте подписал Римские протоколы, поставившие политику Австрии в зависимость от Германии. Убит сторонниками аншлюса.

** Шуцбунд — военная организация социал-демократической партии Австрии, созданная в 1923 г. для обороны от наступления фашизма. В 1934 г. шуцбундовцы вместе с коммунистами участвовали в февральском вооруженном восстании.

В 1936 году, говорил Беэр, он уехал в Испанию, где в составе интернациональной бригады сражался против фашистов во время гражданской войны. Израиль был назначен инструктором, так как имел военную подготовку. Он познакомился со всеми коммунистами, занимавшими военные посты. С ними он принимал участие в битвах при Мадриде и Гвадалахаре, в жестоких схватках при Теруэле*. В начале 1938 года, когда казалось, что война уже проиграна, Беэр бежал из Испании. Ему предложили продолжить военное образование в Москве.

Однако он решил возвратиться в Вену. Именно там Беэр попал под влияние идей сионизма и вскоре эмигрировал в Палестину. С вызовом Израиль сказал следователям: «Это моя жизнь, которую вы все знаете».

На четвертый день допросов Беэра навестил сам Исер Харел. Он посмотрел прямо в лицо Израилю, так же как на их встрече несколько месяцев назад, и спокойным, но твердым голосом проговорил: «Я знаю, что вы советский шпион. Скажите мне правду. Если вы будете сотрудничать с нами, то это будет лучше для всех, в том числе и для вас. Расскажите мне вашу биографию».

Беэр поведал историю своей жизни еще раз. Когда он кончил, Исер холодно заметил ему: «Вы лжец. Мы не могли отыскать какие-либо следы ваших родителей в Австрии. Если у вас родители были евреями, как вы нам тут рассказываете, почему они не подвергли вас обряду обрезания? Мы проверили все архивы в Австрии. Вы никогда не были в числе студентов, боровшихся на баррикадах. Вы никогда не получали степени доктора, как вы ранее заявляли, и даже не посещали университет. Вы не учились в военной академии, потому что в то время евреям не разрешалось поступать в подобные заведения. Австрийские власти проверили списки учащихся академии и не обнаружили там вашей фамилии. В архивах шуцбунда также нет данных о вашем членстве в этой организации. Мы просмотрели списки личного состава интернациональных бригад, и там нет какого-либо упоминания о вас. В действительности вы никогда не воевали в Испании и никогда не участвовали ни в одной военной кампа-

---

* По некоторым данным, Беэр командовал батальоном.

нии где-либо. А теперь скажите мне, кто вы? Я хочу знать правду».

Беэру стало ясно, что Моссад знал о нем все. Он был подавлен. В следующие три дня Израиль рассказал о своей шпионской деятельности.

Исер подозревал, что Беэр был завербован Москвой вскоре после Суэцкой кампании 1956 года и с этого времени должен был передавать всю информацию, которая проходила через его руки. Когда французы стали поставлять Израилю вооружение, Беэр передавал информацию о видах оружия и его количестве весьма подробно. То же самое он делал и в отношении вооружения, получаемого из ФРГ. Он собирал информацию о роли Западной Германии в НАТО во время своей поездки в эту страну. Вероятно, начальство Беэра в Москве интересовалось и научными исследованиями, проводимыми в Израиле, в особенности в области создания ядерной технологии.

Но даже когда Беэр начал давать показания, он продолжал смешивать реальность и вымысел. Все, что он рассказывал, было проверено как самими сотрудниками Моссад, так и их коллегами в Израиле и Европе (включая коммунистические страны). Некоторые его признания были опровергнуты в результате кропотливой работы этих сотрудников.

Процесс над Беэром начался в июне 1961 года. Из-за того что в ходе его могли быть преданы гласности сведения, представлявшие государственную тайну, судебные заседания были закрытыми. Даже в момент выхода этой книги данные о том, что же все-таки получила от него Москва, остаются секретом. Известно, однако, что он передал Советскому Союзу планы о тактике воинских подразделений, списки секретных военных объектов, а также информацию о поставках Израилю иностранного военного снаряжения.

На суде Беэр в свое оправдание ссылаясь на то, что делал все это из чувства патриотизма. «По моему мнению, нужно было сделать все, чтобы Израиль не попал в зависимость от западных держав, — говорил он. — Я верил в одно: Израиль должен быть союзником коммунистических стран. Я никогда не предавал Израиль, а только старался его спасти. Все мои усилия были направлены на выход страны из политической блокады».

Израиль Беэр был приговорен к десяти годам тю-

ремного заключения. Однако при вторичном рассмотрении дела срок увеличили до пятнадцати лет.

Во время пребывания в тюрьме Шатта в Джордан-Велли Израиль написал книгу, в которой оправдывал свою деятельность, ссылаясь на идеологические мотивы. Он снова утверждал, что старался служить интересам Израиля. Его руководство в СССР в отличие от израильтян, которые в случае провала их агента (вспомним дело Лотца) делали все для его спасения, не предприняло никаких шагов, чтобы как-то помочь Беэру и попытаться освободить его из тюрьмы. Он оставался в тюрьме до мая 1968 года, когда перенес инфаркт и вскоре скончался.

Израиль Беэр так и не признался, кем он был в действительности. Беэр не говорил даже о том, что работал на КГБ. Но по тому, как он был блестяще внедрен в израильское общество, можно было узнать почерк советской разведки. С самого момента ее возникновения, а именно в 1917 году, советскими властями было принято решение о превращении Палестины, находившейся под британским мандатом, в главный центр шпионажа. Выполнению поставленной задачи в немалой степени способствовало большое число иммигрантов-евреев из Польши и России. Многие из них по натуре были идеалистами и соединяли страстную приверженность к сионизму с не менее сильной верностью социализму, что и облегчило внедрение агентов секретных служб в этой стране, а также помогло завербовать некоторых иммигрантов.

Позже, в 30-х годах, когда после прихода к власти Гитлера в Палестину хлынул поток еврейских иммигрантов из Германии и Австрии, их ряды пополнили советские агенты, говорящие по-немецки. Вероятно, Израиль Беэр был среди этой «второй волны» советских шпионов.

Беэр считался одним из наиболее ценных агентов на Ближнем Востоке, поэтому его легенда готовилась с особой тщательностью. Только после ареста Беэра сотрудники Моссад обнаружили, что в Австрии действительно проживал некий человек, которого звали Израиль Беэр. Это был бедный студент-еврей, лишь очень отдаленно напоминавший того агента, который позднее стал близким другом Бен-Гуриона. Однако на-

стоящий Израиль Беэр исчез в 1938 году, именно тогда, когда агент-Беэр переехал в Палестину, и больше о нем ничего не слышали.

Руководство советской разведки ждало почти двадцать лет — невероятно большой срок! — прежде чем позволить своему агенту начать действовать. Ясно, что на него возлагались большие надежды, и он оправдал их. Из Тель-Авива Беэр передал бесчисленное множество секретной информации в Москву.

Однако вплоть до настоящего времени неизвестно настоящее имя Беэра. Откуда он приехал? Как его завербовали? Кто руководил им? Ответы на эти вопросы похоронены в архивах КГБ и в могиле агента, который называл себя Израиль Беэр.

Шпион из «саркофага»

Это произошло вечером 18 ноября 1974 г. На взлетной полосе римского аэропорта Фиумисино несколько служащих таможни наблюдали за отлетом в Каир самолета авиакомпании Объединенной Арабской Республики. Шел мелкий моросящий дождь, и таможенники стояли под крылом самолета. Чтобы согреться, они переминались с ноги на ногу и дышали на руки. Вылет самолета уже откладывался на два часа, и таможенники начали терять терпение.

Внезапно к самолету на большой скорости подъехал грузовик, принадлежащий арабской авиакомпании. Взвизгнув тормозами, машина остановилась под другим крылом. Два человека, сидевшие в кабине, выпрыгнули на взлетную полосу, открыли заднюю дверь и стали вытаскивать металлический ящик, похожий на чемодан. На нем была наклейка «Дипломатический багаж» на французском, английском и арабском языках. Ящик, по всей видимости, был тяжелый. Один египтянин попросил помочь итальянских таможенников. «Пожалуйста, побыстрее. Нужно, чтобы самолет вылетел как можно скорее. Осторожнее, не уроните». Обернувшись к своему товарищу, он сказал на арабском: «Его нужно отнести в отсек для перевозки животных».

Египтяне не догадывались, что один из итальянских таможенников знал арабский язык. Он не подал виду, что все понимает, хотя слова египтятина удивили его. Почему дипломатический багаж нужно перевозить в отсеке, предназначенном для животных? По правилам подобный груз необходимо помещать в обычных отсеках для багажа.

Пока египтяне возились с громоздким ящиком, таможенник, понимавший арабский язык, как бы случайно приблизился к ним. На чемодане виднелась

четкая надпись «Министерство иностранных дел, Каир. Собственность посольства Объединенной Арабской Республики, Рим». Это означало, что таможенники не имели полномочий на досмотр этого багажа в отсутствие посла или его представителя.

С другой стороны, Венская конвенция, регулирующая вопросы дипломатического иммунитета, который распространяется и на багаж, гласила, что в дипбагаже должны перевозиться только официальные документы или материалы, используемые в работе посольства. Маловероятно, что в этом ящике размером в три фута находилась дипломатическая почта. С исключительной любезностью таможенник осведомился у египтян о содержимом чемодана.

«Музыкальные инструменты посла», — был краткий ответ. Затем, перейдя вновь на арабский язык, египтянин заорал на грузивших людей: «Быстрее! Грузите его в самолет!»

Египтяне явно нервничали. Дождь перестал, и теперь на их лицах можно было заметить блестящие капельки пота. Старший таможенник, владевший арабским, вновь подошел к ним. Но один из египтян оттолкнул его. «Дипломатическая неприкосновенность, — рявкнул он. — Это не ваше дело!»

Таможенник был вежлив, но настойчив. Он уловил какой-то странный звук, доносившийся из ящика. Если там были музыкальные инструменты, то это были какие-то необыкновенные инструменты. Твердо положив руку на ящик, он остановил египтян, которые безуспешно пытались вытащить его.

Таможенник прислонил ухо к чемодану. Теперь звуки из него были ясно различимы. На английском, итальянском и французском кто-то кричал: «Помогите! Помогите! Спасите! Убийцы!» Таможенник выпрямился и сказал: «Самолет не улетит до тех пор, пока мы не получим разрешение осмотреть чемодан». Затем, присоединившись к коллегам, стоящим в отдалении, пошутил: «Странный какой-то музыкальный ящик!»

После этого один из служащих египетской авиакомпании запихнул ящик обратно в грузовик. Шофер, стоявший недалеко, быстро забрался в кабину, и грузовик на большой скорости помчался к выезду из аэропорта.

Но таможенники не растерялись. Второй египтянин был схвачен при попытке бежать и повален на землю. Два других таможенника вскочили в красный «альфаромео», случайно оказавшийся неподалеку, и бросились в погоню за грузовиком.

Все было сделано моментально. Скоростной «альфаромео» догнал грузовик при выезде на шоссе, соединяющее аэропорт с Римом, и заставил его остановиться.

Один таможенник повез связанного служащего египетской авиакомпании в спортивной машине, другой поехал на грузовике вместе с ценным грузом в ближайший полицейский участок в Остия, куда уже доставили схваченного у самолета египтянина.

По прибытии в Остия итальянские таможенники внесли злополучный ящик в помещение полицейского участка и сорвали пломбы. Прежде всего они хотели знать, кто звал на помощь. Не обращая внимания на протесты египтян, таможенники открыли чемодан.

Когда же они увидели его содержимое, у них глаза полезли на лоб от изумления. В чемодане находился полуживой человек. Он скрючился в три погибели. Его колени находились на уровне головы, а руки крепко связаны за спиной. На босые ноги были надеты желтые восточные туфли, подошвы которых были прикреплены к стенке ящика. Сам человек был привязан к маленькой деревянной скамеечке, встроенной в ящик.

Приблизившись к открытому чемодану, полицейские тут же отпрянули из-за резкого запаха человеческих испражнений, пота и хлороформа. Они были вынуждены надеть специальные маски, чтобы освободить узника, которого уже окрестили «мумией из саркофага».

Узник, одетый только в нижнее белье, едва стоял на ногах. Его увели, чтобы оказать медицинскую помощь. Тем временем один из полицейских внимательно изучал устройство чемодана, который по всем признакам и ранее служил своеобразной тюрьмой. Специальные приспособления свидетельствовали о том, что ящик использовался много раз. Полицейские обнаружили подвижной колпак, одеваемый на голову узника, и подушки, предохраняющие голову от ударов и тряски.

В своем рапорте о происшедшем офицер полиции отметил: «В настоящее время обнаруженный человек — отнюдь не в лучшей форме и, по всей видимости, находится под воздействием наркотиков. Его иногда рвет. По свидетельству осматривавшего его доктора, большой опасности для его жизни не существует. Поначалу он бредил и, по-видимому, не представлял, что с ним произошло. Стараясь избавиться от кляпа, он сломал себе зубы. Избавившись от него, позвал на помощь. Это все, что известно об этом человеке на данный момент».

Когда «мумия» достаточно оправился, его допросили сначала в местном полицейском участке, а затем в главном управлении полиции в Риме. Он рассказал невероятную историю, в которую трудно было поверить.

Звали его Жозеф Дахан. Он родился в 1934 году в Марокко, но в настоящее время являлся израильским гражданином. В кармане у него был марокканский паспорт, выданный в Дамаске в 1961 году. Это было похоже на правду. Но то, что последовало затем, заставило итальянцев усомниться в правдивости его рассказа.

— Прибыв в Рим несколько дней тому назад, — сказал Дахан, — я зашел в кафе «Париж» на Виа-Венето, которая находится в центре города.

— Да, нам это известно, — прервали его полицейские.

— В кафе ко мне подошли служащие египетского посольства в Риме. По их словам, они знали меня еще с того времени, когда я работал в посольстве переводчиком. Они были очень любезны и угостили меня спиртным. Я много выпил. Внезапно, прямо там, в кафе на Виа-Венето, среди всех этих кинозвезд и светской публики египтяне схватили меня и буквально затолкнули в автомобиль. Никто не пришел мне на помощь. Машина на большой скорости выехала из города и остановилась у большого дома на окраине Рима. Меня напоили какой-то жидкостью, почему-то называемой чаем. У нее был ужасный запах. Затем мне сделали три укола. Очнулся я уже в этом гробу связанным, как египетская мумия. Судя по тряске, я ехал в автомобиле. Я сумел избавиться от кляпа и стал звать на помощь. В конце концов вы обнаружили меня.

Врачи считали, что Дахану просто повезло. Его похитители предполагали, что в самолет он будет

перенесен в бессознательном состоянии. Не проснись он в самый неподходящий момент, план бы удался. Сейчас он уже находился бы в Каире.

Но все же было абсолютно ясно, что этот человек говорил неправду.

— Почему им нужно было похищать вас? — спросил Дахана один из полицейских.

— Я могу только предполагать, — ответил он. — По-видимому, они считали, что я, работая переводчиком, слишком много узнал о военных секретах и могу передать их врагам.

Было похоже, что «мумия» собирается и дальше фантазировать в том же духе. «Я знаю все об арабских спецслужбах и их операциях в европейских столицах. Поэтому они решили переправить меня в Египет, где собирались убить».

Итальянцы, не удовлетворенные его словами, решили докопаться до истины. Они незаметно для Дахана исследовали его волосы и обнаружили, что они искусно выкрашены. Настоящий цвет волос был черный. Что еще сделал этот человек, чтобы скрыть свое прошлое?

— Как простой переводчик мог узнать столь много секретов? — спросил один из полицейских.

— Хороший вопрос, — ответил Дахан. — Но... я и сам не знаю.

Было ясно, что он водит следователей за нос. Вначале он заявил, что прибыл в Рим из Франкфурта, а спустя буквально несколько минут сказал, что приехал из Неаполя. Ему якобы нужно было забрать долг, однако вспомнить имя должника он не смог.

Тем временем дело Дахана вызвало большой резонанс в обществе. Марокканское и израильское посольства не располагали сведениями о нем. В газетах печатались волнующие истории о «человеке в ящике». Заголовки статей носили сенсационный характер: сначала Дахан был «двойным агентом», позже превратился в «тройного агента». Он работал на Марокко, Египет, Израиль или Соединенные Штаты в зависимости от того, в каких газетах печаталась история о нем.

Двух египетских дипломатов, которые сопровождали злополучный ящик в аэропорт Фиумисино, по паспортам значившихся как Абдель Мосейм Эль-Неглави и

Селим Осман Эль-Саяд, выслали из страны. Посол Египта был настолько потрясен свалившимся на него несчастьем, что публично заявил: «Находящийся в руках полиции ящик не имеет к нам никакого отношения. Его подбросили нашим дипломатам в аэропорту итальянские власти. Чемодан, действительно принадлежащий нам, содержал безобидные материалы. Итальянские власти посадили израильского шпиона Жозефа Дахана в этот ящик для своих темных целей».

Заявление посла выходило за рамки дипломатического протокола и шокировало даже контрразведку Италии, которая к этому времени уже наслышалась самого невероятного об этом таинственном Жозефе Дахане. Граф Гуэрино Роберто, начальник протокольного отдела министерства иностранных дел Италии, вызвал посла Египта и сделал ему замечание за нарушение всех приличий при изложении случившегося.

Однако итальянская контрразведка располагала незначительными сведениями о содержавшемся под стражей человеке. Все, что они могли заявить представителям прессы, — это то, что Жозеф Дахан не тот, за кого себя выдает.

История Дахана проникла и в иностранную печать, и вскоре его фотографии стали появляться на страницах газет и журналов во всем мире. Неожиданно для всех пришло письмо от Нурит Лоук из небольшого городка Пета-Тиква, расположенного неподалеку от Тель-Авива. Родом из Ирака, она в настоящее время проживала в Израиле. По словам Лоук, она кое-что знала об этом таинственном Жозефе Дахане. Она была его женой.

Журналисту, посетившему ее, она заявила: «Он не Жозеф Дахан, а мой муж — Мордехай Лоук. Я хочу увидеться с ним. Он бросил нас. Мне трудно одной воспитывать детей, а он нам ничем не помогает. Для меня он не герой и не шпион...»

С завидным самообладанием миссис Лоук отказалась сообщить подробности об их совместной жизни, за исключением того, что, когда муж бывал дома, он предпочитал ходить на танцы и выпивать, чем заниматься чем-либо достойным мужчины. «Он был бездельником», — сказала его теща.

Тем временем итальянская полиция убедилась, что Нурит Лоук было на что жаловаться. Четыре женщины из Неаполя явились в полицию и заявили, что все они были обручены с ним. Одна из них была немка, которая находилась в связи с офицером военной базы НАТО в Неаполе. Другая — тридцатидвухлетняя секретарша — заявила, что готова раскошелиться и нанять адвоката, чтобы помочь Мордехаю. По-видимому, она простила Лоука, скрывшего от нее факт своей женитьбы. Но Лоук отверг юридическую помощь и отказался принимать посетителей, в особенности своих «невест».

В отеле Неаполя, в котором проживал Мордехай, полиция наткнулась на гардероб, полный дорогой одежды. Полицейские нашли также огромный перстень с причудливым камнем, на котором был изображен дракон. Перстень оказался с секретом. При тщательном осмотре полицейские обнаружили, что в перстень можно прятать микрофильмы. В газетах опять стала прокручиваться версия, что Мордехай Лоук — шпион. Разногласия у журналистов были лишь по поводу того, на кого он работал. Но тем не менее приключения новоиспеченного Казановы волновали итальянцев больше, чем его шпионская деятельность.

В штаб-квартире итальянской контрразведки история Мордехая Лоука недолго оставалась тайной. Об этом не было объявлено публично, но итальянцы уже в течение некоторого времени сотрудничали с Моссад. Израильской разведке было все известно о Мордехае Лоуке. После приезда в Израиль из Марокко в 1949 году он некоторое время служил в израильской армии. Плотник по профессии, Мордехай, однако, предпочитал другие занятия: один раз он отбывал срок в тюрьме за вооруженный грабеж и трижды — за мелкие правонарушения.

У Лоука всегда были какие-то неприятности: с полицией, с кредиторами, с семьей жены, с бесчисленными любовницами. В 1961 году Мордехай решил, что сыт по горло жизнью в Израиле. Во время военных маневров в районе сектора Газа он перешел египетскую границу, сдался военному командованию и попросил политического убежища. К своим прошлым преступлениям Лоук добавил дезертирство.

Египетские власти арестовали Мордехая и бросили

в тюрьму. Они подозревали, что он израильский шпион. В тюрьме Лоук повстречал других израильтян. Некоторые, как и Мордехай, были мелкими преступниками, попытавшимися найти счастье в Египте. Однако, попав в египетскую тюрьму, они были крайне разочарованы. Мордехай старался поддержать их, рассказывая веселые истории и распевая израильские песни.

Но сам Лоук был близок к отчаянию. Один израильтянин, которого освободили из тюрьмы и разрешили вернуться в Израиль, позже рассказывал: «По мере пребывания в тюрьме Лоук становился все мрачнее. Однажды он попытался покончить жизнь самоубийством, перерезав себе вены куском железа, который в течение нескольких дней терпеливо затачивал. Его вовремя спасли, и Лоук провел неделю в тюремном госпитале. Мордехай вновь повторил попытку самоубийства, выбросившись из окна. Позже он снова пытался перерезать себе вены, и на этот раз его продержали в госпитале целый месяц. Мордехай был упорным человеком».

Руководство египетских спецслужб, узнав о такой целеустремленности Лоука, решило, что этому можно найти лучшее применение. Он был красив, умен, знал много языков и к тому же был евреем. Сотрудники разведки осторожно предложили Мордехаю поработать на них.

Лоук был энергичным, любящим весело пожить молодым человеком. Пребывание в каирской тюрьме стало для него просто невыносимым, и перспектива стать шпионом сразу же привлекла его.

В течение следующих шести месяцев Лоук проходил специальную подготовку. Чтобы доказать свою преданность, ему пришлось выступить с пропагандистским заявлением по египетскому радио, вещающему на Израиль. Его научили делать микрофильмы и фотографии, владеть огнестрельным оружием и пользоваться радиопередатчиком. Он усвершенствовал свои познания во французском, итальянском и немецком языках и владел теперь ими так же свободно, как и ивритом, испанским и арабским.

Летом 1962 года Лоук окончил курс оперативной подготовки и получил последние наставления от старшего офицера разведки. Работать ему предстояло в Европе: Франции, Швейцарии, Германии и Италии.

Его первое задание: установить контакт с израильянами и получить от них информацию о политическом и экономическом развитии Израиля.

«Общаясь с израильянами, — инструктировали его, — вам следует узнавать их имена, места работы, адреса. Для нас будет иметь значение любая информация: слухи, сплетни о публичных скандалах и даже их мнение об Израиле. Нам нужны настоящие имена израильских агентов, работающих в Европе. Собирайте сведения об их семьях и другие данные. Мы снабдим вас камерой, и вы должны фотографировать каждого, с кем общаетесь. Ваша зарплата — 150 долларов в месяц. Кроме того, будут оплачиваться дорожные расходы, но они предварительно должны утверждаться нами. Для этого вам необходимо представлять все счета, включая оплату такси. Если вы будете успешно работать и хорошо себя вести, зарплата будет увеличена».

Лоуку выдали египетский паспорт на имя Мухаммеда Хамди Хабала. Он выкрасил свои черные волосы в светлый тон и выехал в Дамаск, где для него подготовили прикрытие. Но как только Лоук прибыл в Дамаск, он вновь попал в руки сотрудников египетской секретной службы. Они отобрали у него египетский паспорт и выдали марокканский на имя Жозефа Дахана. Затем вернули ему египетский паспорт, сказав, что он может использовать оба документа. Наконец Лоуку пожелали удачи и посадили в самолет. Так началась его шпионская деятельность.

Египетская разведка и не подозревала, что Моссад следил за Мордехаем Лоуком с того момента, как он дезертировал из армии и пересек египетскую границу. Для израильской разведки не составило большого труда узнать об израильском солдате, перебежавшем во вражескую страну: такие случаи были редкостью и, естественно, привлекали к себе особое внимание.

С этого момента сотрудники Моссад следили за каждым шагом Лоука. Узнав, что египтяне завербовали его для шпионской деятельности в Европе, они решили, что, находясь на воле, он принесет им больше пользы, чем сидя в тюрьме. Если предоставить ему свободу действия, то Лоук непременно выведет их на свои египетские связи.

Все действия Мордехая Лоука в Европе тщательно

фиксиrowались сотрудниками Моссад. За три года Лоук объехал весь континент. В течение 1962 и 1963 годов он работал главным образом в ФРГ и Швейцарии, проживая в разное время в Мюнхене, Кобленце, Цюрихе, Франкфурте и Базеле. Лоук помогал сотрудникам египетской разведки вербовать немецких ученых для участия в программе вооружения Египта, выдвинутой Насером.

В январе 1964 года Лоука перевели в Неаполь. Именно там образ жизни Мордехая стал очень беспокоить его начальство. Правда, в это время ему мало платили. Он был вынужден снимать маленькую дешевую квартирку в той части города, где проживали бедняки. Чтобы поправить свое финансовое положение, Лоуку пришлось подрабатывать гидом. У него появились многочисленные подружки, и Мордехай не стеснялся жить за их счет. Он приобрел много дорогой одежды. Ее-то и обнаружила вскоре итальянская полиция в номере неапольского отеля.

Не прошло и года пребывания Мордехая в Неаполе, как он решил, что руководство не достаточно высоко ценит его способности. В начале ноября 1964 года на встрече со своим руководителем Селимом Османом Эль-Саядом Лоук известил его, что не согласен на прежних условиях работать дальше. «Или вы увеличиваете мне зарплату и избавляете от необходимости вести нищенский образ жизни, — сказал он, — или я прекращаю работать на вас. Более того, я достаточно много знаю о вашей организации и могу продать эту информацию за высокую цену. Вы прекрасно знаете, что есть люди, которые хорошо заплатят за нее».

Эль-Саяд был немало удивлен столь преувеличенной оценкой Лоуком своих возможностей, тем более что за последнее время в докладах, посылаемых Мордехаем из Неаполя, практически отсутствовала важная информация. По-видимому, непутевый шпион больше времени уделял подружкам, чем своим прямым обязанностям. К тому же теперь Лоук представлял большую опасность: недовольный шпион мог принести неприятности. С ним надо было что-то делать.

Эль-Саяд послал Лоуку приглашение прибыть в египетское посольство в Риме и обсудить все «в дружеской обстановке».

Лоук был достаточно умен, чтобы отказаться от приглашения. Он кое-что смыслил в законах и знал,

какие методы использовали египетские спецслужбы. Как только он войдет в посольство, он окажется на территории Египта и с ним можно будет сделать все что угодно. Мордехай стал настаивать на встрече в общественном месте, где бы он был в безопасности. Эль-Саяд предложил кафе «Париж» на Виа-Венето. Там они могли спокойно посидеть и обсудить все проблемы.

Лоук согласился. Он был уверен, что в этом многолюдном кафе, посещаемом богатыми и известными людьми, он будет в безопасности. Но Лоук не знал, что несколько подчиненных Эль-Саяда сидели в машине, припаркованной неподалеку от кафе. По сигналу Эль-Саяда они должны были запихнуть незадачливого агента в машину.

На встрече Эль-Саяд был предельно откровенен с Лоуком. «Если оценивать информацию, которую изредка получаем от вас, то мы платим вам не меньше, а больше, чем вы того заслуживаете. Вам следует меньше времени тратить на женщин и больше заниматься вашими прямыми обязанностями. Пока вы не будете работать лучше, мы не увеличим вашу зарплату и даже, наоборот, сократим».

Остается неясным, почему Эль-Саяд выбрал жесткую тактику в отношении Мордехая Лоука. Возможно, он полагал, что Лоук испугается настолько, что начнет работать лучше. А возможно, он считал, что угрозы Лоука — это блеф. По одной версии, ходившей в штаб-квартире Моссад, египтяне и не помышляли, чтобы дать уйти Мордехаю Лоуку после встречи на Виа-Венето. Египетские разведчики подозревали, что их агент тайно сотрудничает с Моссад. Уже несколько месяцев подряд израильские спецслужбы предпринимали против египтян акции, которые заканчивались успешно для израильтян. Египетские разведчики не могли сделать и шага, чтобы об этом не стало известно в Тель-Авиве раньше, чем в Каире.

Как бы там ни было на самом деле, Лоук был неговорчив. По сигналу Эль-Саяда Лоука схватили и потащили к машине. К этому времени Мордехай был так пьян, что не смог оказать сопротивления. Прежде чем он понял, что произошло, его запихнули на заднее сиденье автомобиля, который на большой скорости помчался к египетскому посольству. Там Лоука накачали наркотиками и запихнули в «саркофаг», где его и обнаружили итальянские таможенники.

Сотрудники Моссад следили за ходом этой операции с самого начала. После срочной консультации с руководством израильские агенты приняли решение спасти Лоука от смертной казни, которая неминуемо ждала его в Египте. Они проинформировали о случившемся итальянскую контрразведку и вместе с ними стали наблюдать за египетским посольством. Власти аэропорта были предупреждены о том, что египтяне, по всей видимости, постараются вывезти незаконным путем из Рима человека, и таможенники были начеку.

Поэтому совсем не случайно египтяне оказались под пристальным наблюдением итальянских служащих, когда два дня спустя они предприняли попытку вывезти Лоука в чемодане. И не случайно рядом с самолетом стоял «альфа-ромео».

И тем не менее надо отдать должное итальянцам, которые действовали так оперативно в этой сложной ситуации. Они не имели ни малейшего представления о существовании металлического ящика, хотя было очевидно, что он и прежде использовался для контрабандного вывоза людей.

Итальянская контрразведка и полиция действовали на высоком профессиональном уровне. Они представили дело Лоука так, что он оказался совершенно невиновен. Когда Мордехай понял, что итальянские власти знают, кто он на самом деле, Лоук потребовал от них встречи с израильским консулом. Он хотел рассказать всю правду и начать жить сначала. Лоук не питал иллюзий насчет того, что ждет его в случае возвращения в Израиль: судебный процесс и длительный срок тюремного заключения, не говоря уже о позоре, который ляжет на его семью.

— Позвольте мне вернуться домой, — умолял он. — Иначе я умру. Мне известно все о египетской секретной службе и методах ее работы.

Просьба Лоука была удовлетворена. На следующий день его отвезли в аэропорт. На этот раз Лоук ехал не в чемодане, а в комфортабельном и хорошо защищенном полицейском автомобиле.

Несмотря на горький опыт, полученный Лоуком на предыдущей неделе, он не терял присутствия духа. Попросив по прибытии в аэропорт встречи с представителями прессы, Лоук заявил им: «Я хочу поблагодарить полицию за мое спасение. И хотел бы попросить прощения у своей родины и моей семьи за свое недостой-

ное поведение. Я готов отвечать за преступления, мною совершенные. Мне хочется начать свою жизнь вновь и воссоединиться со своей семьей, если она меня простит.

Я плотник и хочу заниматься только этим ремеслом, и ничем более».

4 ноября в салоне первого класса самолета израильской пассажирской авиакомпании Лоук возвратился в Израиль. Вскоре состоялся суд над ним, который частично проходил при закрытых дверях. Обвинение с трудом разобралось во всех тонкостях того, как Мордехая выслеживали по всей Европе в течение его шпионской деятельности.

Лоук был приговорен к тринадцати годам тюремного заключения. После освобождения он сдержал слово, данное им в аэропорту при возвращении домой. В настоящее время Мордехай живет вместе с женой и детьми и работает столяром.

Его шпионская карьера осталась в прошлом..

Невидимые шпионы

Действия любого человека можно контролировать при помощи обычной слежки. Израиль Беэр, Мордехай Лоук, шпионы из Советского Союза и из Египта были задержаны только благодаря тому, что их «засекли» разговаривающими с людьми, известными как агенты вражеских разведок.

Далеко не всякая шпионская деятельность может быть выявлена и пресечена столь просто. Техника, конечно, никогда не заменит живого агента, однако в последнее время все большую роль в добывании и особенно в обработке разведывательной информации играют ультрасовременные технические средства. Это полностью оправдывается в тех странах, где разведка щедро финансируется правительством. Чем больше значения придается добыванию секретов какого-либо государства, тем более изощренные разведывательные методы используются для этого.

В начале 60-х годов Моссад и его партнеры по израильскому разведывательному сообществу впервые в полной мере осознали степень своей уязвимости со стороны советской контрразведки.

С 1948 года посольство Израиля располагалось в небольшом здании, которое на первых порах было достаточно вместительным, но по прошествии времени стало абсолютно непригодным. Довольно долго израильтяне пытались получить у советского правительства разрешение на приобретение или аренду большего помещения. Наконец согласие было получено.

Однако вместо того чтобы предоставить израильскому посольству готовое здание, подходящее для учреждений такого рода, Израилю было предложено построить совершенно новый комплекс. С явной неохотой советские представители согласились на пригла-

шение архитектора-израильянина, настояв на том, чтобы все строительные работы выполнялись московскими рабочими. Новое здание посольства в дополнение к обычному набору служебных помещений должно было включать резиденцию посла и квартиры для других высокопоставленных дипломатов.

Комплекс был возведен в рекордно короткие сроки. Уже через несколько месяцев сотрудники посольства начали перевозить мебель в новую резиденцию.

Это случилось в первый же день переезда. Проходя в туфлях на высоких каблуках по паркету, украшавшему холл посольства, одна из сотрудниц неожиданно остановилась. Постучав каблучком по одному из участков пола, она заметила проходящему мимо коллеге: «Какой странный звук! Такое впечатление, что под полом пустота».

Когда вокруг собралось достаточно любопытных, она продемонстрировала им свое открытие. Все согласились: в указанном месте, по всей видимости, была пустота. Немедленно поставили в известность посла и вызвали сотрудника безопасности, который вскрыл этот участок пола.

Среди собравшихся раздался возглас изумления, когда под полом обнаружилось большое темное отверстие, напоминавшее туннель, ведущий неведомо куда. Два молодых сотрудника вызвались обследовать его. Вооружившись фонариками, они спустились вниз и обнаружили расширяющийся проход. Свежая штукатурка и запах краски свидетельствовали о том, что туннель проложен совсем недавно. На глубине около пятнадцати футов ход расширился до такой степени, что два человека могли идти рядом.

Дойдя до развилки туннеля, «исследователи» свернули в один из боковых ходов. Они миновали участок в девяносто футов, как было позже установлено. Туннель закончился, и молодые люди увидели люк наверху. Любопытство пересилило страх, они толкнули крышку, которая легко открылась. Высунув головы из люка и осмотревшись, сотрудники израильского представительства обнаружили, что оказались во дворе примыкающего к посольству здания, которое, по их мнению, принадлежало КГБ. Этого оказалось достаточно. Они спустились в туннель и поспешили обратно.

Выслушав сообщение сотрудников, посол Израиля немедленно связался со своим правительством. Совер-

шенно ясно, указал он, что советские власти планировали организовать интенсивное наблюдение за представителем Израиля. Туннель был достаточно широк, чтобы обеспечить как физическое проникновение, так и электронное наблюдение за всем происходящим в здании.

Не успел посол повесить трубку, как раздался телефонный звонок. Советский министр иностранных дел, извинившись за беспокойство, проинформировал его об аварии водопровода в районе посольства.

— Возможно, вы скоро заметите, что вас затопляет, — проговорил он. — Пожалуйста, не беспокойтесь, ситуация находится под нашим контролем.

Почти одновременно с его словами вода через обнаруженный туннель стала поступать на нижний этаж. Через несколько минут прекрасный паркетный пол был затоплен. Пришлось срочно выносить вещи.

Очевидно, усилия двух израильских «исследователей» туннеля не остались незамеченными, и сотрудники КГБ, обеспокоенные перспективой новых «открытий», решили затопить его. Когда в посольство для проведения ремонтных работ прибыли водопроводчики, они заблокировали обнаруженный ход.

А в Израиле тем временем шли оживленные дебаты по поводу того, что же делать. Главным был вопрос о том, планировалось ли советским правительством создание «шпионского туннеля» изначально или решение о нем было принято в процессе строительства здания. Обсуждался также вопрос о направлении официального протеста.

В то время как премьер-министр Леви Эшколь проводил консультации с членами своего кабинета, советский посол Зубакин, известный в израильских разведывательных кругах как «разведчик номер один», предпринял ряд действий по собственной инициативе. Он пригрозил Эшколю «далеко идущими последствиями» в случае утечки сведений о туннеле под посольством. Зубакин даже не пытался отрицать тот факт, что туннель был построен в разведывательных целях.

Дело удалось замять, однако вскоре о нем заговорили в Москве. На протяжении последующих недель сотрудники западных посольств тщательно изучали полы в занимаемых ими зданиях. Среди дипломатов была в ходу такая шутка: «Послушайте, они роют туннель к вам или от вас?»

Однако главной целью советской разведки прежде всего являлось само Государство Израиль. Израиль Беэр был одним из многих советских агентов, работавших на территории страны. Большое число «дипломатов» посольства СССР в Израиле значительную часть своего служебного времени уделяли разведке. Располагая крайне ограниченным штатом сотрудников, контрразведка Израиля не могла и помышлять о том, чтобы противодействовать всем разведывательным операциям, проводимым на ее территории.

Однажды, когда Исер Харел указал Бен-Гуриону на опасность, которая исходила от агентов Москвы, внедренных в ряды прибывающих в страну иммигрантов, тот отнесся к этому удивительно спокойно.

— Если эти шпионы — евреи, — сказал он, — то не лишайте их права шпионить в Израиле!

А на вооружении разведчиков находилась такая техника, которой очень трудно противостоять.

В районе Восточного Средиземноморья вне пределов видимости с берега Израиля курсировали три с виду ничем не примечательных советских корабля: «Кавказ», «Крым», «Юрий Гагарин». Ежедневно, днем и ночью, они патрулировали побережье Израиля. Не имея на своем борту никакого вооружения, эти корабли постоянно находились под охраной мощной армады ВМС.

Единственной целью флотилии являлось ведение разведки против Израиля. Корабли буквально наштабированы электронным оборудованием, в состав их экипажей входили специалисты-электронщики и эксперты по внешней политике Израиля. Эти корабли способны перехватывать радио- и телефонные переговоры на всей территории страны. Радарные установки и другие средства радиоперехвата Израиля также могли быть зафиксированы советскими кораблями с абсолютной точностью.

По мнению экспертов, корабли были оснащены специальным оборудованием, при помощи которого можно вывести из строя всю систему связи Израиля. «Юрий Гагарин» осуществлял связь с советскими спутниками-шпионами. Постоянно снабжаемые всем необходимым и охраняемые советским военно-морским флотом, эти суда несли бессменную вахту.

Несмотря на то что советские эксперты, находившиеся на кораблях, могли самостоятельно анализиро-

вать поступающую информацию, большая ее часть регулярно пересылалась в Москву. Радиоконтакт с Москвой поддерживался круглосуточно.

Именно по этой причине в 1976 году приказы израильского руководства участникам операции по спасению заложников в Энтеббе содержали предупреждение: «Закройте рты и выключите свои радики!» Если бы русские прослышали об этой операции, то остается только догадываться о возможных последствиях.

Время от времени русские пытались более подробно ознакомиться с событиями, происходящими в Израиле. С этой целью в 1977 году в воздушное пространство израильского государства было направлено несколько вертолетов «КН-25» для ведения наблюдения и фотографирования передвижений военных судов. В 1975 году во время гражданской войны в Ливане советские корабли постоянно сопровождали израильские ракетные катера. В темное время суток катера освещались мощными прожекторами.

Накануне войны 1973 года советские корабли-шпионы внезапно исчезли. Это объяснялось тем, что в то время они плавали без обычного военного эскорта и были практически без защиты. Сейчас они охраняются мощными силами ВМФ и могут выполнять свои функции даже во время военных кризисов. По мнению военного руководства Израиля, такая неуязвимость делает их еще более опасными, так как в случае военных конфликтов советские корабли способны передавать информацию, полученную с помощью электронных средств, Египту, Сирии и другим арабским государствам. Таким образом, противнику может стать известно все, что передается по радио и телефону на территории Израиля. Более того, русские могут полностью нарушить радиосвязь между частями израильской армии, и подразделения, находящиеся на передовых позициях, будут отрезаны от своих штабов. Нетрудно догадаться, почему советские корабли-шпионы вызывают такую озабоченность у Моссад, равно как и у других разведслужб Израиля и его военного руководства.

И в то же время ни Моссад, ни кто-либо другой в Израиле не в состоянии предпринять какие-либо конкретные действия против супершпионов, патрулирующих его побережье.

«Михдал», или Война Судного дня*

Специалисты во всем мире, анализируя результаты шестидневной войны, в основном дали высокую оценку роли Моссад в этих событиях. Немыслимые по всем законам войны операции израильской армии осуществлялись без сучка и задоринки. Буквально все признавали, что блестящая победа израильской армии в шестидневной войне была в значительной степени достигнута за счет блестящей разведки, действовавшей незаметно для всех. Имея надежную разведку, народ Израиля мог быть спокоен за свою безопасность.

Однако в 1973 году стало казаться, что этот образ израильской разведки начинает меркнуть. В начале года появились все признаки того, что Египет и Сирия подумывают о новой войне. В стадии боевой готовности находились тысячи танков и самолетов, большое число ракет, которые поставлялись Советским Союзом для перевооружения армий этих стран. Поступали сообщения о передвижениях больших масс войск, стягиваемых к израильским границам. Президент Египта Анвар Садат все чаще повторял слова о «неминуемых столкновениях».

Признаков грядущей войны было более чем достаточно. Чтобы как-то ответить на это, израильская армия провела широкомасштабные маневры, в которых были задействованы тысячи людей, оставивших свои рабочие места, для того чтобы пополнить воинские подразделения, к которым были приписаны. Промышленность и сельскохозяйственное производство были остановлены.

Однако ничего не случилось. Война не началась.

---

* Судный день (Йом киппур) — день искупления грехов, совершенных за год.

Мобилизация резервистов стоила Израилю десяти миллионов долларов, не считая произведенной продукции. Кроме того, появились критические замечания о «ложной» информации, которая была добыта разведывательными службами.

К тому же вскоре после этого появилось сообщение о том, что специальная «ликвидационная» команда Моссад, получившая задание покарать тех, кто несет ответственность за совершение террористических актов в Израиле, убила в Норвегии человека, совершенно не причастного к этому делу. Руководство Моссад долго убеждало израильское правительство, что с террором можно бороться только террором. Но лишь после убийства одиннадцати израильских спортсменов на Олимпийских играх в 1972 году в Мюнхене Моссад получил согласие Голды Меир на использование таких методов.

Зви Замир, заменивший на посту начальника Моссад Меира Амита в 1968 году, начал реализовывать эту политику с таким рвением, что удивил тех сотрудников израильской разведки, которые считали его слишком не зависимым от правительства. Первым в его «черном списке» стоял тридцатидевятилетний палестинец Али Хассан Саламех, глава террористов, осуществивших покушение на израильтян в Мюнхене.

В октябре 1972 года, через несколько недель после мюнхенской Олимпиады, сотрудники Моссад захватили свою первую жертву. Ею оказался Вади Абдул Звайтер, палестинский поэт. С его помощью в Рим приехали три члена японской Красной армии, которые затем вылетели в Тель-Авив, где обстреляли и забросали гранатами пассажиров в аэропорту Лод, убив при этом двадцать четыре человека. Звайтер был выслежен в Риме и застрелен у порога своей квартиры из автомата. Акция была проведена блестяще, и через несколько часов ее исполнители беспрепятственно покинули страну.

В течение последующих десяти месяцев Европа и Ближний Восток превратились в поле битвы израильских спецслужб и террористов. На счету «ликвидационных» команд Моссад появилось немало убитых, но и сами израильтяне понесли потери, среди которых были их лучшие разведчики.

Наконец в июле 1973 года, по мнению руководства израильских спецслужб, они напали на след Али Хас-

сана Саламеха. Было получено сообщение, что он находится в небольшом норвежском городке Лиллихаммер. Для ликвидации Саламеха была послана специальная команда.

С самого начала команду преследовали неудачи. Члены этой группы, в которую входили в большинстве своем непрофессионалы, убили совершенно не причастного к покушению на израильских спортсменов человека. В скором времени несколько ее членов были схвачены норвежской полицией*. В довершение ко всему на судебном процессе они раскрыли все детали операции по уничтожению террористов, сделав то, чего руководство Моссад боялось больше всего: разглашения ее деятельности**. Газеты всего мира публиковали материалы о том, как не знающие жалости сотрудники израильской разведки творят беззаконие, убивают людей.

Месяц спустя список неудач пополнился еще одной. Израильский военный самолет принудил пассажирский лайнер ливанской авиакомпании, вылетевший из аэропорта Бейрута и находившийся над территорией Ливана, приземлиться на военной базе в Израиле.

Пассажиров вежливо попросили покинуть самолет. После тщательной проверки им было позволено снова сесть в самолет, который вернулся в Бейрут.

Израильское руководство пошло на эту незаконную меру, потому что, по некоторым данным, на борту самолета должен был находиться Джордж Хабаш, лидер террористической группировки «Народный фронт за освобождение Палестины». Однако, как выяснилось позже, Хабаша там не было.

Эта ошибка произвела эффект разорвавшейся бомбы. Руководство Моссад с возмущением заявило, что оно было против захвата ливанского самолета и не располагало никакими данными о том, что на его борту находился Хабаш***. В действительности приказ о захвате самолета был отдан лично министром обороны Израиля Моше Даяном. Однако Моссад все же нес за это ответственность.

---

* Полиция арестовала только двух членов этой группы, остальным удалось скрыться.

** Вскоре после суда участники этой группы были освобождены.

*** В начале 1992 г. имя Хабаша вновь упоминалось в связи с крупным политическим кризисом, разразившимся во Франции, куда он прибыл на лечение.

В этом случае секретность, при которой обычно работала израильская разведка, сослужила ей плохую службу. Моссад мог бы использовать этот случай для поднятия своего престижа в глазах общественности. Но это было старое правило разведки: никогда не привлекать внимания к самой организации и ее деятельности. Спокойный и выдержанный Зви Замир едва ли мог изменить этому правилу. Поэтому репутация Моссад оказалась на самом низком уровне за всю его историю.

Положение израильской разведки усугубилось тем обстоятельством, что в последние шесть или более лет радикальным образом изменилось соотношение сил в ее структуре. Прямым результатом этого были падение влияния Моссад и утрата к нему доверия.

После шестидневной войны разведывательное управление министерства обороны Израиля стало постепенно оттеснять Моссад и заняло главенствующее положение в системе обеспечения безопасности страны. До того времени военная разведка ограничивала сферу своей компетенции исключительно военными вопросами. Пока во главе Моссад стоял Исер Харел, который придерживался твердых принципов разделения ответственности между спецслужбами, те знали свои задачи. Как хороший дирижер симфонического оркестра, Харел держал под своим неослабным контролем все разведки Израиля.

Вскоре после шестидневной войны руководителем военной разведки стал генерал-майор Аарон Ярив, тщеславный человек, который почти полностью оттеснил скромного Зви Замира. Ярив стал попросту игнорировать традиции, согласно которым личность и деятельность шефа военной разведки держали в секрете, и всегда был готов сообщать прессе больше сведений о себе и своей организации.

В то же время по инициативе Ярива военная разведка начала расширять сферу своего влияния. Она стала не только собирать информацию по военным проблемам, но все больше вторгаться в сферу политики, экономики, дипломатии, демографических и научных исследований. Это в значительной степени было инспирировано Моше Даяном, который всегда настороженно относился к гражданскому ведомству, каковым был Моссад. При поддержке Даяна Ярив

сделал свою организацию доминирующей в структуре разведки Израиля.

Дискредитация Моссад в глазах общественного мнения, переоценка военной разведкой своих возможностей — все это подготовило почву для поражения Израиля в войне Судного дня. Суть же заключалась в так называемой «концепции», «идеи фикс», которая преобладала среди военных после ухода с поста министра обороны Моше Даяна и состояла в отрицании вероятности войны. Военные полагали, что арабские страны не готовы к войне.

Они жестко придерживались этой «концепции», несмотря на обилие информации, которая свидетельствовала об обратном. Не только Моссад, но и другие наблюдатели получали большое число сведений о крупномасштабных мобилизациях в арабских странах. Они направляли всю информацию в аналитические отделы военной разведки.

Но их сообщения постоянно игнорировались офицерами, которые имели собственное мнение на этот счет, были уверены в неопровержимости своих выводов и не позволяли никому усомниться в них. Их «концепция» была вне всякой критики.

В течение сентября 1973 года сообщения о военных приготовлениях поступали в Израиль из многих источников. Израильские военные журналисты, посетившие Синайский полуостров и Голанские высоты, были потрясены, увидев большое число войск, сконцентрированных по другую сторону границы. Обеспокоенные этим, они написали ряд статей с предупреждением об опасности, однако военная цензура, имея приказ от творцов «концепции», не дала им ходу.

В ставке вооруженных сил Израиля, размещенных в Синайской пустыне, один молодой офицер обрабатывал данные и переводил их на язык математических знаков. Не упуская из виду ни одного фактора, свидетельствовавшего о крупных военных приготовлениях, он ежедневно составлял прогноз на основе сведений, получаемых с передовых позиций. Однажды в сентябре этот офицер пришел на прием к своему начальству. «По всей видимости, будет война, — сказал он в сильном волнении. — Я знаю это точно и могу доказать». Однако начальник проигнорировал это заявление.

На следующий день молодой офицер буквально при-

ставал к высшим офицерам, показывая им свои выводы и умоляя что-либо предпринять. Никто даже не шелохнулся.

В довершение ко всему Аарон Ярив ушел в отставку с поста начальника военной разведки и был заменен генералом Элиа Зеирой. Зеира работал военным атташе Израиля в Вашингтоне, а затем — заместителем Ярива. Он плохо ориентировался в отношениях с арабскими странами и еще меньше в вопросах безопасности. Но Зеира был личным выдвиненцем министра обороны Моше Даяна, а его слово в то время еще имело вес. Менее сдержанный, чем Ярив, Зеира имел репутацию человека, который никогда не менял однажды принятого решения.

Это опасная черта для любого командующего войсками, но в обстановке, когда ежедневно поступает тревожная информация, такая черта могла сыграть роковую роль.

Между тем советские советники по вопросам разведки, находившиеся в Египте, разработали план с целью дезинформации израильтян, и в сентябре вместе с египтянами приступили к его реализации. Предполагая, что израильское руководство не может представить себе, что арабы, готовясь к войне, будут открыто демонстрировать свои военные приготовления, египетские власти умышленно усилили пропаганду войны. Цель этих мероприятий состояла в том, чтобы создать у израильтян превратное чувство о собственной безопасности.

Чтобы еще больше усилить это представление, египтяне стали намеренно снабжать дезинформацией иностранных журналистов, посещавших Каир. «Египетская армия не готова к войне», — убеждали их. Получая эту информацию из надежных источников, журналисты легко становились жертвами обмана. Даже газеты и журналы, отличавшиеся независимостью суждений, попались на эту удочку. Корреспондент газеты «Монд», к примеру, писал: «Молодые и неопытные солдаты президента Садата не в состоянии овладеть и пользоваться сложной советской военной техникой».

Обычно сдержанные и недоверчивые израильские генералы на этот раз принимали все за чистую мо-

нету. Они были убеждены, что войны не будет и приказ о мобилизации мог вызвать волнения среди населения Израиля и повлечь за собой негативные экономические последствия.

В штаб-квартире Моссад Зви Замир не был столь спокоен и самоуверен, как его военные коллеги. В середине сентября ему стало ясно, что Египет и Сирия планируют широкомасштабную войну. Информация, поступавшая от сотрудников израильской разведки из Европы и стран Ближнего Востока, подтверждала это. Одни говорили, что война начнется через десять дней, другие — через две недели. Но все были едины в одном: война будет непременно.

Как сказал один офицер связи Моссад, «мы направляемся прямо в долину смерти».

Для руководства Моссад это было очевидно, поскольку оно доверяло своим агентам. Его сотрудники отправляли массу сведений о приближающемся конфликте. Они сообщали точнейшие данные о планах нападения на Израиль Египта и Сирии: места десантирования коммандос с вертолетов в районе Синая, цели бомбардировщиков и др. Всего Моссад получил свыше 400 сообщений, и эти 400 кусочков информации подробно рисовали картину начала войны. Все эти 400 сообщений были переданы военной разведке, и все они были оставлены без внимания.

Событие, происшедшее 13 сентября 1973 г., стало еще одним подтверждением того, как две разведывательные организации одной страны действовали в совершенно разных направлениях.

Несколько израильских самолетов получили задание провести разведку обстановки в сирийских портах Латакия и Тартус. Это было необходимо для проверки сведений о ежедневных поставках советского оружия в эти порты.

Как только израильские самолеты появились над целью, они были встречены группой «мигов». Израильтяне надежно прикрыли свое воздушное пространство, и в результате завязавшегося боя было сбито тринадцать «мигов». Один израильский самолет был потерян, но пилота спасли вертолетчики, вытащив его из моря.

Ликование по поводу этой победы только усилило чувство самодовольства в ставке израильского военного командования. В частности, в докладе аналитиков военной разведки, возглавляемой генералом Зеирой, говорилось: «В настоящий момент более чем когда-либо сирийцы понимают, что они не могут выиграть войну против нас. Их деятельность свидетельствует о намерении нанести ограниченный ответный удар. Поэтому сосредоточенные там войска находятся больше для демонстрации силы и для того, чтобы дать понять нам, что в случае нашего наступления они будут в состоянии дать отпор».

Однако версия Моссад на этот счет была совершенно иной. Его сотрудники считали, что воздушный бой в небе Сирии был лишь прелюдией к большой войне. Свои выводы сотрудники Моссад подкрепляли сообщениями, поступающими к ним ежедневно. Но их предупреждения не принимались во внимание. «Концепция» явно не согласовывалась с их выводами.

В то время как сообщения о готовящейся войне поступали в штаб-квартиру Моссад, военные убеждали редакторов газет быть «умеренными» в своих материалах. Они не хотели «пугать» гражданское население Израиля призраком грядущей войны. До самого последнего дня, вплоть до 2 октября, журналисты были солидарны с военными и писали неправду в своих сообщениях с фронта.

К этому времени даже некоторые генералы уже начали осознавать, что находятся на ложном пути. Когда Зеира сказал одному из них, что гарантирует за двое суток предупредить о предстоящем большом нападении, высокопоставленный офицер генерального штаба прямо сказал: «Если честно, то я тревожусь. У меня такое впечатление, что война все-таки надвигается. Я чувствую это своей печенкой».

В Вашингтоне сотрудники ЦРУ пришли к аналогичному выводу. За два дня до начала войны они предупредили руководство Моссад: «По нашим сведениям, арабы намереваются напасть на вас». Когда это сообщение было передано представителям военной разведки, они ответили спокойно, как никогда: «Мы не уверены в этом». Американцы высоко ценили израильскую разведку. Представитель ЦРУ заявил: «В конце концов это их дело. Они считают, что знают, о чем говорят». Как стало известно после окончания

войны, три высокопоставленных сотрудника ЦРУ были уволены со своих постов.

Тем временем шеф Моссад Зви Замир решил тайно отправиться в поездку по европейским странам, чтобы разобраться с этой проблемой. Утром 6 октября он послал отчаянное сообщение премьер-министру Израиля Голде Меир: «Сегодня начнется война». Он опоздал.

«Концепция» настолько прочно засела в головах военных, что в ночь на 6 октября генерал Зеира в интервью представителям прессы в Тель-Авиве заявил, что уверен в своей правоте. Еще и еще раз он спокойно повторял: «Войны не будет».

В два часа дня взволнованный майор вошел в помещение, где производилась очередная встреча Зеиры с представителями прессы, и вручил ему телеграмму. Зеира молча прочитал ее и вышел. Больше он туда не вернулся.

Журналисты сразу поняли, в чем дело. В Тель-Авиве завывли сирены воздушной тревоги, и сотрудники прессы заспешили в свои представительства, с тем чтобы узнать о происшедшем. Теперь они поняли, что за информацией в разведывательное управление министерства обороны следует обращаться в самую последнюю очередь.

В полдень десятки тысяч египетских солдат форсировали Суэцкий канал*. Сирийские войска, сконцентрировав большое число тяжелых танков, нанесли удар с Голанских высот. Небольшое число плохо обученных необстрелянных израильских молодых солдат на границе дали им жестокий бой. В первый же день израильская армия потеряла 500 человек убитыми и свыше 1000 ранеными. За всю шестидневную войну общее число жертв не превысило 850 человек убитыми.

Однако через несколько дней подошедшие израильские войска сумели переломить ход военных действий. Остановив наступление египетской и сирийской армий, они перешли в контратаку и нанесли поражение войскам обеих стран. 15 октября генерал Ариэль (Арик) Шарон осуществил свой план по наведению переправы через Суэцкий канал в том самом месте, где согласно легенде четыре тысячи лет тому назад Моисей пересек

---

* Египетская армия продвинулась в глубь Синайского полуострова на 15—20 км.

Красное море. Кольцо окружения вокруг третьей египетской армии замкнулось*.

В этот момент вмешался Советский Союз, пригрозив прямой военной интервенцией в случае, если израильские войска продолжат свое наступление**. Государственный секретарь США Генри Киссинджер убедил Голду Меир принять предложение о прекращении огня, которое было вначале отвергнуто. В стиле, присущем дипломатии сверхдержав, Киссинджер добился нелегкого мирного соглашения.

Несмотря на то что в военном отношении победа в войне Судного дня была для Израиля безусловной, в чисто психологическом плане это был сильный удар для страны в целом. Весь мир увидел, что Израиль, пользовавшийся славой государства, находившегося всегда во всеоружии, проглядел нападение, а его вооруженные силы уже больше не были непобедимыми. Израильская разведка оказалась не такой непогрешимой, какой ее всегда считали.

В самом Израиле разочарование и падение морального духа затронули почти все слои общества. Некоторые искали объяснения происшедшему в истории Вальтасара, царя Вавилона, о котором рассказывалось в книге Даниила. Вальтасар получил сообщение, написанное на стене его пиршественного зала. Только пророк Даниил мог объяснить это послание. В нем говорилось о грядущем несчастье. Никто не поверил пророку, и несчастье произошло.

В 1973 году несчастье произошло вновь. Почему никто не послушался предупреждения, подтвержденного 400 сообщениями сотрудников Моссад, полученными со всех концов света? Почему израильское руководство подобно тысяче советников царя Вальтасара проигнорировало голос судьбы? Было ли оно опьянено своим самодовольством и наслаждалось своим высоким положением?

В обстановке раздражения, царившего в израильском обществе после войны Судного дня, стало попу-

---

* В немалой степени это было достигнуто за счет помощи США, которая была выделена в размере 2,2 млрд. долл.

** По настоянию СССР была принята резолюция ООН о создании чрезвычайных сил, которые предполагалось ввести в зону разъединения египетских и израильских войск.

лярным слово, которое на иврите характеризовало неудачу Израиля: «михдал». Это емкое и красочное слово можно перевести как «провал» или «унижение». До настоящего времени оно употребляется как насмешка по отношению к израильским политикам, ошибки которых привели к несчастью*.

Никто не избежал волны взаимных обвинений. Премьер-министр Голда Меир ушла в отставку. Следственная комиссия Аграната, назначенная для выяснения причин неподготовленности Израиля, рекомендовала уволить со своих постов ряд высокопоставленных официальных лиц, включая генерала Зеиру, руководителя военной разведки Израиля.

Разведывательные организации Израиля подверглись резкой критике, как и все те, кто имел какое-то отношение к политическим и военным делам. Было ясно, однако, что оценка происходивших до 1973 года событий была явно недостаточной, никто не мог обоснованно обвинить Моссад в том, что его сотрудники не справлялись со своими обязанностями. Тем не менее общественное мнение клеймило разведку именно за это. Все забыли, что Моссад не раз предупреждал — а точнее, 400 раз — о готовящемся вторжении.

Если бы израильское военное руководство прислушалось к этому предупреждению, то Моссад пользовался бы в настоящее время всеобщей любовью. Вместо этого сотрудники разведки были вынуждены выслушивать массу упреков. Для них было достаточно признать свою некомпетентность, которая привела к «михдал». Но не в их правилах защищаться публично. Люди, работающие в Моссад, остаются в тени, как и их дела. На линии фронта, пролегающей по всему миру, они с честью и достоинством выполняют свой долг по защите Израиля самым ценным оружием, имя которому разведка.

---

* Всего в ходе войны 1973 г. Израиль потерял около 3 тыс. человек убитыми, 900 танков и около 250 самолетов.

Эпилог

Недалеко от Тель-Авива находится селение, которое называется Кефар-Хабад. Это бедная крошечная деревенька, населенная главным образом очень набожными евреями-хасидами, которые живут за счет земледелия.

Синагога в Кефар-Хабаде так же бедна, как и сама деревня. Потолок синагоги весь в дырах, скамьи внутри ее сделаны из простого дерева. Воробьи спокойно залетают и вылетают через дыры в потолке, многие из них здесь и выют гнезда. Снаружи над входом в синагогу сделан навес для охранников. Набожные люди из этой деревни по очереди несут патрульную службу с автоматами, в то время как односельчане работают на полях.

29 июля 1977 г. синагога в Кефар-Хабаде была заполнена людьми до отказа. Недалеко от нее расположилось несколько солидных автомобилей. В синагоге праздновали Митцвах.

Обычно Митцвах веселый праздник, во всяком случае он должен быть таким: в этот день мальчик становится мужчиной. Однако Митцвах, отмечаемый в этой деревне, был не такой, как везде. Каждый год глава хасидской общины приглашал сто мальчиков праздновать их взросление. Эти мальчики съезжались со всего Израиля, их всех объединяла одна трагедия: они потеряли своих отцов на войне.

Атмосфера, царившая среди собравшихся в этот жаркий июльский день, была наполнена печалью и торжественностью. Восемьдесят семь мальчиков, большинство из которых не знало своих отцов, проходили традиционный обряд под чтение Торы.

Когда закончилось чтение, один из них вышел вперед. В действительности его день рождения был еще далеко, но его Митцвах перенесли на два месяца раньше

для того, чтобы он принял участие в этом обряде по особому поводу. Мальчику поручили выступить с речью, которой обычно заканчивалась церемония.

Этого стройного хрупкого юношу все называли «Шаи» (в переводе с иврита — «подарок»), такое прозвище дала ему его мать. Она помнила, когда его отец видел своего сына в последний раз. Это было в октябре 1964 года и сыну было всего два месяца. С тех пор она называла своего сына Шаи — живой подарок от человека, которого она любила так горячо.

Мальчика звали Шауль Коген. Его отцом был сотрудник Моссад Эли Коген. Среди присутствующих было несколько человек, которые хорошо знали отца мальчика. Некоторые из них работали с Когеном на радиосвязи. Здесь был человек, который присутствовал при получении от Эли страшного сообщения из Дамаска о том, что он захвачен сирийской полицией.

Сейчас они следили за этим нервным кареглазым мальчиком, который был очень похож на своего отца. Шауль собрал все силы и начал речь, написанную им самим.

«Я хотел бы, — сказал мальчик, — чтобы у меня, как и у всех, был отец. Чтобы мой отец был простым человеком, а не героем. Тогда он был бы жив и у меня был бы отец, которого я знал и который жил с нами, как и другие. Я прочитал все об отце и знаю, что он сделал для нашей страны. У меня есть все написанное о нем и все его фотографии. До сегодняшнего дня я колебался: говорить о нем или нет, потому что сердце моей матери сжимается при одном лишь упоминании его имени. Сейчас я хочу дать клятву. Обещаю тебе, отец, что никогда не запятнаю твое имя. Я буду выполнять свои обязанности всеми силами и отдам жизнь народу Израиля».

Все присутствующие в синагоге еще хранили молчание, когда Шауль Коген добавил: «Я буду достойным сыном героя, которым восхищался Израиль. Я постараюсь быть похожим на тебя, отец. Клянусь!»

Самый почетный гость, присутствовавший среди собравшихся в синагоге, премьер-министр Израиля Менахем Бегин плакал у всех на глазах, когда Шауль закончил свою речь. По окончании церемонии Бегин подошел к нему и поцеловал в обе щеки. Шауля

приветствовали и другие высокие гости: Мотта Гур, начальник генерального штаба израильской армии, и Эзер Вейцман, министр обороны Израиля. Премьер-министр подарил Шаулю свою автобиографическую книгу «Восстание», и мальчик с гордостью показал ее матери. Церемония закончилась, и участники стали прощаться, оживленно беседуя, присутствовавшие вышли из синагоги. На улице уже были накрыты столы для торжественного обеда. Как только они вышли, Шауль Коген доверительно сказал руководителям Израиля, что, хотя его отец был футбольным болельщиком, он сам предпочитает баскетбол.

Перед синагогой разместившиеся за столами пили коньяк и водку, танцевали и пели песни. Начавшись так печально, день закончился празднично. В печали рождалась новая жизнь, надежда на лучшую жизнь. Танцуя на лужайке перед скромной синагогой, все пели песню по случаю еврейского праздника: «Вперед, вперед — навстречу жизни!»

Художественно-документальная

Айзенберг Деннис, Дан Ури, Ландау Эли

МОССАД.

**Секретная разведывательная служба
Израиля**

Редактор О. А. Топалова

Оформление художника Ю. С. Саевича

Художественный редактор Н. Д. Смольникова

Технический редактор Т. С. Орешкова

Корректор Э. С. Казанцева

ИБ № 2114

Сдано в набор 15.05.92. Подписано в печать 28.07.92. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага ТИП № 1. Гарнитура «Таймс». Печать **высокая** Усл. печ. л.
14,28 + 0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 16,59. Уч.-изд. л. 15,00. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 838. Изд. № 8-И/92.

Издательство «Международные отношения»
107078 Москва, Садовая-Спасская, 20

Ярославский полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Книга, написанная израильскими журналистами У. Даном и Э. Ландау в содружестве с английским журналистом Д. Айзенбергом, — одна из первых работ о Моссад, появившихся на Западе, и пока единственная, вышедшая в нашей стране.

**СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ**

Это произведение, в котором авторы объективно, ничего не приукрашивая и не скрывая досадных неудач, повествуют об истории израильской разведки, считающейся в настоящее время одной из лучших разведок мира. Особую ценность книге придает тот факт, что при ее написании использовались ранее нигде не публиковавшиеся данные, которые авторам сообщили сотрудники Моссад.

В книге описаны наиболее известные операции, проведенные Моссад, каждая из которых, несомненно, составила бы славу и гордость любой разведке мира.

Вышедшая почти двадцать лет назад, эта книга не потеряла актуальности и даже сенсационности.

